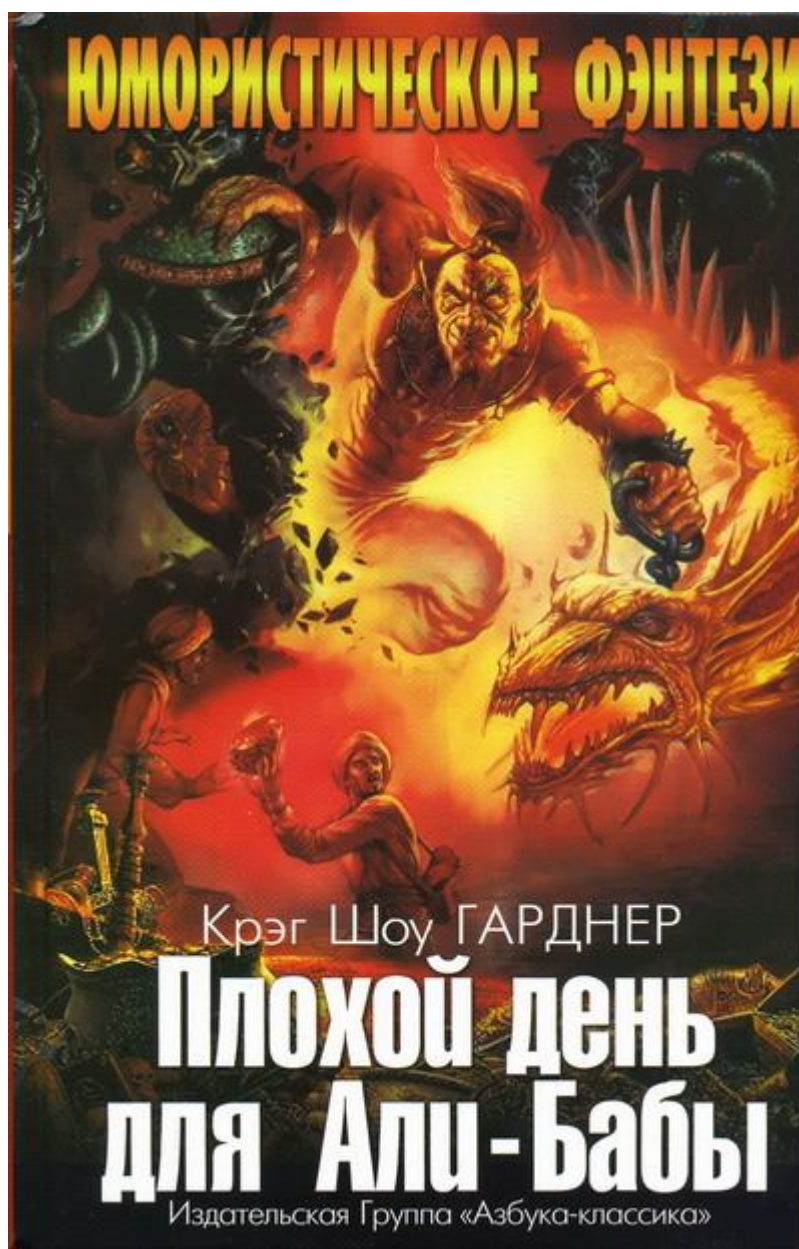

Крэг Шоу Гарднер
Плохой день для Али-Бабы

Арабские ночи – 2

Scan: Alex1979; OCR&ReadCheck: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Крэг Шоу Гарднер «Плохой день для Али-Бабы»»: Азбука-классика; СПб.; 2009
ISBN 978-5-9985-0391-7

Аннотация

Новый, невероятно смешной роман-пародия Крэга Шоу Гарднера по мотивам «Сказок тысячи и одной ночи»! Впервые на русском языке!

Бедная, но честная жизнь Али-Бабы оставалась бы таковой, если бы его не угораздило обнаружить в лесу пещеру, набитую золотом... Богатая жизнь Али-Бабы была бы долгой и счастливой, если бы не наступил Плохой День...

Почему Сорок Разбойников всегда должно быть ровно сорок; какие секреты скрывает

пещера, отворяемая волшебными словами; и в чем суть Великой Программы Рефинансирования Караванов — об этих и других тайнах загадочного Востока вам расскажет признанный мастер юмористического фэнтези!

Крэг Шоу Гарднер «Плохой день для Али-Бабы»

*Девушке, Которая Танцует
(Это ча-ча-ча — за мной.)*

Вступление, в котором мы снова оказываемся в мире чудес

Ах! Многие пришли снова послушать нас.

Тем из вас, кто уже бывал здесь, ведома история моего соотечественника про двух Синдбадов, исполненная чудес и опасностей, но с хорошим концом. Да, да, дорогой друг, за исключением, разумеется, того досадного происшествия с королевой обезьян. Но теперь все это уже в прошлом, во всяком случае, все мы на это горячо надеемся. Сказать по чести, судя по твоему виду, ты уже вполне оправился.

Но вернемся к делу, ради которого все мы собрались здесь. Сегодня я расскажу вам вторую сказку, исполненную таких чудес и опасностей, что по сравнению с ней история храброго Синдбада покажется лепетом тишайшего ветерка.

Итак, я тоже вернусь к тем стародавним временам, когда Багдад, чьи башни, кажется, созданы из света неба и красок утренней зари, а вовсе не из обыкновенного ила и глины, был величайшим городом на свете. Но этот рассказ и о других землях тоже, с мрачными непроходимыми лесами, столь обширными, что деревья в них в тысячу раз больше, чем людей во всей Персии, о пространствах таких огромных, что в них могут таиться и лучшие, и худшие из людей и животных.

И еще дальше поведет вас мой рассказ, к великим опаленным пустыням, где рыщут дикие существа, изгнанные из человеческих поселений, и где люди и звери сходят с ума от зноя и жажды.

Но повествование мое больше чем просто перечень чудес и опасностей. Это рассказ о конкретном человеке, скромном и занятом непритязательным трудом, по имени Али-Баба и о том, как случайная встреча привела его к великому богатству и еще более великим опасностям.

Ага! Я слышу ваши восклицания. Это история про Сорок Разбойников! И таки да, это в самом деле история про Тех Самых Сорок Разбойников и про то, как они попали впросак со своей Великой Программой Рефинансирования Караванов. Вы спрашиваете, что я имею в виду под «теми самыми»? И что разбойники делали с этими самыми караванами?

Значит, вы все-таки не знаете подлинной истории про Сорок Разбойников, включая вмешательство некоего джинна и необыкновенных магических предметов. Пожалуй, для вас же лучше было бы прекратить болтовню и начать слушать. Возможно, вы уже догадываетесь, что меня и в самом деле зовут Али-Баба, и — особенно вон те, самые шумные, в задних рядах — вы, наверное, позабыли, что я был некогда одним из самых искусных дровосеков и до сих пор с легкостью управляюсь с весьма острыми инструментами.

Вот так-то лучше. Рассказчик должен слышать собственный голос. Я начинаю.

И пожалуйста, на этот раз не хихикайте в самых драматических моментах.

Книга первая История Али-Бабы

Глава первая, из которой мы узнаем, что участь дровосека — это нечто большее, чем груда бревен

Говорят, у каждого человека своя судьба, и воистину мудр принимающий то, что ему предначертано. Ах, но в том-то вся и загвоздка, ибо кто может отыскать тот клочок пергамента, на котором записана его собственная судьба?

Итак, один бедный дровосек кое-как сводил концы с концами в некоем городе в самом дальнем уголке Персии, не подозревая о великих событиях, которым суждено было вскоре изменить его жизнь самым неожиданным и даже совершенно нежелательным образом. И звали этого скромного, но работающего дровосека Али-Баба.

Али-Баба этот был младшим из двух сыновей, и когда старик-отец его покидал этот мир, то завещал все свое имущество старшему из братьев, по имени Касим. Разумеется, таков был обычай в тех местах в эту пору, и таким же он остается и поныне. И младший сын правильно сделал, согласившись с этим, ибо отец его был человеком небогатым и нужда его не стала бы менее горькой, обратись обычай против них.

Но Касиму этого новообретенного богатства было мало, и старший брат безрассудно расточал эти монеты, подобно человеку, льющему воду в песок пустыни, до тех пор, пока ему тоже не пришлось приискивать себе работу. И даже тут он был крайне неблагодарен, ибо связался с некой дурной компанией и начал выполнять определенные поручения и оказывать всяческие услуги одному дому с чрезвычайно дурной репутацией. Но все же Али-Баба продолжал молчать и без жалоб трудиться за гроши.

И вот Али-Баба, чтобы хоть как-то поддерживать свое столь жалкое существование, изо дня в день рубил деревья, непосильным трудом заготавливая огромное количество дров в чаще вдаль от города, зарабатывая мозоли на ладонях и занозы в пальцах, постоянно рискуя столкнуться со свирепыми разбойниками и еще более свирепыми зверями. А Касим, который, казалось, бывал занят делами недолго и лишь по ночам, целые дни напролет сидел дома и требовал от многочисленных слуг ароматической воды, чтобы освежить свое чело. Но Али-Баба не слишком задумывался над судьбой брата, несмотря на то что брату этому случилось жить прямо по соседству с его бедной лачугой и что земли у того было куда больше, чем те жалкие несколько футов, на которых теснились Али-Баба, его жена и единственная служанка, которую они могли себе позволить, и даже на то, что Касим устраивал у себя шумные и многочисленные сборища, затягивавшиеся далеко за полночь и лишавшие Али-Бабу столь необходимого ему сна.

И все же скромный дровосек не протестовал. Воистину столь смиренным и работающим был этот человек, что едва замечал он многие и многие мелкие обиды и вечное недовольство со стороны своего далеко не идеального брата, которые *могли бы* вызвать в нем протест. Разумеется, если уж затрагивать эту неприятную тему, то на память мне приходит один небольшой пример. Это некий инцидент, приключившийся вечером, приятным во всех отношениях. По крайней мере, он был приятным сначала, до появления черных как смоль жеребцов хозяина Касима (чье настоящее имя было Гоха, но все звали его Беспалым, потому что на левой руке у него не было большого пальца, прежде красовавшегося там и отсеченного от прочего туловища кривым и в высшей степени острым ятаганом во время особенно горячего спора насчет поведения неких женщин из дома, где он был повелителем), которые убежали со двора за ворота. И случилось так, что жеребцы эти просунули головы свои между жердей изгороди Али-Бабы, и там они полакомились лучшими молодыми овощами с его маленького, но обихоженного огорода. Вдобавок к тому они, по обычаю всех лошадей, где ели, там и испражнялись, так что остатками их жизнедеятельности была загажена обычно безукоризненно чистая каменная дорожка, что вела к воротам Али-Бабы. Таким образом, когда на следующее утро Али-Баба поднялся, еще до рассвета, чтобы успеть отвести своих мулов далеко-далеко, в ту часть опасного леса, где можно было отыскать

самую лучшую древесину, он обнаружил эту двойную напасть.

Был ли славный лесоруб огорчен потерей урожая овощей, без которых ему затруднительно было обеспечить своим домочадцам сбалансированную, пусть и неоспоримо скудную, диету? Исполнился ли смиренный дровосек горечи оттого, что дорожка перед его домом стала теперь грязной и вонючей?

Пожалуй, оставим эти вопросы мудрецам, поскольку в этот самый миг наш скромный Али-Баба, воистину принц среди нищих, вдруг заметил брата Касима, направляющегося к своим воротам по соседству. И столь кротким был наш дровосек, что он не пожелал привлекать излишнего внимания к столь огорчительным вещам, как мог бы сделать кто-нибудь другой.

— Любезный брат! — сказал он вместо этого.

— Ну что еще? — грубо отозвался Касим. — Ты что, не видишь, что я занят?

И впрямь Али-Баба не был уверен, хочется ли ему занимать своего брата еще больше. Однако дровосек полагал, что такие дела, если уж начал, лучше доводить до конца. Поэтому он сказал:

— Я тут заметил две вещи. — И с этими словами он указал на огород — клочок голой земли, на которой не росли больше овощи.

Его брат мельком взглянул на разоренные грядки.

— Судя по виду этого огорода, хорошо, что твое основное занятие — рубка леса, — был насмешливый ответ Касима.

Готов ли был кроткий Али-Баба пассивно стоять и безмолвно выслушивать глупые шутки своего брата? Видимо, нет, ибо дальше дровосек заявил:

— Но это натворили лошади Гохи. — И в доказательство своих слов он указал на благоухающие кучки, в изобилии усеявшие дорожку.

Тут Касим нахмурился и сморщил свой большой некрасивый нос.

— Почему это еще не убрано? Как скверно, что нам приходится жить в такой тесноте. Тебе следовало бы в дальнейшем быть поосторожнее, дабы не докучать соседям своими дурными манерами. — И с этим его брат развернулся и направился прочь, на тот надменный манер, как любят вести себя богатеи.

Вывели ли из себя простодушного Али-Бабу, который в столь многих отношениях был куда чище духом, нежели его братец, эти эгоизм и непонимание? Готов ли был благочестивый Али-Баба схватить ту самую глиняную чашу, что теперь у него в руках, и разбить ее вдребезги о ближайший столб? Был ли всегда учтивый Али-Баба на волосок от того, чтобы схватить этот пергамент, что теперь перед ним, и разорвать его на мелкие клочки, желая при этом, чтобы каждый клочок был частицей его брата?..

О Всевышний! Прошу прощения. Я немного отклонился от темы. Почему вы все зашевелились? Вы, конечно же, не собираетесь уходить. Я ведь просто подготавливаю сцену, на которой будут твориться великие дела. Возможно, Синдбад прав и мне стоило бы поменьше отвлекаться.

Куда вы пошли? Я ведь даже не рассказал вам про Проклятие Противоречивых Желаний или про удивительное открытие, сделанное мною в Общенациональный День Джинна. И я еще и словом не обмолвился про Дворец Красавиц.

Ага, вот так-то лучше. Думаю, я уже достаточно обрисовал картину и теперь перейду — да-да, быстро — к тому моменту, когда начались настоящие события и я понял, что жизнь моя изменится навсегда.

О чем это я? Ах да, Дворец Красавиц. Ладно, об этом я расскажу в свой срок.

Глава вторая, в которой мы снова пытаемся понять, где в этой истории правда

И вышло так, что трудившийся в поте лица Али-Баба, валя наиболее крепкие деревья, очутился в самой глухой части леса, с таким густым подлеском, что в полдень там царил

сумрак, а тени, казалось, порождают новые тени. Понятно, что Али-Бабе было беспокойно в таком месте, но в то же время он знал, что за срубленные им деревья на рынке дадут хорошую цену и он худо-бедно сможет прокормить своих домочадцев.

Но солнце перекатилось за ближайшую гору, и в разгар дня потемнело, словно наступил вечер. Ветер усилился, донося раскатистый рык какого-то лесного хищника. Али-Баба принялся за дело с удвоенной силой, задавая себе вопрос, стоит ли какая бы то ни было работа того, чтобы из-за нее расстаться с жизнью. Неудивительно поэтому, что он подпрыгнул, стукнувшись головой о ветку, когда слышал, что к нему приближается великое множество лошадей.

Я сказал «великое множество»? Он метнулся прочь с тропы, а земля уже дрожала от топота копыт. По мере того как всадники приближались к его укрытию в густой чаще, Али-Баба слышал еще и грубый хохот, и слова, которые обычно не ассоциируются с высшими эшелонами культурного общества. И столь исполнен вполне понятной тревоги он был, что почти забыл про шишку у себя на голове и лежал совершенно неподвижно, как сделало бы любое затаившееся живое существо.

Но тут земля задрожала еще сильнее, так что Али-Баба не мог больше различить, то ли твердь земная ходит ходуном у него под ногами, то ли это его самого трясет от увиденного. Ибо там, неподалеку от его зарослей, он видел теперь коней, скачущих во весь опор по двое-трое в ряд. И на каждом коне сидел человек — в одеждах черных, как небо в грозовую ночь. Али-Баба в уме считал их, пока они проезжали мимо, и к моменту, когда перед глазами его осталось лишь редующее облако пыли, он насчитал целых сорок лошадей и сорок всадников.

«Пожалуй, — подумал он, — самым благоразумным было бы потихоньку выбраться отсюда, забрать своих мулов (которых он привязал к деревьям неподалеку), а потом вместе с ними убираться из этого места во всю прыть, на которую способны их ноги». Но, как говорят мудрые люди, любопытство в человеке сильнее всего остального. Ибо лесоруб, рассеянно потирая шишку на макушке, понял, что ни за что не уйдет, пока не узнает, что такое множество ужасных людей делает в этой глухой лесной чаще.

Поэтому в надежде выведать, куда дальше направятся эти грубияны в черных одеждах, Али-Баба повернулся и увидел, что все сорок остановили своих коней на соседней полянке возле крутого горного склона. Спешившись, все они снимали вьюки со съестными припасами и бурдюки с водой, висевшие у каждого по одну сторону седла. Но затем, по знаку мужчины, возглавлявшего отряд (должно быть, их главаря, решил Али-Баба), остальные тридцать девять отстегнули переметные сумы по другую сторону седел. И по тому, как зазвенели эти мешки, ударившись о голую землю, и по усилию, с которым сорок мужчин подняли их, Али-Баба предположил, что эти вьюки, должно быть, набиты золотом и драгоценностями.

Некоторые из мужчин при этом повернулись, и Али-Баба во все глаза разглядывал их из своего укромного места, чтобы получше понять, что же это за люди, притаившие сюда столько золота. То, что он увидел, его вовсе не утешило, поскольку, как оказалось, все мужчины носили большие бороды, разделенные надвое и завитые в разные стороны. Что в действительности придавало им свирепый вид, так это необыкновенная густота бород и то, что волосы доходили почти до самых глаз. Да и то Али-Баба не мог как следует эти глаза рассмотреть, потому что эти люди поглядывали искоса и так хмурили брови, словно нрав у каждого из них был еще менее приятный, чем у его брата.

Сомнений не оставалось. Золото, которое привезли эти люди, никак не могло быть заработано честным трудом. Следовательно, Али-Баба подсматривал за самыми что ни на есть разбойниками. И вновь дровосек решил, что не стал бы приглашать к себе на вечеринку никого из собравшихся здесь.

— Идите все сюда! — позвал их вожак на редкость скрипучим и некультурным голосом. — Мы должны быстро проскользнуть в наше укрытие!

И тут главарь направился к огромному валуну, лежавшему в конце полянки, камню в три человеческих роста в высоту и столько же в ширину. И, уставившись на этот камень,

главарь разбойников произнес следующее:

— Сезам, откройся!

Сначала Али-Баба не слишком удивился этим странным словам, ибо голова его была занята мыслями о том, какая именно часть этой непролазной чащи служит бандитам укрытием. Но их целью был вообще не лес. Неожиданно для себя Али-Баба услышал ужасный скрежет и увидел, как громадный валун отъехал в сторону, явив скрывавшуюся позади него глубокую пещеру, уходящую внутрь горного склона.

Ни один из стоявших перед ним разбойников и словом не обмолвился насчет случившегося, будто бы огромные камни, передвигающиеся сами по себе, были делом таким же обычным, как плевков верблюда. Вместо этого они снова взялись за свои вьюки и потащили их в открывшуюся пещеру, кряхтя и ворча под тяжестью ноши и оскорбляя друг друга, что всецело свидетельствовало об их дурных манерах.

Столь изумлен был Али-Баба этим поразительным происшествием, что едва не выскочил из своего укрытия. Он высунулся так далеко, как только позволили ему заросли ежевики, и благодаря этому ему повезло расслышать очередные два слова, донесшиеся из глубины пещеры:

— Сезам, закройся!

И огромный валун быстро передвинулся на свое прежнее место, скрывая из виду пещеру.

Что же это за чудное колдовство, если здоровенные камни двигаются при простом упоминании сельскохозяйственного продукта?¹ Али-Баба был настолько потрясен, что до него не сразу дошло, насколько сильно он запутался в колючих кустах, и еще некоторое время понадобилось ему, чтобы запаниковать при мысли, что вдруг он не успеет выпутаться до того, как вновь появятся разбойники. Так что следующие несколько минут лесоруб провел, высвобождая свою опрятную, хотя и скромную одежду из колючего плена, одновременно пытаясь не думать о множестве виденных им острых кривых сабель, висевших на поясах у людей в черном.

Но пальцы Али-Бабы были ловкими, как у любого, кто зарабатывает себе на хлеб честным и тяжким трудом, и дровосек сумел высвободиться еще до того, как валун у склона горы издаст новый шум. Однако не успел он решить, что ему делать с мулами, или обдумать множество других аспектов этой все более усложняющейся ситуации, как земля вокруг него вновь задрожала, поскольку огромный камень отъехал в сторону от убежища разбойников.

— Живо! — скомандовал главарь остальным грабителям. — Мы должны докончить дело и вернуться на караванный путь за новым золотом! — Он хлопнул в ладоши, подгоняя замешкавшихся. — Сезам, закройся!

Пожалуй, главарь немножко поспешил, торопясь к своей цели, ибо на этот раз движение валуна сопровождалось громким и ужасно неприятным воплем.

— Что-то случилось! — рявкнул главарь разбойников.

— О нет, — поспешили заверить его остальные. — Ничего особенного.

Главарь ткнул пальцем в каждого из членов своей шайки по очереди, быстро, но беззвучно шевеля губами.

— Не вижу, чтобы здесь были все тридцать девять!

— Ну вообще-то так и есть, о храбрейший из разбойников, — признал один из грабителей.

— По-моему, это был Номер Двадцать Восемь, — рискнул предположить другой.

— Номер Двадцать Восемь? — задумчиво повторил третий. — Он всегда был немного тугодумом. Удивительно, что он так долго протянул.

— Двадцать Восемь? — переспросил главарь. — Он что, остался в пещере?

— Нет, — пояснил кто-то, — он остался в проходе.

¹ Сезам — кунжут (англ.).

— По крайней мере, — добавил другой, — большая его часть.

— О чем это вы? — сердито спросил главарь. — Мы что, *потеряли* Номер Двадцать Восемь?

— Ну, не то чтобы совсем потеряли... — поспешно отозвался еще кто-то.

— Нет, — объяснил очередной разбойник. — Он просто теперь намного шире и тоньше, чем был раньше.

— И еще, — добавил один из уже говоривших до этого, — куда мертвее.

Тут предводитель головорезов, спотыкаясь, попятился туда, где поляну еще украшало последнее маленькое пятнышко света, и запрокинул голову к небесам, ловя глазами лучи заходящего солнца. Лицо его помертвело от ужаса. Когда он заговорил вновь, голос его дрожал:

— Значит, теперь мы — лишь тридцать девять разбойников?

Что же такое могло приключиться ужасное, недоумевал Али-Баба, чтобы заставить столь жуткого человека познать страх?

Компания разбойников не нашла, что ответить на этот вопрос, и весь лес, казалось, умолк вместе с ними. Но этой неестественной тишине не суждено было продлиться долго, ибо тут главарь их ужасно разволновался.

— О горе! — вскричал он самым что ни на есть жалобным голосом, выхватил саблю и принялся совершенно безрассудно размахивать ею. — Головы с плеч! Кишки наружу! Руки-ноги долой!

Остальные тридцать восемь головорезов нервно переглядывались и, казалось, были всецело поглощены тем, что переминались с ноги на ногу и прочищали горло. Их вожак прямо-таки подпрыгивал на месте, издавая звуки, которые, не будь он так расстроен, видимо, должны были быть словами.

— Прощу прощения, о наипервейший среди воров, — наконец осмелился произнести один храбрый злодей. — Но у нас есть другой вариант.

— Другой вариант? — Главарь махнул саблей в сторону говорившего. — Да я должен был бы разрубить тебя надвое за одну подобную мысль! Вспомни, когда ты дал согласие присоединиться к нашей шайке, тебе говорили, что наказание здесь лишь одно — смерть! Но, — продолжал предводитель разбойников, заметно бледнея, — тогда нас стало бы всего *тридцать восемь*. — Главарь горько рассмеялся, опуская саблю. — Вы же знаете, как отворачивается удача, когда нас становится меньше сорока.

Тут Али-Баба услышал далекий раскат грома. Но ведь всего несколько мгновений назад на небе не было ни облачка...

— Склоняюсь перед вашей непревзойденной мудростью, о умнейший из похитителей кошельков, — льстиво произнес все тот же член банды. — Следовательно, для нас исключительно важно быстро восстановить полный комплект из сорока разбойников, чтобы нам снова покровительствовали те темные силы, которым мы поклоняемся.

— Легко тебе говорить! — Предводитель вновь с горечью рассмеялся, похоже не видя в словах другого бандита никакого смысла. — Но где нам взять еще одного разбойника за столь короткий срок, особенно в таком глухом и безлюдном лесу?

— Ну, есть ведь тот тип, что прячется в зарослях ежевики. — Вор указал прямо на Али-Бабу.

Тут с полдюжины бандитов кинулись вперед и выволокли до смерти перепуганного дровосека из его, как оказалось, ненадежного укрытия.

И все же вожак еще не был убежден. Главарь разбойников разглядывал Али-Бабу, и на его бородатом лице отражались удивление и скептицизм с изрядной примесью облегчения. Али-Баба, в свою очередь, споткнулся и шлепнулся наземь прямо перед ним.

— У этого человека нет совершенно никаких воровских задатков! — провозгласил главарь. — Одежда у него ветхая и вся в колючках. К тому же на голове у него, похоже, изрядная шишка, словно его совсем недавно стукнули каким-то тупым предметом.

— Битый человек, о султан всех подонков, — подхватил отважный разбойник. —

Подумай только, с какой готовностью он воспримет любое наказание, которое ты, возможно, пожелаешь на него наложить за какую-нибудь мелкую провинность.

— Наказание? — переспросил другой, хмурясь. — Мне казалось, что наказание у нас одно — смерть.

— Что?! Ты смеешь сомневаться во мне?! — завопил предводитель бандитов, и полдюжины его людей кинулись на того, кто сделал столь обидное замечание. — Убить его! — Он задумался, и его ятаган снова застыл в воздухе. — Нет-нет, это лишь доказало бы его правоту. Он, безусловно, совершил мелкую провинность, которая заслуживает незначительного наказания. Мы всего лишь отрубим ему большой палец. Нет-нет, мизинец. И на левой руке тоже! Видите? Отныне и впредь я буду милосерден.

Али-Бабе было несколько затруднительно сосредоточиться на дальнейшей беседе из-за отчаянных воплей разбойника, которому главарь явил свое милосердие.

— Но мы невежливы, — заметил атаман, поворачиваясь к дровосеку.

Бандит улыбался, но у Али-Бабы сложилось впечатление, что события поворачиваются не самым лучшим для него образом.

— Мы не поприветствовали нового члена нашей ужасной шайки, — с намеком объявил вожак.

И тогда все остальные разбойники, даже тот, который только что лишился некоторых частей своего тела, выхватили сабли и подняли их над головами, оглушительно вопя.

— Теперь ты один из нас! — кричал один из тридцати девяти.

— Обратного пути нет! — добавлял второй.

— Ты узнаешь воровскую жизнь! — радовался третий.

— Которой суждено окончиться на виселице! — сообщал четвертый.

— Богатство будет течь у тебя между пальцев! — обещал пятый.

— Пока тебе не отрубят руки! — прыскал от смеха шестой.

— Золотой песок станет струиться в твоих венах! — подбадривал седьмой.

— Если ты будешь еще жив, чтобы тратить его! — напоминал восьмой.

И вот эти ободряющие слова продолжали градом сыпаться на Али-Бабу, если, конечно, они были ободряющими, поскольку половину их составляли, похоже, щедрейшие посулы, половину — ужаснейшие из угроз.

— Теперь живо! — прервал их наконец атаман. — Выдайте нашему новому члену одеяние, темное, как мрак в глубочайшей из пещер, и саблю, беспощадную, как детский гнев!

— Номер Один любит выражаться вот этак, — прошептал на ухо Али-Бабе вор, принесший одежду, когда лесоруб поднялся наконец с коленей.

— Не говори так, чтобы другие не могли расслышать, Номер Семнадцать! — пожурил Номер Один. — Ты же знаешь, с каким наслаждением я вырываю языки!

Воры расхохотались. Чувствуя, что подобное поведение будет наиболее социально приемлемым, Али-Баба тоже постарался рассмеяться. Заодно он поспешил надеть предложенную ему одежду, поскольку уже почувствовал по своему ограниченному опыту, что всякое промедление может соответствующим образом изменить настроение главаря.

Когда Али-Баба был одет, вожак коротко кивнул:

— Отращивай бороду погуще и побыстрее, и все будет в порядке!

Отрастить бороду погуще и побыстрее? Али-Баба ужаснулся. Хотя он мог рубить лес не хуже любого другого мужчины, растительность на лице его, в особенности на щеках, имела тенденцию быть чахлой и жидкой. Он подумал, не безопаснее ли будет упомянуть об этом затруднении, но, прежде чем лесоруб сумел облечь свои мысли в подходящую форму, главарь уже отвернулся от него.

— А если я не смогу отрастить бороду? — спросил он того типа, что принес ему одежду.

Номер Семнадцать чиркнул себя ребром ладони по заросшей волосом шее.

— О бритье можно будет не беспокоиться.

— Вперед, мои разбойники! — воскликнул Номер Один, уже усевшийся верхом на своего коня. — Пещера должна быть заполнена! Надо добыть золото! Пора ехать! И там, где мы пройдем, смерть и горе будут следовать за нами!

И тут все сорок без одного разбойников бросились к своим коням и вслед за вожакom галопом усакали с поляны.

Али-Баба даже не сразу сообразил, что произошло. Только что он был захвачен группой головорезов и злодеев и силой принужден вступить в их ряды. А теперь, всего миг спустя, эти самые головорезы и злодеи умчались прочь, оставив его на поляне одного.

«Пожалуй, — подумалось ему, — теперь самое подходящее время забрать мулов и возвратиться в свое скромное жилище». Но на полянке теперь было так тихо. А кроме того, ему было прекрасно известно о некоей пещере по соседству и о ее содержимом. Поэтому он направился к огромному камню на краю поляны и повторил слова атамана разбойников:

— Сезам, откройся!

И скала отодвинулась вбок, являя скрытую за ней пещеру. Входя, Али-Баба осторожно перешагнул через останки Номера Двадцать Восемь. Но оказалось, что внутри не просто пещера. Нет, вместо каменных стен и пола, как он ожидал, дровосек оказался среди богатых ковров, свисающих со стен и во множестве громоздящихся на полу, в окружении жаровен из чистого золота, украшенных драгоценными камнями, еще продолжающих гореть после недавнего ухода разбойников. Это место больше походило на султанский дворец, чем на дикую пещеру. «Несомненно, — подумал Али-Баба, — это место должно служить домом разбойникам, когда они не рыщут в поисках золота». Он прошел вперед и отодвинул вбок очередной ковер, который отделял эту часть пещеры от следующей.

«Зачем, — было следующей его мыслью, — ну зачем разбойникам нужно еще какое-то золото?» Ибо позади этого ковра пещера оказалась еще шире и глубже, хотя дровосек мог лишь догадываться об ее громадных размерах, поскольку бо́льшая часть была заполнена огромными грудями золота и драгоценных камней.

Али-Баба перебежал взглядом с одного конца пещеры на другой, пытаясь как-то постигнуть размеры этого богатства. Но как ни быстры были его глаза, ум его работал быстрее. В этой пещере столько золота, что разбойники наверняка не заметят, если некоторая часть его исчезнет; скажем, столько, сколько могут унести один дровосек и шесть сильных мулов. И почему бы Али-Бабе не прихватить с собой немножко золота, ибо когда теперь у него еще будет случай повстречаться с этими сорока разбойниками снова? Особенно если он уберется из этой части леса на веки вечные?

Таковы были замечательные, но в какой-то мере не вполне разумные мысли Али-Бабы, пока он таскал золото сумку за сумкой, по две на каждого из своих крепких мулов, чтобы отвезти его в город. Знай он об ужасных последствиях своего поступка, он все равно взял бы эти драгоценности (в конце концов, золото есть золото, и такое богатство сваливается на дровосека не каждый день), но, наверное, немного меньше радовался бы случившемуся.

Он мог бы поклясться, что когда он покидал пещеру в последний раз, то слышал звук, тихий и рокошующий, словно басовитый смешок. Но это, конечно же, ветер, сказал он себе, а может, журчание подземного источника.

Если бы он только знал истинную сущность того, что его окружало!

Но Али-Бабе еще предстояло узнать это. Ибо в одном главарь бандитов был прав: где бы ни шли сорок разбойников, смерть и горе точно следовали за ними по пятам!

Глава третья, в которой дровосека встречают самым плачевным образом

Но, по крайней мере, в тот момент Али-Баба пребывал в счастливом неведении относительно скорых и пагубных последствий. Он повел своих мулов в город, где был его дом, потом по улице, до самых ворот своего жилища, и причем таким неспешным манером, что никто не заподозрил бы, что его мулы везут что-либо иное, нежели обычный скарб,

который лесорубы вечно таскают с места на место. Но, толкнув ворота, он обнаружил, что кто-то запер их изнутри, и паника едва не схватила его за горло, ибо он не хотел громко звать домохозяев и тем самым привлечь внимание к себе и своим мулам.

Али-Баба помедлил, глубоко вдохнул вечерний воздух и решил, что не позволит погубить себя воротам собственного скромного жилища. И тут Провидение даровало ему идею: а что будет, подумал он, если он снова воспользуется теми магическими словами, которые так хорошо подействовали на дверь той лесной пещеры?

И вот он вновь произнес эти слова, хотя на этот раз намного тише, поскольку час уже был поздний, а он не хотел, чтобы соседи подслушали его. И все же он выговорил довольно отчетливо:

— Сезам, откройся!

Засов на воротах откинулся, и они широко распахнулись.

Он быстро завел своих мулов во внутренний двор и, едва последний из них зашел, тихо, но решительно велел:

— Сезам, закройся!

И ворота затворились, и засов снова упал на место, как по волшебству. «Вот воистину могущественные слова», — подумал Али-Баба.

Однако на размышления у дровосека времени было немного, ибо жена его выбежала в их малюсенький дворик, скрипуче причитая:

— Как ты открыл ворота? Они должны были быть заперты. О горе! Наш скромный дом взломали и похитили наши и без того жалкие пожитки!

Али-Баба был в этот миг так счастлив, что даже причитания жены не могли испортить ему настроение.

— Эй, любовь моя! — сказал он ей. — Этот двор такой маленький, ты можешь осмотреть его весь, не поворачивая головы. Ты видишь, чтобы из него что-нибудь пропало?

Она нахмурилась, и глаза ее забегали по двору, проводя инвентаризацию.

— Нет, дырявое ведро и грабли, растерявшие половину зубьев, тут. А вон там наша одноногая курица и хворающая коза. Похоже, все наше имущество на месте. Им ничем не удалось поживиться.

В другое время Али-Баба просто согласился бы с нею. Но теперь на разум его тяжким грузом давила дюжина мешков с золотом и драгоценными камнями.

— Поди сюда, жена, — сказал он, — и не сетуй на свой бедный жизненный жребий, ибо судьба наша изменилась. — С этими словами он похлопал по ближайшему из битком набитых мешков, привязанных ремнями к спинам мулов. Мешок отозвался радующим сердце звоном.

Первая реакция жены была столь же приятной для него, сколь и звон золота, ибо рот ее распахнулся широко, как у зевающего старца. Вскоре, однако, разум вернулся к ней, а вместе с ним пришли и некоторые догадки насчет того, что? содержится в этих мешках и, более того, откуда это содержимое могло взяться.

— О горе! — заголосила она изо всех сил. — От этой вечной рубки леса ты лишился рассудка и занялся грабежом! — Женщина судорожно вцепилась в свою истрепанную шаль. — Все пропало, коли лесоруб сбивается с пути истинного!

Но то, что к его имуществу добавилось столько золота, озаряло отношение Али-Бабы к происходящему особым светом, и он мог лишь улыбнуться в ответ на неутраченное беспокойство своей супруги.

— Ничто не могло бы быть дальше от истины, о жена! Давай разгрузим золото, и я расскажу тебе, как я наткнулся на него.

И снова рот жены раскрылся, когда смекалистый Али-Баба подробно рассказал ей про историю с сорока разбойниками, и про камень, отодвигающийся по волшебству, и про пещеру, полную золота. И когда он закончил свой рассказ, жена восславляла его находчивость и пуще того возблагодарила Провидение, указавшее ее супругу добытое нечестным путем сокровище, чтобы изъять его у тех недостойных людей и передать тому,

кто этого воистину заслуживает.

Но потом жена дровосека заколебалась и снова нахмурила брови.

— О горе! — вскричала она, глядя на двенадцать мешков с золотом, лежащих перед нею. — Ты притащил мне груды золота, но ни на миг не задумался, куда мы его денем! Теперь мне, хрупкой, ослабевшей от нищеты, придется таскать эти тяжеленные мешки и искать, где бы спрятать их от пронырливых соседей, не говоря уже о наших властях, которых тоже может заинтересовать, откуда все это взялось.

Али-Бабе пришлось признать, что переживания жены отчасти не лишены оснований. Но его столь переполняла энергия от неожиданной удачи, что идей у него в голове оказалось тоже полно — вроде той, что прозвучала из его уст:

— Жена, ты часто жаловалась, что пол в кухне неровный и при всяком дожде склонен превращаться в грязное месиво. Что если нам закопать золото в кухне, чтобы ты ощущала более твердую почву под ногами?

Казалось, предложение Али-Бабы успокоило нервы его супруги, но лишь на несколько мгновений.

— О горе! — отозвалась она. — Значит, мы должны зарыть золото, не имея ни малейшего понятия, сколько ты его добыл? — Она заломила руки и возвела глаза к небу. — Как это похоже на мужчин — совершенно не думать о бюджете семьи!

Али-Баба был человеком, воистину исполненным великого терпения. Но и самая спокойная река встречается когда-нибудь с могучим океаном. И вот уже несколько более грозным голосом он заметил:

— Но чтобы пересчитать это золото, не хватит и всех летних дней!

Но его жену это не убедило.

— Возможно, что и так. Но все же должен быть какой-то способ измерить это огромное богатство. А иначе как мы сможем хотя бы разделить наследство между детьми? Конечно же, если мы не в силах пересчитать каждую монету в этих мешках, то можем, во всяком случае, измерить общее количество золота и, исходя из этого, узнать размеры нашего богатства.

Али-Баба признал, что, возможно, было бы разумным определиться на будущее. А кроме того, он чувствовал, что надо бы когда-нибудь хоть немножко поспать, и поэтому уступил пожеланиям жены.

— Как хорошо иметь такого умного мужа, — сказала она.

И поскольку хозяйство дровосека было слишком бедным, чтобы держать в нем такое сложное приспособление, как обычная мерка, жена Али-Бабы направилась к изгороди, отделявшей их двор от владений ближайшего соседа, Касима, который был к тому же братом Али-Бабы.

Как вы, возможно, помните из моего предыдущего повествования, Касим унаследовал бо?льшую часть состояния их отца, и хотя почти все деньги он вскоре промотал, за старшим братом остался дом, довольно большой и красивый, а потом Касим женился на женщине, каким-то образом связанной с его отнюдь не почтенным хозяином.

Несмотря на близкое соседство, обитатели двух домов мало общались между собой, в первую очередь из-за неких неуместных представлений насчет своего превосходства и разницы в социальном положении, существующих у членов семьи Касима. Тем не менее Али-Баба и его жена знали в точности, что смогут лицезреть ежевечернее появление супруги Касима, имевшей обыкновение в это время подходить к их общей изгороди в поисках удобного места, чтобы выбросить остатки ужина своего семейства.

Итак, жена Али-Бабы направилась в тот дальний угол двора, а дровосек перетащил тяжелые мешки в кухню. Потом он предупредил их единственную служанку (ибо они были столь бедны, что не могли позволить себе больше слуг), что ему понадобится ее помощь, чтобы выкопать подходящую яму.

Пока он готовил тайник, настало время жене Касима появиться у изгороди, где стояла жена Али-Бабы, и хотя две женщины разговаривали в самом дальнем углу двора, двор этот

был столь ничтожно мал, что Али-Баба мог слышать каждое их слово. Он слышал, как его супруга сокрушалась, что в хозяйстве нет мерки, а потом с куда большим интересом выслушал томный ответ жены Касима, пообещавшей поискать что-нибудь подходящее. Копая, он вновь посокрушался о том, что такие прелестные формы и притягательные манеры, как у жены его брата, сочетаются со столь низким происхождением!

Но его рассеянный разум не позволил ему разглядеть истинный смысл, скрытый в словах этой женщины. О, если бы только он знал, насколько хитра жена Касима и что из всего этого выйдет! Однако будь он осторожней, на этом история бы и закончилась, и не было бы в ней ни опасностей, ни волшебства. Но и кое-кто из главных участников этой драмы остался бы в живых.

Поэтому, ни о чем таком не подозревая, Али-Баба снова занялся ямой, слыша, как его жена объясняет, что звуки лопаты, наверное, доносятся со следующего за ними двора. Их же земельный надел такой прискорбно маленький. А звуки летними вечерами разносятся так хорошо. Но не могла бы соседка принести ей мерку?

— Для жены такого сильного и мужественного дровосека — все что угодно, — ответил глубокий грудной голос.

Услышав, что голос соседки удаляется, Али-Баба принялся копать с удвоенной энергией. «Сегодня воистину тяжелый день, — решил он, — и лучше будет выбросить из головы всякие неподобающие мысли и закончить свою работу».

Если бы он только знал, что завтрашний день будет куда хуже!

Глава четвертая, в которой мы вспоминаем о том, как важно иметь хорошую память

Отдохнуть наконец Али-Баба смог лишь уже глубокой ночью, поскольку час за часом он продолжал копать, жена его — мерить, а их юная служанка Марджана — складывать золото в яму. И даже после того как труд их был завершен, усталый дровосек не мог отдыхать долго, поскольку понимал, что ему следует по-прежнему подняться с первой зарей, как было у него заведено, и приступить к работе, словно он и не находил совсем недавно огромного количества золота. «Воистину, — подумал Али-Баба, — это накопление состояния выглядит совсем не так, как я себе представлял».

Итак, он поднялся с первыми петухами и, прихватив с собой мулов, отправился в другой лес, в противоположной стороне от той чащобы, где сорок разбойников держали свой золотой запас. И, как всегда с ним бывало, он вскоре увлекся и рубкой, и увязыванием веток, и всякими прочими аспектами ремесла лесоруба, так что день пролетел достаточно быстро. И все-таки Али-Баба изрядно устал от трудов минувшей ночи, поэтому, увидев, что туча закрыла солнце, он решил, что угрозы дождя для него достаточно, чтобы прекратить работу на сегодня и вернуться к домашнему очагу.

И вот, уставший донельзя, он вернулся вместе с мулами в свой дом, теперь уже не такой жалкий, как день назад. Прodelав долгий путь, он в пришел к себе во двор, где обнаружил свою жену, которая стояла на коленях, причитала и разрывала на себе и без того уже порванные одежды. Несомненно, он не ожидал от спутницы жизни радостного приветствия, ибо за долгие годы супружества хорошо изучил ее. И все же он не был готов к такой ужасной новости, как та, которой она теперь встретила его.

— О горе! — прорыдала женщина, и голос ее исполнен был тоски. — Все пропало! О нашем великом богатстве узнали!

— Узнали? — переспросил Али-Баба, на этот раз разделяя с женой всю глубину ее чувств. — Что ты имеешь в виду? Разбойники отыскиали мой дом?

Но единственным ответом ему были рыдания и заламывание рук. И конечно, когда дровосек поразмыслил над своим вопросом, он понял, что эти сорок разбойников были людьми столь гнусного нрава и дурных манер, что после их появления здесь не осталось бы ни его голосающей жены, ни их убогого домишки.

— Значит, разбойники про нас пока не знают?

На это, по крайней мере, жена его кивнула. Но Али-Баба все еще не получил ответа. И он осознал, с той мрачной уверенностью, с какой моряк чувствует приближение шторма, что существуют и другие напасти, кроме возвращения разбойников, — другие люди, которые могут возжелать золота и быть достаточно влиятельными, чтобы завладеть им.

— Это городская стража? — спросил Али-Баба.

Его жена была еще так поглощена рыданиями, что смогла лишь покачать головой и возвести глаза к небу, указывая взглядом (дровосек был в том уверен) на некую силу, высшую, нежели местная полиция.

— Повыше стражи? — Горло у Али-Бабы пересохло, будто пустыня перед песчаной бурей. Кто же еще из сильных мира сего мог претендовать на его золото? Потом он вспомнил про тех здоровяков в белых тюрбанах, что охраняли дворец их султана, парней со сверкающими саблями и смертоносной быстротой реакции. — Неужели, — спросил он не без трепета, — личное войско повелителя?

Но вновь жена его покачала головой, продолжая голосить, казалось, с удвоенной силой.

Али-Баба никогда не видал, чтобы кто-нибудь другой, кроме его жены, плакал так самозабвенно. Но что же могло быть хуже разбойников, полиции или личной гвардии султана?

Супруга его прервала свой спектакль на миг, достаточный, чтобы выдать из себя два слова:

— Жена Касима.

Это оглушило дровосека, словно верблюд лягнул его ногой в грудь. Их тайну знает теперь его далеко не отличающийся добродетелью братец? Жена была абсолютно права. Это было хуже любых его прежних предположений.

— Наконец-то! — раздался позади знакомый голос. — Этот двуличный тип, осмеливающийся называть себя моим братом, вернулся домой.

Али-Бабе не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это голос его бесподобного брата Касима и что теперь он увидит его стоящим по другую сторону их общей изгороди. Но, тяжело вздохнув, лесоруб обернулся, и увиденное его ничуть не удивило.

Однако далее все же изумился бы и самый подготовленный человек, ибо в следующий миг его братец раскрыл ладонь, и на этой самой ладони лежал сверкающий кругляш золота, во всех отношениях идентичный всем тем бесчисленным золотым, которые покоились теперь под полом у лесоруба в кухне.

— Я думаю, — сказал его брат особым тоном, выработанным за время выколачивания денег из должников всеми возможными способами, — что тебе знакомо вот это. Причем, полагаю, знакомо в больших количествах. Но ты не можешь утаить такой славный секрет от твоего дорогого брата, который, в конце концов, всего лишь заботится о твоём благополучии. Особенно когда у твоего дорогого брата такая умная жена.

И тут жена Касима неспешно подошла к своему господину и повелителю, и на один лишь миг Али-Бабе захотелось, чтобы его собственная жена могла бы ходить вот этак. Но он выкинул эти мысли из головы, терзаясь взамен тревогой: сколько потребует с него брат в качестве платы за молчание.

И так, стоя с женою бок о бок, Касим поведал, как его супруга узнала про золото Али-Бабы. Ибо после того, как жена лесоруба попросила мерку, жена Касима пошла к своему мужу и сообщила ему, что столкнулась с совершенно удивительной вещью. Зачем, в самом деле, в хозяйстве, где самыми ценными из пожитков являются дырявое ведро и одноногая курица, мог понадобиться предмет для измерения чего бы то ни было? И так распалилось любопытство этой женщины, что она решила намазать чем-нибудь дно мерки, прежде чем одолжить ее жене Али-Бабы. И вот она намазала доньшко мерки с наружной стороны нутряным жиром, в надежде, что куда бы мерку ни ставили, будь то зерно, горох или — хоть это и было просто невероятно — медные монеты, к этому жиру прилипнет образец того, что насыпали внутрь.

Потом коварная жена Касима отдала мерку ничего не подозревающей супруге Али-Бабы. И когда мерка с первым светом следующего утра была ей возвращена (ибо жена Али-Бабы всегда очень ответственно относилась к подобным вещам — на случай, если ей вдруг вздумается одолжить это снова), жена Касима немедленно направилась вглубь своего богатого двора, туда, где ее не было видно от общей изгороди. Удостоверившись, что соседи не смогут проследить за ней, она перевернула мерку кверху дном и обнаружила, к своему изумлению, не зернышко, не горошину, даже не медный грош, но монету из чистого золота.

Тогда она, пояснил далее Касим, немедленно сообщила эту новость своему мужу, как повелевает поступать долг всякой жене. И Касим был ужасно огорчен, поскольку он никогда не думал, что его брат станет таить такой секрет от своей родни, особенно учитывая, что Касим намного лучше него умеет распоряжаться деньгами.

В процессе этого повествования дровосек обнаружил, что ему все труднее заставлять себя сосредоточиться всецело на подробностях, какими бы огорчительными они ни были. Ибо внимание его притягивала к себе еще и жена Касима. Конечно, она любезничала со своим мужем. Но, пощипывая губами его ухо, она, казалось, не сводила глаз с Али-Бабы.

— Конечно, — продолжал Касим, — мы решили, что тут, должно быть, какое-то недоразумение, раз с такой новостью он не пришел немедленно к нам.

— Мы знаем, что у дорогого Али-Бабы не может быть секретов от родственников, — добавила жена Касима, каким-то образом ухитряясь одновременно говорить и надувать губки.

Лесоруба пробрал озноб, не имевший абсолютно никакого отношения к холоду. И в самом деле, некая частица Али-Бабы желала бы вообще не иметь секретов от этой женщины.

Тем не менее Касим и его жена узнали про золото, и к тому же за Касимом стояла сила его хозяина, Беспалого, к которой он мог прибегнуть в случае появления проблем с кем бы то ни было, а сверх того, были еще эти надутые губки, от которых дровосек не мог заставить себя отвести взор. Что оставалось делать Али-Бабе, кроме как рассказать им про сорок разбойников, пещеру с золотом и магическое заклинание?

Касим слушал очень внимательно и задавал такие вопросы, которые ни за что не пришли бы дровосеку в голову, вопросы, не оставлявшие сомнений, что Касим во всех подробностях осведомлен о повадках разбойников.

— Замечательно, — сказал Касим, когда Али-Баба закончил рассказ. — Я вполне удовлетворен твоим признанием.

И по его тону Али-Баба мог понять, что, не будь братец удовлетворен, дело явно могло бы дойти до крови и переломанных костей, несмотря на все рассуждения о родственных связях.

— Я должен выполнить для моего хозяина одно маленькое дельце, — заявил далее Касим. — Но утром я наведу в эту пещеру и посмотрю, правду ли ты сказал своему любящему брату. — Тут он улыбнулся, и улыбка эта почему-то напомнила дровосеку скорее о зимнем ветре, чем о летнем солнце.

И с этим Касим и его жена скрылись из виду по свою сторону изгороди. А Али-Баба принялся утешать свою супругу и их служанку Марджану. Вообще-то даже его жена смогла почувствовать, насколько дровосек напуган, поскольку в ее возгласах «О горе!» не было обычной силы. Марджана, со своей стороны, вполне резонно заметила, что, поскольку Касим с женой не допытывались насчет местонахождения и размеровклада, уже добытого Али-Бабой, значит, сокровище, по крайней мере, в достаточной безопасности.

Дровосека, увы, это не утешало. Если уж человеку с такими моральными принципами, как у Касима, стало известно, где находится золото, то разум его не успокоится, пока это золото не переместится в его закрома. И что еще более усложняло дело: на хозяина Касима работали и многие другие, с точно такой же репутацией и образом мыслей, что и у брата Али-Бабы. Дровосек даже не подозревал, что умные люди, говорившие: «Лучше подари сам, а то отнимут», — имели в виду его золото.

Но в будущем Али-Бабу ждали и другие чудеса, кроме слов «Сезам, откройся!»; ибо

далее произошел целый ряд воистину поразительных событий. Хотя вся эта история дошла до Али-Бабы несколько позже и отчасти в другом виде, все же теперь я могу упомянуть об истинной сути случившегося тогда ради связности повествования.

Итак, с первыми петухами брат дровосека, Касим, который так и не прилег, как часто бывает заведено у творящих бо?льшую часть своих дел под покровом ночи, направился к тому месту в лесу, что описал ему ранее Али-Баба. И, будучи человеком жадным, Касим захватил с собой дюжину мулов и пару добрых лошадей, чтобы помочь ему перевезти груз, которым он намеревался так запросто разжиться.

Хотя Касим и Али-Баба, несомненно, были братьями, они казались противоположностями во всем, кроме происхождения, как если бы дерево в один год могло приносить груши, а в другой — инжир. И вот, когда Касим добрался до поляны, где лежал огромный камень, то направился напрямик на середину, не посмотрев прежде, нет ли где-нибудь поблизости недобрых людей, как, несомненно, сделал бы дровосек. А очутившись на поляне, Касим привязал своих мулов и лошадей к наиболее удобно расположенным деревьям, вместо того чтобы спрятать их, как поступил днем раньше Али-Баба. В конце концов, за долгие годы работы в качестве исполнителя воли Беспалого он отвык от всех этих тонкостей. По этой причине он и решил стоящие перед ним задачи наипростейшим образом, а затем пошел к огромному валуну, произнеся столь громко, что голос его разнесся, должно быть, на добрую половину леса:

— Сезам, откройся!

И поскольку магическое заклинание не делало различий в зависимости от личных качеств произносившего его, камень отодвинулся в сторону с впечатляющим грохотом, от которого задрожала земля. Касим был очень доволен, что брат его сказал правду, и решил перестать думать о карах, уготованных им Али-Бабе, окажись слова дровосека ложью. Он шагнул в открывшуюся перед ним пещеру и после торопливого «Сезам, закройся!» (ибо даже такой беспечный человек, как Касим, отлично понимал, что нельзя оставлять тылы незащищенными) проследовал тем же путем, что и его брат, в то помещение, что от пола до потолка было завалено золотом, драгоценными камнями и другими ценными предметами.

Касим откинул ковер и надолго остолбенел. Здесь, в одном этом зале, было больше золота, чем он видел во всех многочисленных тайниках Беспалого, вместе взятых! И почему он не додумался привести с собой пятьдесят мулов и десять лошадей?

И все же ему хватило здравого смысла не корить себя слишком сильно. Забрав с собою то богатство, которое сумеет унести теперь, он всегда сможет вернуться за следующей порцией. А если даже он лишится такой возможности, то легко сможет вытрясти еще немалую сумму у бесхребетного, будто угорь, брата. И тут он весело принялся за дело, наполняя множество больших мешков, принесенных им сюда как раз для этой цели.

Часы летели за часами, пока он занимался этим, но всякая работа должна когда-нибудь закончиться, и вот Касим набил наконец битком все мешки и перетащил их из сокровищницы к выходу. Все, что ему оставалось сделать, это отодвинуть камень и навьючить своих животных, — и он станет богатым человеком до конца своих дней.

Он открыл рот, чтобы произнести волшебные слова, но вместо этого зевнул. Он был столь поглощен своей работой, что лишь в этот миг осознал, какая усталость навалилась вдруг на него. Но времени спать не было, ибо солнце, должно быть, уже готовилось скрыться за заколдованным валуном, а Касим из жизненного опыта знал, что большое богатство лучше всего перевозить под покровом ночи. Он попытался стереть сон с глаз, и уставился на огромный камень перед собою, и торопливо произнес два слова, пока зевота вновь не овладела им:

— Ячмень, откройся!

Он терпеливо ждал, когда скала отодвинется, но ничего подобного не произошло.

Касим нахмурился. Что-то было не так. Наверное, усталость заставила его голос дрогнуть, и он отдал команду без надлежащей уверенности. Поэтому он повторил, на этот раз почти выкрикивая слова:

— Ячмень, откройся!

Громадный камень был недвижим, как и прежде. И именно в этот миг Касиму пришла в голову ужасная мысль. Наверное, он забыл магическое заклинание. Он обернулся и любовно оглядел золото. Возможно ли, чтобы день, проведенный за подсчетом неисчислимых сокровищ, заставил человека утратить разум?

Что ж, Касим бывал и в куда более щекотливых ситуациях, чем эта. Если в заклинании речь не о ячмене, то точно о каком-то другом широко распространенном сельскохозяйственном продукте. И, если задуматься, продукт этот должен быть очень обычным, обычным настолько, что про него легко забыть — даже человеку столь выдающихся умственных способностей, как Касиму. Значит, он должен заставить себя мыслить банальнее, чем обычно.

— Овес, откройся! — возвестил он.

Этих слов валун тоже не признал. Касим изо всех сил сосредоточился, что делать было все труднее, поскольку голова его отяжелела от усталости, а в глазах стояли золото и драгоценные камни. «Наверное, — подумал он, — я все-таки недостаточно банален».

— Бобы, откройтесь!

Нет, это звучало совсем неправильно. Касим ощутил смутное беспокойство, словно в лице этого валуна столкнулся наконец с чем-то неподвластным силе его убеждения. И тем не менее сколько всего может быть злаков и прочих продуктов питания? Значит, ему надо перечислить всё ему известное из растущего на земле. Одно из названий точно сработает! Далее он предлагал скале открыться именем Ржи, Проса, Нута, Маиса, Гречихи, Пшеницы, Риса и Вики.

Все это время камень оставался непоколебимо недвижимым и безмолвным. Касим со страхом подумал, что перебрал все известные цивилизации сельскохозяйственные культуры. И к тому же он был не слишком уверен насчет истинной природы вики. Может быть, решил он, все больше впадая в панику, он ошибся вовсе не во второй части заклинания. Возможно, он забыл нужный глагол?

— Ячмень, отопрись! — поспешно выкрикнул Касим.

Как и следовало предполагать, эти слова также не вызвали никакого отклика. Мысли Касима заматались, подобно кролику, спешащему юркнуть в свою нору. Какие еще слова могут обозначать «откройся»?

— Ячмень, выпусти! Ячмень, отворись! Ячмень, отодвинься!

Теперь Касим уже начал сомневаться, что запомнил хоть что-то. Что, если ячмень — на самом деле неверное слово?

— Овес, отворись! — вскричал он. И потом: — Овес, расступись! — И: — Овес, сдвинься! — И так далее, и тому подобное.

Касим чувствовал, что, по мере того как одно заклинание за другим не приносит результатов, внутри него нарастает двойственное чувство. Одно — это страх, что он не сумеет теперь же вспомнить нужные слова и окажется здесь в западне. И другое, более сильное, грозившее вскоре затмить первое, — злость на своего брата Али-Бабу. Как мог он, эта жалкая пародия на дровосека, поставить своего брата в такое положение? Или у Али-Бабы вовсе нет никаких родственных чувств? Возможно, Касиму стоит снова пересмотреть свои планы насчет брата и, после того как он освободится из этого временного заточения, отыгаться на Али-Бабе за неудобства, причиной которых он стал.

Гнев придавал Касиму сил. Раньше или позже он должен перебрать все возможные комбинации!

— Пшеница, обмолотись! Вика, провейся!

Почему-то, пока он вопил, паника вновь взяла верх над злостью, и он продолжал отчаянно выкрикивать одно пустое заклинание за другим:

— Бобы, вылушиться! Овес, высыпья! Сезам, выпусти!

Вновь и вновь кричал он, пока у него вовсе не осталось голоса, один лишь шепот. Разве не перебрал он все мыслимые комбинации? Когда он выберется отсюда, его брат точно

заплатит за то, что поставил Касима в такое неловкое положение.

А потом, когда Касим не мог уже больше кричать и вынужден был наконец умолкнуть, чтобы перевести дух, камень отодвинулся вбок, словно решил открыться по собственному почину.

Будь это и в самом деле так, подобное обстоятельство оказалось бы весьма благоприятным, но, к несчастью для дальнейшего благополучия брата нашего лесоруба, по другую сторону волшебного прохода кто-то был. Если быть более точным, этих кого-то там было почти сорок. И, судя по цвету их одежд и тем частям ужасных лиц, которые Касим мог разглядеть из-за еще более ужасных бород, они, похоже, были не слишком дружелюбно настроены.

Какими бы огромными и страшными ни выглядели эти почти сорок мужчин, был среди них один, казавшийся еще огромнее и страшнее остальных. Касим понял, что это, должно быть, их главарь.

— Что мы видим? — воскликнул главарь, и Касим был даже не рад, что тот открыл рот, ибо зубы у разбойника были обломанные и гнилые, словно он имел обыкновение есть сырое мясо.

Касим знал, что сделал бы Беспалый, обнаружь он кого-нибудь в своей сокровищнице. А, судя по одному лишь внешнему виду, по сравнению с этим грубым предводителем разбойников Беспалый мог бы по ошибке сойти за великодушного отца семейства! Касим приготовился к тому, что его сейчас пронзит множество клинков.

Но предводитель шайки медлил.

— Минуточку! Сколько всего у нас разбойников на данный момент?

Касим не намерен был играть в эти считалки. Он был человеком действия. Если он должен умереть, смерть должна быть быстрой и жестокой. И здесь, во всяком случае, Касим получил то, что хотел.

Он ринулся вперед, пытаясь прорваться через толпу из почти сорока человек. Он оттолкнул рослого главаря, но тот оказался проворным и зажал Касима, будто клещами, в то время как остальные почти тридцать девять разом обнажили ятаганы.

И тогда Касим познал истинную цену своим поступкам. Ибо оказаться в плену не только пещеры, но своей собственной паники было лишь первой частью кары. Второй стала смерть.

И еще худшей была заключительная часть наказания, которая должна была последовать после смерти.

Пока Касим ожидал приговора без малого сорока клинков, опускавшихся так слитно, словно ими управляла одна-единственная рука, ему померещилось, что он слышит какой-то иной звук, исходящий откуда-то сзади. Но за спиной у него не было ничего, кроме неровной стены пещеры.

Мысль была нелепой, но это была последняя из всех его мыслей вообще. Что за существо могло затаиться в стене пещеры и хихикать?

Глава пятая, из которой мы узнаем, каким образом шесть частей могут быть больше, чем одно целое

Дровосек Али-Баба был несчастен. На самом деле он так переживал, что не был способен заниматься своим каждодневным трудом и вместо этого укрылся от полуденного зноя в той жалкой тени, которую в состоянии было дать его убогое жилище. Однако чем старательнее он прятался от этого мира, тем сильнее одолевали его опасения. Его тайна не была больше в безопасности, поскольку далеко не честный брат его Касим выведal местонахождение сокровищницы. Он снова подумал о тридцати девяти разбойниках, что стерегли этот тайник. Даже если они еще не разыскивают Али-Бабу за недавнюю кражу, то у него не было сомнений, что, обнаружив ущерб, нанесенный им Касимом, они просто

рассвирепеют. Ибо Али-Баба был человеком скромным — даже в плане завладения чужим золотом. Про Касима такого сказать было нельзя.

Его старший брат не из тех, кто склонен соблюдать умеренность в чем бы то ни было. Вне зависимости от того, как велик будет куш, с которым он вернется, они с женой все спустят и промотают еще до того, как лето сменится осенью.

Али-Баба почувствовал, что слишком взмок для человека, сидящего в тени.

Касим также не отличается и особым благоразумием, и все его многочисленные дружки, имеющие дурную репутацию, тоже захотят узнать про источник его новообретенного богатства.

Со вздохом Али-Баба подумал, что многое отдал бы за легкий ветерок.

Ах, если бы он мог закрыть глаза и подремать до возвращения брата. Но всякий раз, как веки его опускались, дровосеку виделись тающие золотые горы. Куда бы ни обратился его рассеянный взгляд, повсюду Касим и Беспалый вели подводы, груженные золотом. Если он, сонный, отводил от них взор, то лишь для того, чтобы увидеть, как его золото отбирают те сорок лесных жителей в черных одеждах.

Час проходил за часом, но Али-Баба никак не мог прийти ни к какому решению, его проблемы все больше напоминали ему зыбучий песок, из которого не выбраться. И к тому же история оставалась недосказанной. Дровосек видел, как вечер сменила темнейшая из ночей, но брат его так и не появился, чтобы похвастать своим новым богатством. Али-Баба заморгал и готов был поклясться, что видит первые слабые отсветы утренней зари, но громкого и несносного шума, которым обычно сопровождалось появление Касима, не было слышно.

Возможно, дошло до Али-Бабы, ему придется столкнуться с совершенно иной проблемой. Нет! Все полученное им воспитание восставало против этой мысли. Конечно же, Касиму хватит ума, чтобы ускользнуть от шайки разбойников.

Но ведь гнусная банда обнаружила даже Али-Бабу, а Али-Баба, не в пример Касиму, в лесу был как дома.

Постукивание по изгороди вывело дровосека из забытья.

— Проснись, о мой доблестный деверь, — раздался хриловатый, но ласкающий слух голос жены Касима. — Не станешь же ты спать, когда твой родственник в опасности. — После паузы она добавила помягче: — И, на мой взгляд, спать в одиночестве — это просто трагедия.

— Спать? — Почему-то Али-Баба несколько сконфузился от этих слов. Он почувствовал, что снова разом весь вспотел. — Я не спал, — решительно заявил он, когда язык снова стал повиноваться ему. — Я просто задумался. — Теперь уж дровосек мог убедиться, что рассвет уже наступил — на удивление внезапно.

— Хотела бы я так задуматься в подобной ситуации, — пробормотала жена Касима и добавила, словно вдруг вспомнив о своем положении: — Но твой брат не вернулся из этой авантюры, на которую ты его послал. Ты непременно должен найти его!

Али-Баба подумал, что, если так посмотреть на ситуацию, становится очевидным: вся ответственность лежит на нем. Поэтому он оторвал взгляд от жены своего брата и пошел сообщить собственной жене о своем долге.

— О горе! — затынула она, услышав эту новость. — Значит, тебе придется снова возвратиться в тот ужасный лес, из которого ты до этого едва сумел унести ноги?

Али-Баба согласился, что со стороны жены это было разумным напоминанием. Оно, конечно, не слишком разжигало его энтузиазм, но долг есть долг. И вот, когда как следует рассвело, дровосек снова направился к тому волшебному и опасному месту, где в первый раз повстречался с удачей. На этот раз он взял лишь одного мула, чтобы если и захватить что-нибудь с собой на обратном пути, то лишь немножко золота.

Некоторое время спустя он добрался до злополучной лесной поляны и обнаружил, что там все тихо. Он не нашел ничего, что свидетельствовало бы о недавнем пребывании здесь его брата или множества выючных животных, которых Касим захватил с собою, чтобы

перевезти сокровища. Внимательно изучив сухую землю на предмет следов, ведущих к этому открытому пространству, он увидел отпечатки копыт мулов, пришедших сюда с той же стороны, что и он сам. Однако поверх этих мирных следов посреди поляны имелись более глубокие отпечатки — множества конских копыт. Земля была настолько изрыта ими, что Али-Бабе нетрудно было предположить, что следы эти оставили целых сорок коней, на которых сидели сорок мужчин в черном.

Эти сорок или около того человек, похоже, забрали мулов и лошадей Касима. Значит, без сомнения, они забрали и Касима тоже. И все же у Али-Бабы оставалась еще доля надежды, поскольку он помнил свой совсем недавний опыт общения с разбойниками, включая быстротечную «карьеру» в качестве сорокового члена их шайки. Он понимал, что теперешнее состояние здоровья его брата — более того, само его существование — скорее зависит от того, сколько разбойников на данный момент осталось в банде, чем от поведения самого Касима.

И все-таки вокруг по-прежнему было тихо. Что бы ни натворили эти головорезы, задерживаться здесь они, по-видимому, не собирались. К добру или к худу это было для Касима? Дровосек посмотрел на валун, стерегущий вход в сокровищницу. Не там ли, внутри, таится разгадка того, что случилось с его братом? Каковы бы ни были последствия, Али-Баба должен был это знать.

— Сезам, откройся! — с некоторым трепетом произнес он.

Как и прежде, камень отодвинулся. Пока заколдованный кусок скалы отъезжал вбок, Али-Баба был начеку, готовый пуститься наутек при первых признаках какой-нибудь западни. Но пещера позади валуна казалась столь же пустынной, как поляна, на которой он стоял.

И все же по мере приближения к пещере надежды, которые питал лесоруб, таяли, ибо Али-Баба увидел явные признаки того, что для Касима все кончилось не лучшим образом. Во-первых, обнаружились какие-то темно-бурые пятна на полу пещеры, представлявшие не в меру разыгравшемуся воображению дровосека не чем иным, как засохшей кровью. А во-вторых, учитывая очень пористую структуру камня под ногами, чтобы остались такие вот темно-коричневые отметины, должно было пролиться очень много крови. Крови, которая, без сомнения, некогда находилась внутри несчастного Касима.

Положение в любой момент могло стать еще более скверным, ибо далее произошло несколько событий, убедивших Али-Бабу, что он, возможно, не один в этом плохо освещенном месте. Едва он двинулся вдоль широкой бурой дорожки, в темном углу слева от него что-то шлепнуло. А едва он нерешительно сделал один-единственный шаг на этот шум, как что-то зашуршало справа. Лесоруб застыл, не зная, куда идти, и тут еще что-то топнуло прямо у него за спиной.

В голове Али-Бабы теснилось множество неприятных мыслей. Несмотря на то что заполненные золотом залы пещеры были так же залиты светом, как и во время его первого визита, по-видимому вечно освещаемые никогда не гаснущими факелами, возможно, разбойники, напавшие на Касима, все еще прячутся в темных закоулках, поджидая очередную незадачливую жертву. Или, того хуже, вдруг в этой волшебной пещере таится колдовство куда более серьезное, чем простое «Сезам, откройся!». Али-Баба понял, что ему следовало бы получше подготовиться к самому худшему. Не считая некоторых мелких инструментов для рубки леса, которые он всегда носил при себе, он был безоружен.

Еще один шлепок, очередной шорох и вновь топот, и к ним присоединился звук, будто что-то тащат по земле. Али-Баба нервно озирался, но не мог разглядеть среди теней ничего похожего на человеческую фигуру. И все же он слышал, как что-то шевелится в четырех-пяти местах разом. Но все звуки, казалось, доносились почти от самого пола возле стен пещеры, где на самом деле было слишком мало места, чтобы спрятаться человеку нормального роста. Но кто, кроме человека, мог издавать такие звуки? Али-Бабе представилась вдруг дюжина окруживших его ужасных змей, неотвратимо подползающих со всех сторон. Ему вспомнился тот странный басовитый смешок, который он слышал, покидая

пещеру. Почему он не предупредил об этом брата? И — что, пожалуй, даже важнее — почему был так неосторожен сам?

Дровосек решил, что там, где он теперь находится, ему не удастся больше отыскать ничего полезного. Поэтому он торопливо двинулся в дальнюю часть пещеры, где ранее обнаружил золото.

Но явно в этот день и в этом месте не было простых путей, ибо из-за занавеси, скрывающей сокровище, Али-Баба услышал стон.

Значит, его окружили со всех сторон. Что ж, если ему суждено погибнуть, то следует сделать это так, чтобы не посрамить свою профессию.

— Берегись, рыщущий здесь, кто бы ты ни был! — вскричал он свирепо, насколько мог, учитывая обстоятельства. — У меня есть топор, и я умею им пользоваться!

К его изумлению, из-за занавеса донесся знакомый голос.

— Неужели ты грозишь своему бедному брату? Или, по крайней мере, тому, что от твоего бедного брата осталось?

Али-Баба поспешно отдернул ткань, что разделяла залы, и увидел голову Касима, торчащую из изрядной груды золота.

— Дорогой брат! — с великим облегчением воскликнул дровосек. — Я боялся, что никогда уже мне не доведется больше говорить с тобой. Я рисовал себе ужасные картины — что разбойники дурно с тобой обошлись, убили тебя.

— «Дурно обошлись»? — мрачно отозвался Касим. — «Убили»? Да, они сделали и то и другое, и это было только начало!

Слова эти совсем сбили Али-Бабу с толку. Что бы ни случилось в этой пещере, оно, похоже, повлияло на рассудок его брата.

— Да ладно тебе, — ответил Али-Баба как можно бодрее. — Не так уж все и плохо. Я освобожу тебя из твоей золотой западни, и мы убежим из этого проклятого места.

К изумлению дровосека, с губ Касима сорвался горький смешок.

— Так ты полагаешь, что под этими устами есть тело?

— А как иначе ты мог бы говорить со мной? — быстро возразил Али-Баба. — У тебя просто жар из-за того, что ты застрял в этой куче золота.

На это Касим ответил ему вполне рассудительно:

— В нормальном мире, возможно, это и так. Но здесь моя голова брошена в одиночестве размышлять над собственной глупостью, а другие части моего тела могут лишь пытаться воссоединиться с ней.

Дровосеку оставалось надеяться, что после освобождения из этой волшебной ловушки Касим перестанет молоть чушь. Но тут до него снова донеслись все те же звуки из соседнего зала. Но было и два отличия. Теперь звуки раздавались у него за спиной. И приближались.

— Как бы тебе объяснить? — пробормотал Касим. — Магия этой пещеры превосходит все представления смертных. — Снова горький смех. — Но не мне говорить о смертных.

Чем скорее вытащит он брата отсюда под живительные лучи солнца, тем лучше, решил Али-Баба и сказал:

— Не говори больше загадками. Я подойду поближе и подам тебе руку.

— Нет, дорогой брат, — был ответ Касима. — Еще немножко — и я сам подам себе руку. Не мог бы ты немного посторониться?

Дровосек ощутил, как что-то, должно быть какой-нибудь мелкий зверек, толкает его в ногу. Он быстро глянул вниз, ибо перед глазами его вновь замелькали видения змей.

Если бы это была змея! Али-Баба подскочил чуть не до потолка пещеры. У его ног по сухой земле ползла кисть. За этой кистью тащилась рука, но без плеча, ибо на конце этой штуки были лишь окровавленные плоть и кость.

— Что это? — вскричал лесоруб, чувствуя, как его рассудок улетает куда-то вдаль, вслед за разумом его брата.

— Всего лишь часть меня, — отозвался Касим, и теперь его слова звучали вполне резонно. — Именно так поступили со мной эти гнусные воры, они разрубили меня на шесть

частей.

— Шесть... частей? — выдавил Али-Баба, хотя горло его, казалось, не желало пропускать воздух к голосовым связкам.

Кисть тем временем продолжала подтаскивать руку к куче золота.

— Две руки, две ноги, одна голова, одно туловище, — спокойно перечислил Касим. — Голову мою оставили на груде золотых монет, чтобы она служила предостережением всякому, кто может проникнуть сюда. Остальные части раскидали там и сям по пещере.

— Они раскидали тебя по пещере? — переспросил Али-Баба, не веря. Такой поступок никак не свидетельствовал о разумном ведении домашнего хозяйства.

— Да, напоследок, — отметил Касим, словно вслед за дровосеком сам не мог этому поверить. — Покончив со мной, разбойники, похоже, ужасно заторопились уехать отсюда.

Али-Баба припомнил события вчерашнего дня и то, как быстро разбойники умчались после того, как поймали его. Похоже, бандиты метались с грабежа на грабеж, хотя только в одной этой пещере у них уже припасено столько золота, что хватит их потомкам на сто поколений роскошной жизни. «Вот оно, — подумал дровосек, — безумие, которое приходит вместе с большими деньгами».

Теперь, однако, ему придется иметь дело с совершенно иным типом безумия. Он снова взглянул на ту часть брата, которая все еще способна была говорить.

— Вероятно, — сказал Касим, упреждая его вопрос, — убитый в этой заколдованной пещере по-настоящему не умирает. — Голос брата, до конца осознавшего свою участь, возвысился до скорбного вопля. — Эти подлые головорезы бросили меня валяться здесь по частям!

При этом замечании дровосек снова ощутил, как горло его сжалось. Это была воистину ужасная судьба, которой Али-Баба не пожелал бы никому, даже своему брату.

— Я не могу оставить тебя в таком виде! — воскликнул дровосек с состраданием. — Пожалуйста, скажи мне, что нужно сделать!

Тут голова испустила тяжкий вздох:

— Конечно, я не могу жить в таком виде. Но, прежде чем умереть, я хотел бы быть собранным воедино.

Али-Баба поспешно уступил дорогу ноге, проскакавшей мимо него к золотой куче. С учетом всех обстоятельств просьба брата представлялась ему вполне разумной.

— Прекрасно, — ответил Али-Баба. Но он понимал, что, как дровосек, куда более опытен в расчленении предметов на части, чем в восстановлении их целостности. Поэтому он спросил: — У тебя есть какие-нибудь мысли насчет того, как я должен это сделать?

Голова кивнула на руки и ноги, собирающиеся у подножия золотой горы:

— Боюсь, туловище мое вовсе лишено всякой возможности двигаться. Если бы ты принес его сюда, к остальным частям меня, я был бы тебе благодарен до конца своих дней, что в моем теперешнем положении, возможно, довольно жалкий срок, — Касим умолк и снова вздохнул.

Его туловище? Али-Баба поинтересовался, где именно находится упомянутое туловище, и ему было сообщено, что его бросили в угол в первом зале.

Дровосек возвратился в первый зал и там, будучи вполне осведомлен о природе странных звуков, доносящихся из темных углов, сразу обнаружил недостающую часть Касима. Копышащееся во мраке туловище очень напомнило дровосеку самого большого на свете жука-навозника. Разумеется, когда Али-Баба подошел ближе к этой штуке, она оказалась куда больше похожа на окровавленные останки человеческого существа. Дровосек прикинул, что задача ему предстоит не из приятных, да и, если задуматься, что хорошего видел он от своего брата?

Али-Баба глубоко вздохнул, пытаясь успокоить разыгравшееся воображение. Окровавленное туловище или гигантский навозник — какая разница. Раз уж он зашел в исполнении своих родственных обязанностей так далеко, то сможет справиться и с этим.

Поэтому он обвел глазами зал, пока взгляд его не упал на несколько плетеных корзин в

одной из многочисленных ниш пещеры. Он выбрал самую большую и, сняв с нее крышку, увидел, что там лежат драгоценные камни, каждый крупнее гусиного яйца. Он опрокинул корзину, чтобы камни высыпались из нее, а потом, изо всех сил стараясь не дышать рядом с обрубком, перекатил туловище на место драгоценных камней.

Потом он перенес плетеную корзину в золотохранилище и деловито запихал в нее прочие части своего брата.

— Поаккуратнее! — воскликнул братец, когда Али-Баба бросил голову ко всему остальному. Касим всегда был склонен к критиканству.

Когда Али-Баба был уже готов поднять корзину и вынести ее за пределы этой горы, ему вдруг пришла в голову еще одна, и весьма тревожная, мысль.

— Но что будет, о Касим, когда мы покинем эту пещеру? — с некоторым сомнением спросил дровосек. — Не погублю ли я тебя, если вынесу отсюда?

— Ты называешь это жизнью? — был безнадежный ответ головы. — Если мне и суждено умереть, то позволь сделать это где-нибудь в другом месте.

И тогда Али-Баба исполнил просьбу брата и полувынес, полувытащил волоком заметно потяжелевшую корзину из сокровищницы в переднюю часть пещеры.

— Возможно, тебя удивляет, — ненароком обронил Касим, пока его составляющие путешествовали из зала в зал, — как я дошел до жизни такой.

Удивляет? Али-Баба понял, что слишком потрясен таким поворотом событий, чтобы удивляться чему бы то ни было. И все же ему, без сомнения, было интересно узнать, каким образом братец сумеет переложить ответственность за свое теперешнее состояние целиком на его плечи.

— Это была моя вина, — признал Касим, к изумлению дровосека. — Я не смог вспомнить волшебные слова.

Али-Баба перестал тащить корзину, ибо уже стоял перед самым камнем.

— Это же проще простого, — отозвался он. По крайней мере, хоть к тем-то его словам брат мог бы прислушаться.

— Проще простого? — повторил Касим из корзины. — Я вообще не помню тех слов. Неудивительно, что я растерялся. Я думал, заклинание как-то связано со злаками или чем-то вроде этого.

— Нет-нет, — ответил Али-Баба. — Слова совсем другие!

По-видимому, Касим все-таки просто не готов был слушать его. Но прежде чем дровосек смог пуститься в дальнейшие пояснения, камень начал двигаться сам по себе.

— Слова другие, а камень двигается? — скептически спросил Касим. — Нехорошо обманывать человека, только что разрубленного на шесть частей.

— Я не говорил волшебных слов, — уныло отозвался Али-Баба.

От его тона скептицизм брата исчез.

— Но почему скала...

— Должно быть, их сказал кто-то другой. Кто-то снаружи, желающий войти.

Камень остановился.

— Что ж, дорогой брат, по крайней мере мы попытались, — сказал Касим с неким смирением. — Возможно, наши головы смогут вести долгие беседы, если разбойники оставят на куче золота нас обоих.

На куче золота? Увы!

Али-Баба вновь почувствовал, как у него сжалось горло, ибо он вдруг представил себя живущим по частям.

Глава шестая, из которой мы узнаем, что один добрый вор другого стоит

Али-Баба взглянул наконец туда, где недавно был камень. Он ничуть не удивился, увидев, что теперь это место заняли разбойники в черных одеждах. Удивительным было то,

что бандиты, казалось, вовсе не гневались. Напротив, они, похоже, были вполне довольны таким ходом событий.

— Ага! — громогласно сказал вожак. — Смотрите, кто терпеливо дожидается здесь нашего возвращения. Это же Номер Сорок, верно? — Главный разбойник шагнул к дровосеку. — Или, по меньшей мере, так тебя звали раньше, когда ты в последний раз удостоил своим присутствием нашу бедную шайку.

Али-Баба не знал, каким образом подобает отвечать на подобное приветствие: поклониться, дружески поздороваться или униженно молить сохранить ему жизнь. Причиной его страха, несомненно, в значительной мере было непонимание того, что? могло так развеселить этого разбойника.

— Мы очень хорошо умеем искать, — важно добавил Разбойник Номер Один. — И еще лучше умеем отбирать. Потому мы и разбойники. Всегда надо знать свои сильные стороны. — Он сделал знак своим спутникам. — Отнесите золото в обычное место.

Четверо разбойников, каждый из которых тащил по мешку средней тяжести и объема, прошли мимо Али-Бабы, направляясь в золотую кладовую. Их сегодняшняя добыча, похоже, была меньше, чем в прошлый раз, когда дровосек повстречался с этой шайкой. Однако Али-Баба понимал, что подобная нестабильность доходов свойственна их ремеслу.

Вожак подошел к Али-Бабе еще на один шаг.

— Мы были очень огорчены, когда ты не последовал за нами. Очень хорошо, что ты решил вернуться в нашу компанию. Иначе нам пришлось бы разыскать тебя и убить весьма впечатляющим и очень жестоким образом. Конечно, для этого нам пришлось бы сначала найти тебя, где бы ты ни был, однако едва ли ты мог оказаться настолько глуп, чтобы пытаться спрятаться от нас. Но, как я уже говорил, мы очень хорошо умеем искать. — Пока этот человек приближался к нему, Али-Баба как-то особенно остро осознал, что все это время главный бандит поигрывает рукоятью своей сабли. — А в наши дни так трудно найти хорошего разбойника. Как говорят мудрейшие среди воров, кто не теряет, тот не находит. Теперь, однако, ты снова там, где должен быть.

Главарь был уже так близко, что Али-Баба чувствовал на своем лице его дыхание. «Интересно, — подумал дровосек, — еда испортилась еще до или уже после того, как этот злодей ее проглотил?»

— Пожалуйста, не трясись, — продолжал разбойник. — Тебя никто не собирается лишать жизни. По крайней мере, в данный момент. — Его улыбающееся лицо было в нескольких дюймах от лица дровосека. — О, конечно, я мог бы отрубить тебе руку-другую, чтобы преподать урок моим людям. Но мы не будем портить хорошего разбойника.

Предводитель поднял руку, и наступила абсолютная тишина. И до этого Али-Баба не замечал, чтобы разбойники много болтали. Но когда была поднята рука, они перестали даже дышать.

— Может кто-нибудь назвать мне теперешнее место этого человека среди нас? — тихо спросил вожак.

— Номер Тридцать Девять, о атаман! — хрипло взревела половина присутствующих.

— Вот уж не думал, что разбойники умеют считать! — раздался чей-то голос совсем рядом.

— Ого! — воскликнул первый среди разбойников. — Пожалуй, хоть мне это и не по вкусу, все-таки придется что-нибудь отрубить нашему новичку. Но, с другой стороны, дровосек должен быть привычен к отрубанию.

Однако очень вежливый и ужасно перепуганный Али-Баба не произнес ни единого слова! По правде говоря, он настолько пал духом, что даже не сразу понял, откуда взялся этот второй голос.

— Значит, — снова проворчал тот же в высшей степени нежеланный голос, — у тебя все решает меч, а не мозги? Конечно, это так и бросается в глаза, не меньше, чем твой огромный нос! Может, все дело в том, что мозгов у тебя просто нет?

После этого замечания лицо главаря из темно-оливкового сделалось неприятно

багровым.

— Отрубить? Кажется, я, пусть и против своей воли, сказал — отрубить? Я имел в виду — отрезать понемножку, по частям! Сначала надрезать чуть-чуть, а потом все глубже, все большее и мучительнее!

Но Али-Баба уже не обращал внимания на всю серьезность этих угроз в свой адрес, ибо с ужасом сообразил, что ехидный голос принадлежит его лежащему в корзине брату!

— Отрубить? — самым презрительным образом рассмеялся его брат. — Как я и говорил, этот мозг совершенно лишен воображения. Ясно, что человек с таким ограниченным интеллектом, как у тебя, ничего нового придумать не сможет, но не мог бы ты поискать какую-нибудь идею посвежее, которая еще не успела обветшать от времени на твоих устах?

— Как ты смеешь? — обрушился Номер Один на дровосека, обнажая саблю. — Моему нежеланию проливать кровь пришел конец.

— Но, — осмелился Али-Баба, которому появление острой сабли помогло обрести голос, — это же не я сказал!

— Это верно, о главарь! — подтвердил один из разбойников. — И голос другой, и губы этого человека не...

Он умолк, ибо сабля атамана пронзила его внутренности. Первый среди разбойников поднял ногу в башмаке и спихнул своего замолкнувшего приспешника с клинка, потом обтер саблю об одежду. Али-Баба заметил, что на черной ткани крови совсем не видно. Эта деталь его отнюдь не утешила.

— Терпеть не могу дерзости, — преспокойно пояснил главарь. — Но еще больше я не люблю, когда меня перебивают. Ты теперь Номер Тридцать Восемь. Многим разбойникам месяцами приходилось дожидаться такого повышения. — Он призадумался. — Ну, возможно, вернее будет сказать — неделями. — Он оглядел стоящих вокруг. — Или, может, днями. По меньшей мере, часами. В любом случае ты должен очень гордиться, что так продвинулся, и я надеюсь, что эта мысль будет тебе утешением во время долгой и мучительной казни.

— Но эфенди! — взмолился Али-Баба тем особым тоном, который он обычно приберегал для высших чиновников и родственников жены. — Я не произнес ни слова. Этот острый язык принадлежит моему брату!

— И это не единственное, что тут есть острого, — добавил Касим из своего плетеного обиталища. — Вы не представляете, как это неудобно, когда осколки кости тычут тебя в ухо.

Предводитель разбойников отступил на шаг, поняв наконец, что Али-Баба говорит правду. Он указал чисто вытертой саблей на корзину:

— Ты привел сообщника!

— Ты правильно сделал, что отошел, — заявил Касим, понизив голос. — Все нормальные люди боятся мести плетеной корзины!

— Ты издеваешься надо мной! — Главарь разбойников просто вскипел; таким Али-Баба его еще не видел. — Но я не оскорблен! Я... я... — Он размахивал саблей, подыскивая слова.

— Слегка уязвлен? — предположил один из разбойников.

Сабля вожака обрушилась на того, кто произнес это.

— Нет, это тоже не то. Есть другие предложения? — Не считая недолгого шума при падении на землю тела, воцарилась полная тишина. Номер Один повернулся к Али-Бабе. — Теперь ты Номер Тридцать Семь. А твой друг в корзине — Номер Тридцать Восемь.

— В моем теперешнем состоянии, — заметил Касим, — я мог бы быть Номерами с Тридцать Восьмого по Сорок Третий включительно.

Предводитель бандитов свирепо уставился на корзину.

— Твой друг что, так хочет познакомиться с моей саблей?

— Это уже было, — пренебрежительно ответил Касим.

— Было? — У разбойника загорелись глаза при мысли о крови, которую ему так

страстно хотелось пролить. — Что ж, тогда, наверное, мне придется отрубить тебе что-нибудь.

— Ах, это? — Донесшийся из корзины звук не мог сопровождать ничего иного, кроме зевка. — Это ты тоже уже сделал!

— *Что?* — Главный разбойник снова обтер свою саблю. Очевидно, он предпочитал каждый раз пользоваться чистой. — Довольно этих глупостей. Я убью тебя немедленно!

— И это тоже уже было сделано! — громко возмутился Касим. — Не мог бы ты придумать *хоть что-нибудь новенькое?*

Острые сабли подрагивало в считанных дюймах от корзины.

— Человек, разговаривающий со мной, уже был изрублен и убит? — Предводитель разбойников нахмурился. — Кто же он, эта наша таинственная жертва?

Тут настало время Касиму удивляться:

— Ты не помнишь? Да ты еще более безмозглый, чем я думал.

— Ну, ты должен понять, — извиняющимся тоном начал Разбойник Номер Один, — на протяжении дня я убиваю столько... Безмозглый?! — Он возвысил голос. — Ты смеешь называть меня безмозглым? Я не просто убью тебя! Я... я срублю тебе голову с плеч!

— Обезглавливание? — отозвался Касим, чей голос свидетельствовал о полном отсутствии интереса. — Слишком поздно. Ты это уже сделал. Но почему я должен снова говорить об этом?

— Я сделал? — Бандит умолк, уставившись на свою саблю. — Наверное, я чересчур перестарался с дневной нормой убийств. Знаю! Я положу твою отрубленную голову где-нибудь на возвышении и...

— Оставишь ее там в знак предостережения любому, кто встанет на пути вашей шайки? — закончил за него Касим. — Уже было сделано. Ты не задумывался о том, чтобы уйти в отставку и предоставить руководить бандой кому-нибудь другому, чьи мозги не заросли паутиной?

— В отставку? Паутиной? Мозги? — Главарь странно хихикнул и принялся бессмысленно крутить саблей в воздухе, словно разбойничий дух совсем покинул его. Затем он глубоко вздохнул и оглянулся на дровосека. — Я знаю, в чем беда. Наша шайка не в полном составе! Все так и будет идти наперекосяк, пока нас не будет ровно сорок! — Главарь вогнал саблю в ножны. — Мы не можем больше терять людей! Что бы ни говорила эта корзина, он один из нас! — Он ткнул пальцем в плетеную емкость, стоящую подле дровосека. — Но как только мы завербуем Номер Сорок Один, берегись!

Тут Али-Баба подметил, что содрогнулся при этом сам Номер Один.

— Найдите им лошадей, — приказал предводитель разбойников. — Пора ехать!

Двое разбойников кинулись к ним, чтобы подхватить корзину, а еще с полдюжины бросились вон из пещеры, — без сомнения, за лошадьми, как предположил Али-Баба.

— Не будете ли вы любезны следовать за мной? — Главарь, вновь исполненный елейного веселья, махнул Али-Бабе рукой. Дровосек не видел иного выхода. Касим, однако, не собирался так легко смириться с новым поворотом в своей и без того странной судьбе.

— Как я могу быть разбойником? — поинтересовался он, когда его корзину подняли в воздух. — Я разрублен на шесть частей. Мне нужно еще все проверить, но, кажется, я даже не дышу.

— Это не аргумент, — приостановился на миг главарь. — Ты разговариваешь. Первая заповедь истинного разбойника гласит: пока ты можешь разговаривать, ты можешь и грабить.

— У нас очень заниженные требования к вновь вступающим, — прошептал один из тех, кто нес корзину.

— Конечно, — предупредил другой корзиноносец, — и работа не такая уж выгодная.

Тут эти двое поспешили вслед за своим вожак, который размашисто шагнул из пещеры навстречу солнечному свету. Али-Баба поторопился без промедления присоединиться к ним, не столько из страха перед репрессиями предводителя, сколько боясь

оказаться в неподходящем месте, когда кто-нибудь произнесет «Сезам, закройся!».

И как и предчувствовал, дровосек едва успел выскочить из пещеры, прежде чем эти два роковых слова были вновь произнесены. Он заметил, что все вокруг невольно попятились, когда огромный камень с грохотом поехал на место, закрывая собою проем.

Атаман разбойников сдавленно хихикнул, без сомнения предвкушая богатое приключениями будущее.

— Ребята! Хватайте нашего новичка. На этот раз он так легко не уйдет. Привяжите его к лошади!

Тут Али-Бабу грубо схватили и потащили к одному из коней, красивому вороному жеребцу с белой отметиной меж ноздрей.

— А как насчет другого пополнившего наши ряды? — поинтересовался один из людей с корзиной.

Главарь остановил свою руку, прежде чем она успела снова выхватить саблю. Он пробурчал что-то себе в бороду и вонзил каблук глубоко в землю. Как оказалось, задача поддерживать численность банды на уровне сорока человек представлялась тяжким бременем.

Подбодренный несвойственной их предводителю терпеливостью, разбойник продолжал:

— Плетеной корзине довольно трудно ехать верхом на чем бы то ни было.

Рука главаря вновь дернулась к оружию. Но он всего лишь ударил по ножнам кулаком.

— И ты, возможно, помнишь, — торопливо добавил отважный оратор, — что во время последнего налета мы столкнулись с некоторыми... затруднениями. — На последнем слове он запнулся, видимо по выражению лица своего шефа поняв, что тот близок к пределу, за которым ему останется только хвататься за саблю. — Я лишь хотел сказать, что у нас маловато лошадей. На данный момент, разумеется. Я уверен, что эта проблема временная.

— Очень хорошо, — ответил главарь, когда его подчиненный наконец умолк. Он отмел все возражения взмахом окровавленной руки. — Привяжите к коню их обоих!

Младшие по положению разбойники взялись за дело проворно и усердно, и вскоре Али-Баба и плетеная корзина с Касимом были привязаны к одному конскому седлу. Дровосека примотали так крепко, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Мы сделали, как ты приказал, о великий атаман! — воскликнули разбойники, когда работа была окончена.

Их главарь только этого и ждал. Он мигом вскочил на коня и поднял правую руку над головой.

— Мы едем вселять ужас в сердца честных людей! Разбойники! За мной!

И тут тридцать шесть разбойников галопом унеслись прочь, оставив позади одну лошадь, одного человека и одну корзину.

Все это Али-Бабе очень не нравилось. Он опять не последовал за предводителем разбойников, а у этого самого главаря, похоже, нрав был таков, что обманывать его слишком часто не стоило. С другой стороны, у дровосека была еще одна проблема, о которой он и сказал вслух:

— Как можно управлять лошадью, если ты так тщательно и крепко связан?

— Я думаю, — отозвался его брат из корзины. — У меня найдется свободная рука.

Глава седьмая, в которой Касим пытается снова стать одним целым

Итак, Касим сумел переместить одну из своих рук и при этом сдвинуть с корзины крышку, чтобы рука эта могла выползти наружу, точно маленький мышонок, вылезающий из мешка через прогрызенную им дыру. Потом этой руке пришлось найти узлы на веревках, которыми был привязан брат Касима, и развязать их, в основном на ощупь, поскольку обзор голове в значительной мере заслоняла корзина.

Каким бы трудным ни представлялся этот процесс в моем сегодняшнем описании, знайте, что в действительности все было еще в десять раз сложнее. Так что к тому времени, когда Али-Баба и Касим освободились от уз, бандиты были уже в нескольких часах езды от них. Следовательно, было уже поздно догонять других членов этой малопочтенной компании. Оба брата согласились, что в равной степени глупо было бы дожидаться возвращения разбойников к пещере, поскольку неизвестно, через сколько времени они могут появиться, и невозможно предсказать, в каком настроении они вернуться.

Наконец, оба брата сошлись на том, что ничего другого им не остается, кроме как вернуться домой и молиться о том, чтобы никогда больше не слышать ничего про разбойников с их проклятым богатством. Разумеется, в жизни ничего не бывает так просто.

И вот на одной лошади они возвратились в город, к своим домам, привязав для пущей безопасности корзину веревкой, снятой с Али-Бабы.

По пути Касим рассуждал о своей участи.

— Теперь я могу умереть в любой момент, — говорил он. И снова, некоторое время спустя: — В самом деле, если подумать, я ведь разрублен на шесть частей. Безусловно, это достаточный повод, чтобы испустить дух. — На некоторое время воцарилась тишина, потом Касим добавил: — Должно быть, я теперь уже при последнем издыхании. Хотя, если задуматься, я вообще-то не дышу.

И дальше все разговоры продолжались в том же духе, так что нет смысла приводить их здесь, ибо, по правде сказать, даже столь терпеливый человек, как Али-Баба, начал находить их утомительными.

Но и среди множества нудных повторов дотошный может отыскать зерно истины. Мысли дровосека вращались вокруг магической сущности недавно покинутой ими пещеры, где брат его встретил свою, надо полагать, смерть.

Вероятно, эта магия оставалась с человеком, куда бы тот ни направился. В самом деле, Али-Баба припомнил, как использовал заклинание «Сезам, откройся!», чтобы отпереть ворота. Похоже, раз он видел, как воздействует магия на дверь той пещеры, то может пользоваться этим заклинанием и в городе и оно не утратит там своей силы. Возможно, та же магическая сила передалась и его брату? Наверное, коли Касиму однажды волшебство даровало жизнь, теперь все шесть его частей обречены существовать поврозь, но оставаться живыми навеки.

Тут Али-Баба прервал бормотание Касима, поделившись с ним своей догадкой, но брата эта мысль, похоже, не слишком обрадовала.

— Быть навеки обреченным существовать в шести частях, сваленных в корзину? — запричитал он. — Что я такого сотворил в своей несчастной жизни, чтобы заслужить подобное?

У Али-Бабы имелись некоторые соображения на этот счет, касающиеся связей брата с печально известным Беспалым и тех заданий, которые Касим выполнял под покровом ночи. Потом, конечно, полным безрассудством было то, что брат позабыл волшебные слова, которые позволили бы ему выйти из пещеры.

Но Али-Баба решил, что брату довольно волнений для одного дня, чтобы выслушивать теперь перечень своих грехов. Кроме того, если Касим намеревается провести остаток своих дней в корзине, у него не будет возможности сбежать, если Али-Бабе вздумается переговорить с ним об этом когда-нибудь потом. «В некотором смысле, — подумал дровосек, — и величайшие трудности могут порождать приятные мысли».

Было, однако, еще кое-что, требующее, по мнению Али-Бабы, неотложного обсуждения с братом, пока этот вопрос не встал перед ними снова. И касался он того, что оба они нанесли оскорбление людям, весьма ловко владеющим большими саблями.

У брата эта тема сочувствия не нашла.

— Что они могут сделать мне, кроме того, что уже сделали? Нарезать кубиками?

— Меня скорее беспокоит, — укорил его дровосек вежливо и по-братски, — что они могут сделать *мне*.

— Об этом я не подумал.

Али-Баба вспомнил, что его братец никогда этого не делал.

— Надо будет мне попридержать язык, — продолжал Касим, к удивлению лесоруба. — Ну, не буквально, конечно. Язык мой более или менее там, где он должен быть. В отличие от всего остального. Однако кто знает, на что я могу оказаться способен, если меня как следует рассердить? — Касим печально рассмеялся. — То, что тебя разрубили на шесть частей и везут в плетеной корзине, заставляет изменить взгляд на многие вещи.

Али-Баба долго молчал. Для Касима это было удивительное признание.

— Что подумает моя жена? — пробормотал Касим все в том же несвойственном ему духе. — Все части меня на месте. Однако ее, возможно, огорчит то, как они теперь выглядят.

«По крайней мере, — подумал дровосек, — моей собственной жене не придется горько оплакивать перемены во мне». И так двое братьев в молчании продолжали свой путь, пока лошадь несла их к городу, в то время как день сменился вечером, а вечер — звездной ночью.

Они подъехали к воротам Али-Бабы в тот предутренний час, когда все еще спят, кроме мелких ночных зверьков и случайных собак, желающих поведать про этих самых зверьков всему миру. Поэтому дровосек не захотел беспокоить жену и решил открыть ворота иным способом, которому недавно научился.

Али-Баба произнес тихо, но отчетливо:

— Сезам, откройся!

— погоди! — возмутился Касим. — Я теряю крышку!

Лесоруб оглянулся и увидел, что брат прав. Не только ворота сами собой отперлись и распахнулись в ответ на волшебные слова, но и крышка плетеной корзины дергалась, словно пытаясь слететь прочь. Дровосек понял, что в дальнейшем эти магические слова надо будет произносить очень осторожно.

И все же после недолгой борьбы, когда казалось, что крышка вот-вот улетит вместе с руками Касима, различные части тела брата Али-Бабы победили, и корзина снова затихла. Тогда дровосек повел коня к себе во двор через открытые теперь ворота.

Несмотря на ранний час, жена и служанка ждали его.

— О горе! — «приветствовала» его жена. — Я так волновалась за тебя, что не могла спать. И дорогая великодушная Марджана предпочла со мной вместе дожидаться твоего возвращения.

Али-Баба кивнул, ибо прекрасно знал, как все было на самом деле. Когда его супруга пребывала в одном из своих «настроений», в доме не спал никто. Но, скорее всего, жена его возрадуется, когда он поведает ей, какой участи с таким трудом избежал, угодив в лапы ужасных разбойников.

Он открыл было рот, но заговорить не смог.

— О горе! — возопила его жена, увидев, что на лошади нет второго седока. — Мой муж вернулся среди ночи один!

— Нет-нет, — успокоил ее дровосек, поскольку ему хотелось покончить со всем этим как можно скорее и тише. — Касим со мной.

— О горе! — немедленно отреагировала жена. — Мой муж вернулся среди ночи с Касимом! Но где же твой никчемный брат?

Али-Баба оглянулся на корзину.

— Ну, я не говорил, что привез целого Касима...

Его жена мигом уловила значение этих слов.

— О горе! Мой муж вернулся среди ночи с Касимом, разрубленным на части!

— Вообще-то нельзя сказать, чтобы он был мертв, точнее... — снова попытался начать объяснения Али-Баба.

— О горе! — быстро встала его жена. — Мой муж вернулся среди ночи с Касимом, который не совсем мертв, хотя разрублен на части!

Али-Баба воздержался от дальнейших попыток объяснить, ибо с каждым его новым словом жена его голосила все громче и дольше прежнего. Если она продолжит причитать

таким голосом, то перебудит не только ближайших соседей, но и весь квартал. Поэтому дровосек слез с коня и спокойно сказал:

— Если ты сможешь мне снять эту корзину, мы сможем отнести останки Касима...

— О горе! — снова перебила она. — Мой муж испортил такую хорошую корзину, сложив в нее куски не совсем мертвого Касима среди ночи...

Но тут вмешалась смышленная и добросердечная Марджана.

— Я возьму эту корзину, хозяин, — сказала она голосом сладким, как весенний нектар, — и мы найдем подходящее место для несчастного Касима.

Итак, умная служанка Али-Бабы вновь спасла положение. Ибо, как известно всякому, кто слушал когда-либо сказителей, без вмешательства умных слуг мы все пропали бы из-за собственной глупости.

Али-Баба вздохнул с превеликим облегчением. Если Марджана возьмет на себя заботу о его заколдованном братце, может быть, он сумеет наконец насладиться столь необходимым ему отдыхом. Даже жена дровосека, казалось, стала меньше горевать, когда их служанка энергично потащила плетеную корзину к их хлипкому жилищу.

Не успел дровосек сделать и шага, как его остановил другой голос.

— О почтеннейший из деверей, что слышно про моего Касима?

Али-Баба решил, что надо разом покончить с этим, пока его жена не успела снова завести «О горе!». Поэтому он хлопнул в ладоши, чтобы Марджана принесла корзину, и сказал:

— Сейчас ты получишь ответ.

— Но где мой Касим? — настаивала женщина.

— Я здесь, — раздался голос Касима из корзины, — более или менее.

Марджана приподняла корзину, чтобы жене Касима было лучше видно.

Невестка Али-Бабы нахмурилась.

— Мне помнится, раньше ты был повыше.

Тогда Касим вкратце рассказал, что с ним случилось, включая версию Али-Бабы насчет того, почему он еще жив.

— Очень интересно, — ответила его жена, похоже сильно озадаченная всем этим. — Надеюсь, ты простишь меня, о муж мой, если я поинтересуюсь, не пропало ли у тебя чего?

— Насколько я знаю, — самоуверенно ответил Касим, — я весь тут. До последнего кусочка.

Его жена прикусила нижнюю губу. Хотел бы Али-Баба, чтобы его супруга могла так закусывать губки.

— Это может быть интересным, — задумчиво произнесла жена Касима. — Может придать столь необходимое разнообразие. — Она приняла от Марджаны корзину и удалилась с престранной улыбкой.

Если бы только жена Али-Бабы способна была продемонстрировать хоть малую толику такого энтузиазма!

Но не стоило гадать, что могло бы быть, а чего не могло, поскольку теперь, развязавшись с корзиной, Али-Баба ощутил, что сил у него не осталось вовсе, и он отправился спать сном человека, уставшего до полного изнеможения.

Но глазам его суждено было открыться слишком скоро, и виной тому стала его обычно такая милая служанка.

— Хозяин, — окликнула Марджана с порога его спальни. — Есть кое-что, о чем тебе следует знать!

Хотя дровосек и проснулся, он решил, что не позволит служанке испортить себе утро. После того как он ускользнул от банды ужасных головорезов и спас остатки своего брата, он не желал больше никаких новостей.

— В чем дело, дитя? — спросил он поэтому самым невозмутимым и рассудительным тоном, щурясь на утреннее солнышко.

— Когда я пошла утром за покупками, — ответила Марджана с серьезностью, не

соответствующей ее нежному возрасту, — то наткнулась на мужчину в черном, очень похожего на одного из описанных тобой разбойников.

Али-Баба ощутил первые уколы сомнения, прежде чем вспомнить о своей решимости. По улицам этого города каждый день разгуливает бессчетное количество мужчин в черном.

— Тут не о чем беспокоиться, — возразил он.

Но тревогу Марджаны было так просто не унять.

— Он задавал много вопросов, — объявила она.

На этот раз сомнения исчезли, едва появившись.

«Как, — рассудил Али-Баба, — люди могли бы узнать, как устроен мир, не задавая они порой вопросов?» Как легка бывает жизнь, если твердо стоишь на своем!

— Тут не о чем беспокоиться, — повторил он снова.

— Он спрашивал, — добавила служанка, — про человека, недавно разрубленного на шесть частей.

И тогда Али-Баба понял, что бывают решения, которые выполнить невозможно.

Глава восьмая, в которой Али-Баба узнает, что не всегда всё бывает таким, каким оно кажется — или не кажется

Это открытие было отнюдь не единственной заботой дровосека. Прежде чем он успел осмыслить информацию, сообщенную ему Марджаной, в его ветхие ворота громко постучали.

Неужели разбойники в черном так быстро нашли его? Али-Баба соскочил со своего ложа и заметался по убогому жилищу в поисках чего-нибудь, чтобы защитить себя, выбрав в конце концов в качестве наилучшего оружия свой верный топор.

Стук раздался снова, еще громче прежнего. Как ни налегал дровосек на ворота со своей стороны, он не мог сдержать дрожь в голосе.

— Кто там требует впустить его?

— Это Беспалый! — грубо бросили в ответ. — И вопросы здесь задаю я!

Беспалый? Гнусный хозяин его брата Касима. Но что нужно человеку с такой скверной репутацией от скромного лесоруба? Быть может, этот хозяин уже разговаривал с Касимом до всех этих последних неприятностей? Возможно, Касим и Беспалый успели перекинуться парой-тройкой слов, и одним из тех слов было «золото»?

Али-Баба решил, что лучше будет соблюдать разумную осторожность. Голос его по-прежнему дрожал, когда он заговорил снова:

— Чем я могу быть вам полезен?

— Это вопрос! — разъярился Беспалый. — Вопросы задаю я! Слуги! Выломать ворота!

Али-Баба едва успел отскочить, как его плохонькие ворота разлетелись в щепки. Двое мужчин в чересчур пышных одеждах, расшитых драгоценными камнями, с мечами наголо прошагали по деревянным обломкам, валяющимся на месте ворот.

— Вот он! — воскликнул один из них, заметив Али-Бабу. — Тот, кто задает вопросы.

Два меча нацелились на дровосека. Мужчины быстро приближались. Али-Баба нипочем не смог бы защитить себя от таких людей! Он немедленно бросил топор, но тут же был прижат к изгороди, которая была у них с братом общей.

— Ах, — прозвучал другой голос оттуда, где прежде были ворота, — я вижу, нашему любителю спрашивать сделано внушение. Простое напоминание, друг мой. После внушения следующий шаг — ликвидация.

Дровосек взглянул поверх мечей на того, кого прозвали Беспалым.

Конечно, Али-Баба уже видел Беспалого прежде, время от времени, когда начальство снисходило до того, чтобы появиться на пирушке у его брата, или в других случаях, когда организации Беспалого бывало удобно воспользоваться домом Касима для допроса и, возможно, устранения неких горемык. И все же видеть теперь этого человека так близко

было потрясением, особенно после того как Али-Баба совсем недавно провел столько времени среди разбойников, сухощавых и мускулистых наездников. По сравнению с ними, более всего походившими на темный тростник на ветру, у человека, стоящего теперь перед дровосеком, был такой вид, будто он только что слопал целый город и еще внутри у него осталось место для сладкого. Из разговоров брата Али-Баба знал, что Беспалый никоим образом не отличался воздержанностью, но его объемы еще подчеркивала привычка всегда носить безупречно белые одежды.

— Теперь посмотрим, кто здесь задает вопросы! — громыхнул этот огромный тип.

Одноногая курица Али-Бабы в ужасе запрыгала прочь, когда Беспалый, тяжело ступая, двинулся через крохотный дворик дровосека.

— Итак! — обратился Беспалый к Али-Бабе. — Касим!

На миг Али-Баба безрассудно хотел было уточнить, что именно хочет знать Беспалый про его брата. Проблема была в том, что для того, чтобы что-нибудь выяснить, дровосеку пришлось бы задать вопрос. А Беспалый уже вполне ясно дал понять, что он думает по этому поводу.

Поэтому Али-Баба не стал говорить ничего.

— Он не отвечает, — заметил Беспалый абсолютно невозмутимо. — Пожалуй, он не такая уж бесхребетная падаль, как говорил его брат. — Он улыбнулся дровосеку. — Мы не всегда таковы, какими представляют нас окружающие. Я знаю, что значит дурное мнение семьи. Я сам немало натерпелся от родителей, братьев и сестер, пока не убил их всех! — Улыбка сошла с его лица; ощущение мгновенной товарищеской близости разом исчезло. — Но ты не ответил мне.

Али-Баба не знал, что это был вопрос. Возможно, решил он, если он сам придумает себе вопрос и сам же даст на него ответ, то сможет наконец отчасти удовлетворить Беспалого.

— Да, Касим мой брат, — начал он.

— Я не желаю слушать то, что мне уже известно! — объявил Беспалый. Он выпростал руку из-под ослепительно-белых одежд. Ладонь была величиной с небольшую собачку. И на ней не было большого пальца.

— Подробнее! — приказал великан.

«Подробнее?» — задумался Али-Баба. Но, судя по словам хозяина Касима, это должны быть подробности, которых Беспалый еще не знает. А может, громиле известно про жизнь брата куда больше, чем Али-Баба может предположить?

Люди в пышных одеждах слегка передвинули мечи, так что острия их уперлись в изрядно поношенный халат дровосека.

— Живо! — потребовал Беспалый.

Али-Баба понимал, что должен сказать что-нибудь такое, чего Беспалый не знает, или его немедленно ликвидируют. Но чего не знает Беспалый?

— Когда мне было пять, а ему семь, мы с братом ловили маленьких лягушек...

Люди с саблями отступили на шаг. Неужели дровосек угадал с темой?

— Плохо! — громадная рука Беспалого ударила Али-Бабу по лицу.

Дровосек заморгал, перед глазами у него вспыхнули звезды. Он надеялся, что теперь великан немного успокоится, во всяком случае на ближайшее время.

— Ну вот, смотри, что ты натворил! — Голос Беспалого был уже отнюдь не так спокоен.

Громила сунул под нос Али-Бабе свой белый рукав. Когда дровосек сумел сфокусировать взгляд на ткани, то увидел, что она уже не столь незапятнанна, как прежде. Ослепительная белизна была забрызгана чем-то красно-коричневым. Без сомнения, это была кровь. Али-Баба поднес руку к своему носу. Разумеется, это была его кровь.

— Новый халат! — потребовал Беспалый.

С улицы вбежал третий слуга, чересчур обвешанный драгоценностями, неся новый комплект девственно-белых одеяний.

Двое других вернулись на свои места, продолжая грозить Али-Бабе мечами, пока Беспалый менял верхнюю одежду. Пристально оглядев свое новое одеяние, чтобы удостовериться, что на нем нет ни малейшего пятнышка, он вновь переключил внимание на дровосека.

— Никто, — пояснил он сквозь зубы, — не смеет брызгать на меня кровью без разрешения! — Он смахнул с рукава невидимую пылинку. — В общении с супругой Касима у меня таких проблем не было. Когда я спросил, где ее муж, она сразу мне сказала, что только ты сможешь все объяснить!

Али-Баба нахмурился. Был ли это вопрос? Насчет того, где Касим? Или насчет жены Касима? Или это имело какое-то отношение к брызганью кровью без спроса? Этот удар по голове, похоже, лишил его способности ясно мыслить.

— Что же нам делать? — Великан выразительно взглянул на двоих с мечами наготове. — Раз уж ты так легко проливаешь кровь, может, помочь тебе пролить ее побольше?

Тут третий разряженный мужчина нервно приблизился к Беспалому и что-то прошептал тому на ухо. Предводитель в белых одеждах нахмурился, вновь уставившись на Али-Бабу.

— Оказывается, я надел последнюю смену одежды. — Он печально покачал головой. — Тяжелый выдался денек, верно? Ладно, о скромный брат Касима. Живи, пока я не закончу стирку. И тогда тебе придется ответить сполна на все мои вопросы, так или иначе!

Вопросы? Али-Баба не слышал пока ни одного вопроса. Он решил, однако, что в данный момент не стоит обращать внимания на подобное обстоятельство. Он действительно не мог достойно вести дискуссию на какую бы то ни было тему, когда за темой этой стоит пара людей с мечами. Наверное, решил Али-Баба, перед уходом этим людям придется объяснить ему, какая информация им от него нужна. Но Беспалый убрался из ничтожного дома Али-Бабы без всяких дополнительных инструкций, и его разряженные, но безмолвные стражи последовали за ним.

Али-Баба закрыл глаза и застонал. Этот день начался еще менее приятным образом, чем два предыдущих.

— Могу ли я что-нибудь сделать для моего хозяина?

Он открыл глаза и увидел милое и озабоченное личико глядящей на него Марджаны. Но даже это юное и хорошенькое лицо не в силах было поднять настроение человеку столь подавленному, как он.

Али-Баба попытался как можно понятнее объяснить, в чем его беда:

— Мне надо спрятаться от главаря шайки свирепых разбойников, который, несомненно, намерен причинить мне вред. Однако, как ты, разумеется, видишь, у меня нет больше ворот, чтобы укрыться за ними! — Воистину он чувствовал себя столь же несчастным, какой на словах часто бывала его жена.

Даже после столь удручающих слов Марджана не перестала улыбаться.

— Ах, мой добрый хозяин, ты не подумал о том, что способов спрятаться на свете много? И более того, что способов сделать ворота тоже великое множество?

Но мысли Али-Бабы были еще затуманены после недавнего знакомства с четырехпалой рукой.

— Боюсь, я не улавливаю смысла твоих слов.

— Тогда я покажу, — объявила продолжающая улыбаться Марджана. — Ты просто сделаешь новые ворота из этих кусков дерева, валяющихся по всему двору.

Значит, он должен сделать новые ворота? Уж эту-то мысль Марджаны он способен был уразуметь. Если в чем в его хозяйстве и не было недостатка, так это в дереве. То, что этого материала всегда было в избытке, являлось, по правде говоря, главным плюсом ремесла дровосека. Али-Баба потер свое все еще горящее лицо. По существу, этот самый его избыток был, возможно, вообще единственным плюсом его ремесла. Али-Баба оттолкнулся от стены

и начал изучать обломки, валяющиеся у него под ногами.

— Отлично, — похвалила Марджана. — Пока ты, господин, делаешь новые ворота, я найду себе занятие неподалеку от места, где были старые. Если мимо пойдет кто-нибудь, с кем ты не желаешь беседовать, я изо всех сил постараюсь сбить его с толку и не впустить сюда. — Тут она подобающим образом поклонилась. — Какая честь — служить столь мудрому хозяину.

Она занялась своими делами, а Али-Баба решил, что ему следует заняться своими. Его, несомненно, радовало, что Марджана, что бы ни случилось, всегда соглашалась с любыми его распоряжениями, даже с теми, насчет которых лесоруб был не вполне уверен, отдавал ли он их вообще.

Итак, Али-Баба прошел по двору и по дому, собирая толстые ветки и бревна, из которых можно было бы соорудить некое подобие ворот. Потом он перетащил всю эту груды в свой рабочий закуток, оборудованный за кухней, чтобы иметь возможность трудиться в месте настолько уединенном, насколько позволяли его жалкие владения. И, занимаясь всем этим, он чувствовал, как на душе у него становится легче, ибо работа с деревом была для него одновременно профессией и величайшей радостью, и он страстно желал бы провести остаток своих дней, общаясь с деревьями и кустами, а не с разбойничьими атаманами и содержателями публичных домов.

Но подобное желание было для дровосека столь же неосуществимо, как день без забот, ибо вскоре в его сосредоточенные на работе мысли ворвался голосок Марджаны.

— Ах, прошу меня извинить, — говорила его служанка самым приятным и вежливым голосом, — но вам сюда нельзя.

— Ты хочешь сказать, что здесь проход запрещен? — отозвался другой, куда более грубый голос, и от звука этого голоса сердце дровосека чуть не остановилось. Без сомнения, он принадлежал главарю разбойников! Более того, этот злодей намеревался войти в крохотный дворик дровосека, и путь ему преграждала одна лишь юная девушка.

Но в голосе Марджаны не было и намек на страх. Напротив, она расхохоталась, словно Разбойник Номер Один сказал что-то очень остроумное.

— О мудрый господин, ты, конечно, смеешься над молодой необразованной служанкой. Ты не можешь пройти здесь, потому что если ты сделаешь еще хотя бы один шаг, то войдешь прямо в ворота моего дома.

— Ворота? — удивленно переспросил Разбойник Номер Один. — Не вижу никаких ворот!

Смех Марджаны зазвенел подобно колокольчику.

— Разумеется, ты не видишь ворот! Их совсем недавно сняли для починки. Но, несомненно, перед тобой ворота. — Али-Баба услышал постукивание пальцев по дереву. — Ты, конечно, видишь эту часть изгороди?

Главарь бандитов хмыкнул в знак согласия.

— И эту тоже? — снова постучала по дереву Марджана.

Главарь опять хмыкнул.

— Так это забор по обе стороны от ворот. Ведь правда, чтобы в этих изгородях был смысл, между ними должны быть ворота, даже если ты этих ворот не видишь!

— Что? — воскликнул главный разбойник недоверчиво. — Дорогое дитя, это же вздор! Не будь я добрым старым человеком, вышедшим прогуляться после обеда, а окажись, к примеру, главарем самой жестокой шайки разбойников, когда-либо существовавшей на свете, я мог бы не слушать твои слова и напрямик пройти внутрь.

Но Марджана вовсе не испугалась этой завуалированной угрозы.

— Прежде чем говорить о таком поступке, которого вы, как добрый старый человек, никогда не совершите, позвольте мне задать вам вопрос. Что важнее: простой кусок дерева или традиция?

— Ну, — ответил тот, — для старого человека, коим я, безусловно, являюсь, традиция, конечно, важнее.

— Тогда погодите минутку и послушайте, что я вам скажу, — продолжала Марджана. — И когда я впервые попала сюда совсем маленьким ребенком, и еще за два десятка лет до того ворота стояли на этом самом месте. Что вы скажете насчет этих двух и двух десятков лет?

— Так долго? — Голос разбойника выдавал его изрядную растерянность. — Конечно... это похоже на традицию.

— Ну, значит, — весело откликнулась Марджана, — традиция гласит, что здесь ворота! Наступила долгая тишина. Когда голос разбойника зазвучал снова, это было лишь долгое бормотание себе под нос.

Но затем голос этот задал коварный вопрос:

— Милое дитя, ты говоришь, что эти ворота теперь в починке? А тот человек, который их чинит, — не дровосек ли он?

Веревка выпала из ослабевших пальцев Али-Бабы. Он не в силах был больше заниматься воротами. Откуда Разбойник Номер Один мог знать, что Али-Баба — дровосек? Пожалуй, лишь по его жалкой одежде да по тому, что оба раза, когда он попадал в руки к разбойникам, при нем были его орудия труда, ну и, без сомнения, из того, что наболтал им Касим, прежде чем его разрубили на куски.

Помимо этих мелочей, Али-Баба не видел причины, почему бы атаман разбойников стал разыскивать именно дровосека. Но что могла ответить Марджана на вопрос этого злодея, кроме правды?

Словно вторя его мыслям, в убежище дровосека донесся ответ служанки:

— Это уж точно, мудрый господин, ворота чинит тот, кто занимается починкой ворот.

— Да, — с напором подхватил главарь, — но тот человек, который чинит ворота, — дровосек?

Голосок Марджаны был сама невинность:

— Вот вам бы понадобился лес, чтобы починить ворота?

— Что? — несколько рассеянно отозвался разбойник. — Ну да, конечно.

— Вот и ему, я думаю, тоже, — резонно заметила служанка.

Человек в черном вздохнул столь тяжело, что даже Али-Баба услышал вздох из своего укромного места.

— Но он дровосек? — вновь принялся настаивать главарь. — Он забирается в глухие и далекие уголки леса и возвращается за полночь, ведя с собой мулов, навьюченных загадочными мешками?

— С чего бы ему вздумалось чинить ворота в глухих и далеких уголках леса? — беспечно откликнулась Марджана.

Далее она умолкла, вновь учтиво ожидая, когда атаман вновь заговорит. Но разбойник лишь мрачно бормотал что-то себе под нос. Поэтому, по прошествии подобающего времени, Марджана, похоже, сочла приличным самой задать вопрос:

— А вы про все это спрашиваете по какой-то особой причине?

— О нет, — с жаром возразил главный разбойник, и напор в его голосе сменился кротостью. — Простое любопытство. Считай это стариковской причудой.

Вновь повисла тишина, пока пожилой человек не заговорил снова:

— Ты никогда не думала насчет того, чтобы стать разбойницей? О, я знаю, ты женщина, и все такое, но если мы дадим тебе достаточно мешковатую одежду, никто ничего не заметит. — Атаман закашлялся. — Прошу прощения. Я на миг забылся. Я всего лишь пожилой джентльмен, коротающий оставшиеся ему годы за осторожными расспросами обо всем, что попадает на глаза.

— Ну конечно, — откликнулась служанка, как всегда с юмором. — Было очень интересно побеседовать со столь пожилым и мудрым человеком.

— Да. Хорошо. Думаю, раз мне нельзя войти в эти ворота, то я пойду не спеша дальше, пока не найду кого-нибудь еще, чтобы вежливо порасспросить его. Кстати, чуть не забыл. Ты случайно не слышала, чтобы кого-нибудь недавно разрубили на шесть частей?

Али-Баба услышал, как Марджана громко захлопала в ладоши.

— На шесть частей? Ой, знаю! Это, наверное, загадка! Вы, старики, умеете загадывать такие умные загадки! Наверное, шесть частей — это годы человеческие, с младенчества до согбенной старости — не сочти за неуважение, о почтенный господин.

— Ну, вообще-то это была не загадка... — попытался перебить ее атаман.

— Загадка про другое? — воскликнула Марджана столь радостно, что ни один мужчина на свете не решился бы перебить ее. — Наверное, шесть — это четыре стихии — воздух, земля, вода и огонь — вместе с ласковым западным ветром и ветром восточным, что приносит нам бури с моря...

Главарь попытался вновь завладеть инициативой:

— Ладно, забудь, что я спросил про эти шесть...

— Или это шесть ног насекомого? — добавила Марджана, легонько вскрикнув от радости, будто на этот раз была уверена, что знает ответ. — Наверное, это трудолюбивый муравей, который тащит вес, в десять раз превышающий его собственный...

— Мне действительно пора идти, — перебил-таки предводитель разбойников еще решительнее. — Приятно было побеседовать.

— Какой стыд, — отозвалась Марджана, и в голосе ее прозвучало легкое и вежливое разочарование. — Когда мы увидимся снова, я уж точно отгадаю твою загадку!

— Несомненно, — устало ответил главный разбойник. — Во всем этом есть лишь одна радость. Надеюсь, ты нечасто бываешь в самых глухих урочищах леса.

— Приходите взглянуть на наши новые ворота! — только и ответила Марджана.

Мрачное ворчание предводителя разбойников затихло вдали. Все же дровосек выждал некоторое время, прежде чем выглянуть из своего убежища.

— Великолепная Марджана, — обратился он к служанке. — Человек, с которым ты недавно говорила, — не тот ли это был, о ком я думаю?

Марджана весело кивнула:

— Черное платье, злодейский вид — он в точности соответствует твоему описанию главаря разбойников.

— Значит, нам надо быть готовыми к тому, что он вернется, без сомнения, под покровом ночи, — с великим облегчением заключил Али-Баба. — Я доделаю ворота как можно быстрее.

Но, как обычно, дровосек совсем недолго испытывал чувство облегчения, ибо в разговор вмешался третий голос.

— Прежде чем ты вернешься к своим трудам, — окликнул его брат из-за изгороди, — нам нужно обсудить один должок.

Али-Баба перевел взгляд и увидел, что жена Касима взгромоздила корзину с его братцем прямо на изгородь между их наделами. Нельзя сказать, чтобы женщина оказывала особое внимание своему подопечному, она не смотрела на мужа и, казалось, не желала сводить глаз с Али-Бабы.

Но дровосек не был намерен позволить ни манящему взору этой женщины, ни ее длинным черным волосам, ни ее пухлым, влажным губам, ни тому, как вздымалась ее грудь при каждом вздохе, — он не был намерен позволить всему этому лишить его трезвости ума. К тому же, несмотря на все невзгоды, которые пришлось претерпеть его брату, Али-Бабу слегка раздражало поведение Касима.

— Я должен починить свой забор, иначе все беседы насчет долгов тебе придется вести с покойником.

Касим вознегодовал:

— Ты смеешь так обращаться со мной, твоим сородичем, после всех потрясений, которые я перенес?

«Да, — подумал дровосек, — это правда». Не Расскажи он тогда Касиму про золото, возможно, брат его и поныне был бы целым человеком. Не по этой ли причине жена Касима теперь так смотрит на него? Он снова поклялся себе, что не позволит этому взгляду погубить

его. И все же до сих пор он и не знал, что в ее темно-карих глазах вспыхивают крохотные зеленые искорки.

— Возможно, на мне действительно лежит некая ответственность, — признал в итоге Али-Баба. — Я извиняюсь за все сложности, которые вы оба, должно быть, испытали, пытаюсь вновь наладить отношения.

— О, — негромко заметила жена Касима, — насчет этого можешь не слишком переживать.

— Хотя у нас и были сложности с определением места для некоторых частей, — мрачно добавил Касим, — но мы справились.

— И более того, — сказала его жена, улыбаясь еще шире, — ты и представить себе не можешь, какие пзы...

— Но эта новизна уже в прошлом, — перебил брат. — И тебе давно пора предоставить нам компенсацию.

Компенсацию? Вновь дровосек почувствовал, как в нем закипает гнев. Компенсацию за что? За то, что его братец забыл волшебные слова и застрял в пещере? Но гневные слова вновь покинули Али-Бабу, едва он взглянул на Касима и его жену. Отчасти проблема заключалась в том, что трудно поглядеть в глаза плетеной корзине.

— И поторопись, — пожурела его жена Касима. — Не забывай, что вскоре я должна буду вернуться к гостю нашего дома.

— Гостю? — Али-Баба сумел выдавить лишь эти два слога.

— Совершенно верно, — ответила женщина со снисходительной улыбкой, которую обладатели богатств и обширных владений приберегают для тех, кто всего этого не имеет. — Мы часто принимаем гостей в одном из наших обширных садов.

— Моя супруга — самая гостеприимная из хозяек, — горделиво добавил мужчина из корзины, — чтобы и на базарах, и во дворцах шла молва о щедрости Касима!

— Этот новый гость, — продолжала его жена еще довольнее прежнего, — очаровательный пожилой человек, одетый во все черное, обожающий навещать соседей и болтать о том о сем.

Али-Баба понял, что у него просто нет слов; и мысль осталась только лишь одна: возможно, сооружение ворот теперь уже не имеет особого значения.

Глава девятая, в которой разрозненное может стать единым, а может и нет, в зависимости от обстоятельств

На счастье Али-Бабы рядом с ним по-прежнему была его служанка Марджана.

— Этот гость? — пренебрежительно отмахнулась она. — О да. Он уже побывал у нас некоторое время назад. Честно говоря, я удивилась, насколько трудно было выдворить этого господина.

— У вас? — воскликнула жена Касима, ее улыбка превосходства сменилась хмурой гримасой. — Ты? Он?

Но находчивость служанки помогла Али-Бабе вновь обрести голос.

— Марджана, — приказал он, — расскажи ей все.

— Есть что-то еще? — настороженно спросила жена Касима.

Марджана в ответ разразилась серией вопросов — в лучшем стиле всех великих учителей.

— А вы не задумались, почему на этом старике черные одежды? И потом, не расспрашивал ли он про человека, разрубленного на шесть частей?

— Минуточку! — раздался приглушенный корзиной возглас Касима. — Даже лежащему в корзине ясно, к чему ты клонишь! Ты намекаешь, что наш гость — один из тех разбойников, от которых мы совсем недавно спаслись?

— Что, — спросил Али-Баба, — могло бы быть еще хуже, чем если бы этот пожилой

господин оказался просто одним из разбойников?

— Ты имеешь в виду, что он — их главарь? — пронзительно взвизгнул Касим, словно тело его снова рубили на куски. — И моя безмозглая жена позволила этому грязному бандиту войти в самые закрытые из наших садов? Подойди к корзине, женщина, и достань из нее мою руку, чтобы я мог побить тебя.

Его жена покосилась на своего упакованного в корзину мужа и господина:

— Перед соседями?

Этот вопрос даже Касима заставил замолчать.

— Возможно, я забылся. При том, как я расчленен, это вполне возможно. Но что же нам делать, раз этому человеку известно наше местонахождение?

— Я не сказала ни слова про то, что мой муж расчленен на шесть частей, — заявила его жена, и тон ее подразумевал, что она обижена самым предположением, будто могло быть иначе. — В конце концов, некоторые вещи должны оставаться в кругу семьи.

— Прости, о хозяин, — сладко пропела Марджана, — но могу ли я предложить самый простой из вариантов?

— Сделай милость! — с энтузиазмом согласился Али-Баба. — Во мне твои скромные слова всегда найдут внимательного слушателя!

— Очень хорошо, — отозвалась Марджана. — Мне недавно пришло на ум — как, без сомнения, пришло бы и вам после минутного размышления, — что ключевым моментом вашей проблемы является мужчина, разрубленный на шесть частей. Но что если эти шесть частей вновь станут одним целым?

— Исправить то, что случилось с моим мужем? — переспросила жена Касима, потрясенная самой этой мыслью. — Ах, если бы это было возможно! Но в нашем доме никто ничего не смыслит в магии!

— Простите мне мои скромные советы, — продолжала Марджана, — но единственная магия, о которой я думала, — это нитка с иголкой.

— Нитка с иголкой? — недоверчиво повторил Касим.

— И мы просто сошьем его? — Жена его рассмеялась и захлопала в ладоши. — Раз мы займемся его починкой, то, возможно, сумеем и кое-что улучшить!

— Поосторожнее, жена! — предупредил ее муж. — Или я в самом деле заставлю тебя достать одну из моих рук, чтобы как следует побить тебя! И ногу, чтобы добавить заодно еще несколько пинков!

— Вы должны извинить моего мужа, — продолжала его жена. — Он не вполне в себе. Иначе он понял бы, что в предложении этой молодой служанки есть свои неоспоримые достоинства.

Но Касим все еще не был убежден.

— Сшить меня? Острой иголкой? Вы представляете, как это будет больно?

— Тебя разрубили на шесть частей, — скептически заметила его жена. — Воистину это, наверное, было куда больнее!

— Той боли хватило бы на дюжину жизней, — передернулся Касим. — Сшейте лучше кого-нибудь другого!

И снова ум Марджаны пришел на выручку.

— Я знаю одного слепого портного, который двигается ловко, как кошка. Я уверена, что он мог бы сшить эти части воедино совсем не больно.

— Не больно? — запричитал Касим, по-прежнему не убежденный. — О, но ведь это будет как минимум щекотно!

— Прекрасно, — кротко отозвалась Марджана, словно ее единственным желанием было повиноваться, — в таком случае, когда главарь разбойников отыщет вас, ему будет достаточно просто взглянуть на эти части.

— Ох, ничего не поделаешь. — Касим попытался рассмеяться. — Ладно, что такое небольшая боль?

— Прошу прощения. — Жена Касима нахмурилась и отвернулась от изгороди, чтобы

выслушать то, что подошедшая молодая служанка шепчет ей на ухо. Когда она вновь перевела взгляд на Али-Бабу, то вид у нее был еще более расстроенный, чем прежде. — Слуги сообщили мне, что мы заставили нашего гостя слишком долго ждать в саду. Он сказал, что в ожидании нашего гостеприимства побродит по нашим владениям, поищет каких-нибудь интересных дикушинок.

Служанка склонилась поближе и прошептала женщине на ухо еще что-то.

— Он сказал, — передала жена Касима с растущей тревогой, — что его особенно интересуют разрубленные на части живые существа.

Панику Али-Бабы при этом сообщении на время прервал голос его собственной жены, появившейся из-за их убогого домика.

— О горе! — раздалась ее привычные, но все равно пронзительные причитания. — Почему ты не сказал мне, что беседуешь со своей родней?

Но дровосеку в этот миг было недосуг слушать жену. Вместо этого он обратился к супруге своего брата:

— Как скоро мы можем ожидать его появления?

Она нахмурила брови, размышляя.

— Ну, должно быть, не сразу. Судя по тому, что сказала мне служанка, он направился совершенно в другую сторону от того места, где мы теперь стоим. Судя по тому, где именно в наших владениях он находится, я бы сказала, что ему, чтобы попасть сюда, нужно будет пройти по меньшей мере через три регулярных сада.

— Ах! — воскликнул Касим. — Так вот куда тыпустила этого гостя, в самую лучшую часть наших великолепных угодий! Эта скотина недостойна даже просто видеть подобную утонченность! Однако не забывай: чтобы добраться до садов, он должен миновать наши большие и тихие зеркальные пруды.

— О да, — согласилась с напоминанием его жена, — по крайней мере четыре штуки, в зависимости от того, пойдет он через птичник или нет.

— Простите за дерзость, — добавила их служанка, совсем как Марджана, — я бы еще упомянула про семь дворовых построек, мимо которых ему нужно будет пройти.

— Да, — признала жена Касима, — и это лишь в том случае, если он выберет самый короткий путь. Но, несмотря на все это и на топиарий, купальню и, разумеется, наши скромные, но приличного размера речку с форелью и лес для охоты на дичь, он все равно может заявиться сюда в любой момент.

— О горе! — перебила жена Али-Бабы, всячески стараясь, как обычно, завладеть инициативой в разговоре. — Наши родственники хвастаются своим гостеприимством, а ты даже не думаешь рассказать им о нашем?

Учитывая всю серьезность положения, обычно терпеливый, Али-Баба понял, что не в силах сосредоточиться под жалобы жены.

— Не теперь, любимая, — мягко сказал он поэтому.

— Вот так все и начинается. — Его супруга чересчур понимающе кивнула с самым печальным видом. — Именно так: когда муж и жена общаются все меньше. А там и до распада брака недалеко!

Жене Касима пришлось повысить голос, чтобы перекричать жену Али-Бабы:

— Мы должны как можно быстрее защитить моего мужа. Где можно найти этого слепого, о котором говорила ваша служанка?

Но из корзины снова запротестовали:

— Я не собираюсь позволять слепому ощупывать себя, а уж сшивать — тем более!

— Глупости! — ответила жена Касима. — Ты что, думаешь, что кто-то зрячий возьмется за такую работу?

Старший брат уныло рассмеялся:

— А ты не думаешь, что с такой работой даже у слепого возникнут некоторые сложности?

— Уместное замечание. — Жена Касима вознаградила корзину улыбкой. — Я думаю,

для нашего дела было бы гораздо лучше, если бы ты, пока тебя будут восстанавливать, притворился мертвым.

— Мертвым?! — взвизгнул Касим, словно одна мысль об этом причиняла ему боль. — Но части моего тела по-прежнему теплые. А если этот портной заденет нерв или пощекочет кожу?

— Значит, мы скажем, что ты умер совсем недавно, — успокоила его жена. — И, что бы ни случилось, мы дадим этому человеку достаточно золота, чтобы уста его были столь же немые, как слепы его глаза.

Но Касима не так-то просто было заставить замолчать.

— Золота? И где же мы возьмем это самое золото?

Глаза его жены обратились на Касима.

— Не нужно далеко искать, мы будем уповать на щедрость твоего брата.

Не успел еще дровосек толком сообразить, что поддержать здоровье брата ему предлагают из собственных средств, как в беседу вмешался новый голос:

— Золота? Я слышал, кто-то упомянул про золото.

Увы! Это был тот самый старик, на самом деле являющийся главарем разбойников! Он преодолел все три сада, четыре зеркальных пруда, птичник, топиарий, форелевую речку, охотничьи угодья и семь дворовых построек на удивление быстро. Обе жены и Касим вскрикнули от удивления.

— Я вовсе не хотел вас пугать, — сообщил человек в черном с улыбкой, которая при других обстоятельствах могла бы показаться доброй. — Я всего лишь ищу какие-нибудь диковинки. Эге, какая у вас тут большая корзина! Просто чудо, не так ли, что вам удалось затащить сюда корзину такой величины и столь сложной конструкции? — С этими словами он нагло шагнул прямо к корзине, чтобы иметь возможность получше рассмотреть то, что в ней скрывается.

Все члены семейства переглянулись, словно безмолвно спрашивая, что бы такое придумать, дабы спастись от неизбежного разоблачения. Но дровосек знал, что ответ может быть только один.

— Конечно же, есть всего один выход, — сказал Али-Баба, отворачиваясь, чтобы предводитель разбойников не узнал его. — Лишь один человек может придумать что-нибудь, и человек этот — Марджана!

— Но вы мне не сказали, — с явным наслаждением напомнил разбойник, делая еще один шаг, — почему вы упомянули про золото?

Его удовольствие мигом испарилось, как роса поутру, едва навстречу ему выступила Марджана:

— О достопочтенный господин, хотя мне ужасно не хотелось бы перечить столь пожилому и мудрому человеку, как вы, но боюсь, что ваши не менее достопочтенные уши с годами стали подводить вас. Вам показалось, что вы услышали такое приятное слово «золото», в то время как на самом деле было упомянуто куда менее ласкающее слух слово «холодно».

— Холодно? — в явном смятении переспросил разбойник.

— Такой жестокий недуг, — запросто продолжала Марджана, словно о чем-то совершенно очевидном. — Человеку становится просто ужасно холодно. Мы, конечно, прибегли к старинному семейному средству и кое-как запихали больного в эту корзину.

Касим своевременно чихнул.

Разбойник остановился, видимо решив, что нет никакой необходимости сейчас же заглядывать в корзину.

— Но вы — человек такого почтенного возраста и столь обширных познаний! — заявила Марджана с энтузиазмом, словно мысль эта только что пришла в ее хорошенькую юную головку. — Вы должны знать про многие редкие болезни! Конечно же, если бы мы показали вам больного, вы бы с легкостью опознали огромные кровоточащие гнойники по всему его телу и узнали тот характерный гнилостный запах, который источает каждая его

пора!

Тут разбойник нахмурился и взглянул на солнце.

— Ну надо же, подумать только, уже так поздно! Хотя я уверен, что смог бы дать вам добрый совет насчет всего этого, но боюсь, что должен немедленно покинуть вас. Даже у добрых старых людей бывают порой деловые встречи!

— Ты уверен? — откликнулась жена Касима с легкой улыбкой. — А мы собирались устроить славный пир.

— Я не сомневаюсь в вашем сказочном гостеприимстве, — бросил разбойник через плечо, рысью устремляясь к ближайшей из надворных построек. — Я обязательно воспользуюсь им в другой раз!

С этими словами предводитель головорезов скрылся из виду.

— О несравненная Марджана! — вскричал Али-Баба, удостоверившись, что разбойник исчез из зоны не только видимости, но и слышимости. — Ты снова спасла нас!

— Мое единственное желание — служить тебе, — был скромный ответ служанки.

— О горе! — монотонно затянула жена дровосека. — Почему все мы не можем с таким изяществом исполнять свой долг!

— Но все-таки боюсь, что мы не в последний раз видели нашего главного разбойника, — предостерег Али-Баба. — Нам надо сшить моего брата при первой же возможности!

Последние события были настолько серьезны, что даже Касим больше не возражал. Поэтому после недолгих споров было решено, что Али-Баба отнесет корзину к слепому портному, ибо его часто видели разносящим по городу заказы и это не должно было вызвать подозрений. Определившись наконец с этим, далее все решили, что за это время главарь разбойников ушел уже достаточно далеко и дальнейшее промедление лишь даст головорезу возможность передумать и вернуться, на беду всем им. Следовательно, Али-Бабе и Касиму следовало отправляться в путь, ибо момент был самый подходящий.

Итак, Марджана и жена Касима помахали им на прощание, супруга Али-Бабы удостоила их последнего «О горе!», и Али-Баба вынес плетеную корзину через дыру в заборе, где некогда были его ворота. Марджана во всех подробностях объяснила ему, как добраться до лавки портного, которая, как оказалось, располагалась совсем неподалеку, вниз по той же самой улице, на которой жили дровосек и его брат. И вот Али-Баба понес свою ношу, которой предварительно велел молчать, мимо дома Касима. Но едва они успели отойти на дюжину шагов от большой сторожки, выстроенной богатым братом, как на них напали четверо мужчин, одетых во все черное!

Корзину у Али-Бабы мигом отобрали, и еще два человека схватили его за руки и грубо развернули — прямо лицом к лицу с главарем разбойников!

— Я вам говорил, что от нас не убежишь, — заметил Разбойник Номер Один, широко улыбаясь. — Теперь, когда этой твоей любящей лезть не в свое дело служанки больше нет, вы наши до конца своих дней. — Он умолк, чтобы многозначительно улыбнуться остальным разбойникам. — Не скажу, конечно, чтобы это было очень надолго.

Глава десятая, из которой мы узнаем, что значит быть разбойником

На этот раз Али-Баба, которого крепко держали двое заросших бородами мужчин в черных одеждах, был уверен, что ему действительно конец. Никогда не видать ему больше своего скромного домика, своей маленькой семьи!

Главарь разбойников, с видом еще более зловещим, нежели у остальных, расхаживал взад и вперед по разом вдруг опустевшей и притихшей улице. Казалось, никто, будь то человек или животное, не пожелал бы, имея он возможность выбора, оказаться в компании этих людей. Настроения Али-Бабы вовсе не улучшало и откровенное злорадство главаря.

— Ха-ха-ха, — вымолвил главный разбойник, придвигая лицо вплотную к лицу Али-

Бабы. — И еще раз ха, и снова ха! Это должно доказать, причем неопровержимо, что от сорока разбойников никому не уйти! Грабить — значит жить, а жить — значит грабить! — Он повернулся к Касиму. — И ты, в корзине. То, что тебя разрубили на шесть частей, было лишь началом твоей новой жизни!

Тут уж запричитал и Касим:

— Значит, у меня появилась еще одна причина проклинать мое бессмертие. Теперь я буду вынужден день за днем слушать тебя!

— И уж поверь мне, — заверил главарь, который, очевидно, принял эти слова за некий странный комплимент, — ты всегда будешь рядом со мной! — Он фыркнул. — Итак, нас снова сорок разбойников. А когда мы в полном сборе, нет на земле силы, способной остановить нас! — Он поочередно ткнул пальцем в каждого из трех своих подручных. — Стерегите наших новичков хорошенько. Я позову остальных. И тогда — в путь! — С этими словами атаман развернулся и побежал по переулку, что проходил на задах имения Касима.

Так, значит, Али-Баба должен распротиться со своим домом, с этим городом, с трудом дровосека? Даже его робкий дух взбунтовался при этой мысли. Обязательно должен найтись какой-нибудь способ, чтобы они с Касимом могли сбежать. Али-Баба попытался легонько шевельнуться, но обнаружил, что руки его словно зажаты в железных тисках.

— Пожалуйста, не слишком дергайся, — с неожиданной мягкостью сказал разбойник, державший левую руку Али-Бабы. — У тебя и так достаточно проблем, чтобы добавлять к ним новые.

— Да, — сказал разбойник справа, — никому еще не удавалось ускользнуть от разбойников дважды.

— По крайней мере, — вступил в разговор бандит, державший корзину, — никому не удалось остаться после этого в живых.

— Вряд ли наш главарь станет вас убивать, — добавил первый из трех ободряюще, — во всяком случае, напрямую.

— Да, — согласился второй, — скорее пошлет вас с поручением куда-нибудь, откуда нет возврата, скажем, спуститься по отвесной скале или залезть прямо в пасть акуле.

— Значит, пока мы в руках вашего главаря, с нами ничего не случится? — спросил Али-Баба, не зная, достаточно ли ему этого, чтобы почувствовать облегчение.

— Нет ничего более далекого от истины, — с жаром ответил первый из трех. — Я слышал, что вы оба вполне можете заслужить... — он на миг запнулся, прежде чем сумел закончить фразу, — ...понижение.

Двое других разбойников охнули, — похоже, от ужаса. Из-за густых бород Али-Бабе трудно было разглядеть их истинные чувства. И все же пусть он всего лишь бедный дровосек, он должен выяснить для себя эти вопросы.

— А что, это самое «понижение» — это так страшно?

— Хуже понижения, — ответил последний из трех после очень неприятной паузы, — только смерть.

— У меня есть предложение, — сказал вежливый первый разбойник. — Что, если нам, разбойникам, ненадолго забыть о своем долге? Но знайте, о новые члены нашей шайки, наши намерения не менее серьезны, чем прежде. Я также полагаю, что было бы правильным упомянуть о том, что я член этой ужасной банды и проворство моей вооруженной ножом руки лишь немногим уступает быстроте моего острого как бритва меча, но и то и другое кажется медлительнее улитки по сравнению со стремительностью моих отравленных стрел. — Он мягко кашлянул, отпуская руку Али-Бабы. — Тебе стоит учесть это.

Али-Баба учел. Хотя его больше не держали, дровосек чувствовал себя ничуть не свободнее, чем прежде. И все же, если уж он обречен присоединиться к этой банде против своей воли, то, может быть, ему удастся, насколько возможно, сохранить лицо?

Он шагнул к корзине с братом, которую третий разбойник поставил на землю.

— Думаю, разбойничья жизнь — это, по крайней мере, какая-то перемена, — отважился Али-Баба. — Может, хоть удастся посмотреть мир.

Три разбойника сошлись поближе и переглянулись. Ни один из них не выразил особого энтузиазма по поводу замечания дровосека.

— Что тут увидишь? — сказал первый. — Ты вечно будешь в окружении целого табуна скачущих коней.

Но Али-Баба не был обескуражен.

— Тогда, возможно, я смогу услышать что-то новенькое, вроде голосов диковинных птиц или рокота далекого океана.

— Что тут услышишь? — вступил в разговор третий. — Лишь рев победителей да вопли жертв. И уж точно ничему не научишься.

Но дровосек упрямо шел к своей цели, точно так же, как никогда он не переставал возиться с поленом, пока не расколется все сучки.

— Но, несомненно, во время странствий я наберусь каких-нибудь новых впечатлений...

— Какие там впечатления! — воскликнул второй разбойник. — Ничего, кроме солнца, и зноя, и пыли.

— Но, — снова начал дровосек, сам слыша, как нарастает отчаяние в его голосе, — разве вы не знаете...

— Что тут можно знать? — перебил второй разбойник. — Ты даже никогда не будешь знать, где находишься, поскольку всегда будешь окружен головорезами.

— Но как же насчет отдыха... — предпринял новую попытку Али-Баба.

— Когда тут отдыхать? — подвел итог первый. — Все время скачешь, скачешь, грабишь, грабишь, грабишь...

Похоже, их ждало не самое блестящее будущее. И все же, будучи человеком в целом позитивно настроенным, а может, хватаясь, подобно утопающему, за соломинку, Али-Баба не сдавался, пытаясь найти хоть что-то утешительное.

— Быть может, мы сможем чему-нибудь научиться у вашего могущественного предводителя?

Все трое вновь покачали головами.

— Мир не знал более ужасного человека, — начал первый.

Однако Али-Баба не собирался так просто соглашаться с подобным негативным отзывом.

— Но должно же быть что-нибудь положительное, что вы могли бы сказать о вашем вожаке.

Разбойники задумались.

— Он нетерпеливый.

— Он несдержанный.

— Он негуманный.

— И не великодушный, — добавил третий после некоторого размышления.

— Воистину, — вновь подвел итог первый из троих, — он еще много чего «не».

Тут даже беспечный дровосек оказался близок к тому, чтобы признать свое полное поражение.

— Значит, у него нет никаких положительных качеств? Он хуже даже тех существ, что питаются земной падалью?

Первый разбойник склонился к Али-Бабе и предостерегающе дернул его за рукав.

— Не говори такие вещи вслух! Наш предводитель очень обидчив. — Он взволнованно потянул себя за бороду. — Иногда он заодно убивает и тех, кто слушал. Он прекрасно владеет мечом.

— Владеет мечом? — переспросил дровосек. — Это положительное качество, по крайней мере в некотором смысле.

Разбойники поразмыслили еще немного, прежде чем второй сказал:

— Он очень сведущ в пытках.

Третий, почувствовав поддержку, добавил:

— И к тому же его жажда золота неутолима.

— Видишь? — ухмыльнулся первый. — Мы были слишком строги к нашему главарю. Вон сколько в нем хорошего.

Наступила тишина. Ибо о чем еще было говорить после такого? Чем дольше длилось молчание, тем неуютнее чувствовал себя Али-Баба. Он понимал, что находится среди людей, которые проводят время за грабежами и разбоями, и предпочел бы поэтому, чтобы мысли их не зашли слишком далеко, особенно в такой опасной близости от его скромного дома и, что важнее, от свежерытой ямы в полу его кухни.

Чтобы прервать молчание, дровосек решил испытать иной путь к дружбе и представиться.

— Меня зовут Али-Баба.

— Ты будешь Номер Тридцать Девять, — сказал первый из бандитов. — Мы не употребляем имен.

— Так ни у кого из вас нет имен? — с некоторым изумлением спросил дровосек.

— О нет, — возразил первый, — имена у нас, конечно, есть. Мы просто ими не пользуемся, во всяком случае, в присутствии атамана.

— У Разбойника Номер Один свои причуды, — добавил второй. — И то, что он настаивает на номерах, — главная из них.

— Должно быть, это как-то связано с требованием, чтобы разбойников всегда было сорок, — заявил последний. — Для него это магическое число.

— Просто позор, — заметил второй, — что это количество ему так трудно поддерживать.

— Позор? — переспросил Али-Баба.

— Всем нам, — хором сказали три разбойника.

Дровосек не был уверен, что допытываться дальше — в его интересах.

— Но ты спрашивал наши имена, — поспешно произнес первый из трех, словно торопясь сменить тему. — Я провел в банде достаточно времени, чтобы стать Номером Тридцать. — Он быстро глянул вверх и вниз по улице, прежде чем добавить: — В прежние времена меня знали как Аладдина.

Значит, разбойники, в свой черед, решили представиться? Эта готовность к общению если и не успокоила Али-Бабу, то, во всяком случае, несколько пригасила желание вопить в голос от жуткого страха. Пока бандиты говорили, Али-Баба позволил себе рассматривать их по очереди и, несмотря на то что одежды и бороды делали их похожими, смог разглядеть свойственные каждому характерные отличия. Так, тот, которого некогда звали Аладдином, или Номер Тридцать, был выше остальных двух и шире в плечах, словно ему приходилось много работать над собой в прежней жизни, до того, как он вступил в ряды разбойников.

Тут вперед вышел второй разбойник и, в свою очередь, представился:

— В нашем кругу меня зовут теперь Номер Двадцать Восемь. — Он понизил голос и добавил: — Но в детстве меня называли Ахмедом.

Этот человек был заметно моложе остальных, его долговязая неуклюжая фигура еще не успела возмужать. Борода скрывала его возраст, но при ближайшем рассмотрении Али-Баба предположил бы, что Номер Двадцать Восемь едва ли намного старше его милой Марджаны.

— Остается мне завершить наше знакомство, — сказал третий из разбойников. — Я Номер Двенадцать, поскольку хожу в разбойниках уже два десятка лет, но в далеком прошлом, когда я жил во дворце, меня звали Гарун аль-Рашид.

Этот последний из трех был также старшим из них, борода его была обильно тронута сединой. К тому же он говорил более властно, чем его младшие компаньоны, будто бы в самом деле привык повелевать и жить во дворцах и его не так-то просто было заставить склониться перед волей главаря разбойников.

Али-Бабу сильно заинтересовали имена, которыми звали этих людей до того, как им присвоили номера. Если имя Ахмед было более чем распространенным, то про Гаруна аль-Рашида и Аладдина Али-Баба кое-что слышал. Неужели героями тех историй были эти самые люди? Насколько бы ни были невероятны события последних двух дней, это казалось

уж вовсе выходящим за рамки всякого правдоподобия. К тому же дровосек даже представить себе не мог, каким образом можно вытянуть из разбойников эти сведения. Достаточно трудно было даже просто узнать их имена. Какими же мольбами заставить поведать истории их жизнью?

Али-Баба решил пока избрать путь вежливости:

— Мы очень рады с вами познакомиться.

Однако прежде чем он успел продолжить столь учтивую беседу, его прервал знакомый голос из головы, отделенной от тела.

— «Мы»? Осмелюсь напомнить, что меня никто никому не представил, — воскликнул Касим из-под плетеной крышки. — Сначала тебя разрубают на части, запихивают в корзину, а потом и вовсе игнорируют! Вот так всегда!

— Да, и верно, — вежливо заметил человек, которого прежде звали Ахмедом. — Мы забыли про Номер Сорок.

Но брата дровосека было не так-то просто утихомирить.

— Касим, к вашим услугам! Весьма влиятельный человек в этом городе. Человек, имеющий могущественных и наделенных властью друзей!

Али-Баба сообразил, что брат его, должно быть, говорит про своего хозяина, огромного и отвратительного Беспалого.

— С одним таким могущественным другом ты уже решил пока не общаться, — осторожно напомнил он брату.

— Да, это так, — чуть мягче ответил брат из корзины. — Это просто временная пауза, уверяю вас. В моем теперешнем состоянии приходится воздерживаться от лишних пояснений.

Али-Баба подумал, что братец, к примеру, избегает разговора о том, как он мог знать про такую уйму золота и не сообщить об этом Беспалому, но вслух ничего не сказал.

— Думаю, Номер Сорок, что ты зря так сильно негодуешь, — заметил разбойник, которого раньше звали Ахмед, а теперь Номер Двадцать Восемь. — Хотя ты и разделен на шесть частей, у тебя тоже есть свои преимущества.

— Назови мне хоть одно, — недоверчиво отозвался голос Касима, — и я буду смирно сидеть в своей темнице.

— Ну, насколько я помню, у тебя есть борода, — сказал Ахмед.

— Конечно есть, — проворчал Касим. — В данный момент она щекочет меня под коленкой самым немилосердным образом!

— Ага, — сказал Ахмед с улыбкой, сразу показавшей, что он, по сути, совсем еще мальчишка. — Значит, ты ближе к идеалу разбойника, чем твой безбородый брат.

Касима это не убедило.

— Я — идеал, хотя и расчленен на шесть отдельных частей?

— Нет никакого правила насчет того, чтобы быть единым целым. А вот насчет бороды — есть, и вполне определенные. — Ахмед подергал себя за бороду.

Гарун, или Номер Двенадцать, с некоторой озабоченностью уставился на лицо дровосека.

— Если ты и пытался отрастить бороду, то дело, похоже, не пошло на лад.

— Опять-таки, — заявил Ахмед, — если ты не пытался отрастить бороду, то тогда дела совсем плохи.

— В любом случае, думаю, добра ждать не приходится, — заметил Разбойник Номер Тридцать, которого прежде звали Аладдин, наимрачнейшим тоном. — Быстро отращивай бороду. Если у нашего атамана отыщется пара минут на то, чтобы спокойно подумать и понаблюдать за своими подчиненными, прежде чем волосы у тебя на подбородке явятся во всей своей красе, — для примера он потянул себя за бороду, — тебе придется быть очень осторожным.

— К счастью для большинства из нас, — добавил Номер Двадцать Восемь весьма легкомысленно, — у нашего предводителя нечасто бывает время для спокойных раздумий.

Али-Баба был не в силах отвечать, ибо его потрясло столь неприятное напоминание о неполноценности его волосяных фолликулов.

Трое разбойников, казалось, ничего не заметили.

— Это воистину относится ко всем нам, — сказал разбойник, которого прежде звали Аладдин. — Если бы выдалась минута передохнуть и спокойно поразмыслить, кое-кто из нас, возможно, пустился бы в бега.

— Как мы уже сказали, — провозгласил человек в черном, живший некогда во дворце, — мы не всегда были разбойниками. До того как оказаться здесь, у всех у нас была другая жизнь.

Едва разговор зашел на эту тему, Разбойник Номер Тридцать широко распахнул глаза от волнения и с воодушевлением закивал.

— И у каждого из нас в этом прошлом есть своя история; история, заслуживающая внимания.

— Ох, — со страхом воскликнул Ахмед, — он собирается снова рассказывать про лампу!

— Эта история стоит того! — возразил Разбойник Номер Тридцать, известный также как Аладдин.

— А наши что, хуже? — сделал замечание Разбойник Номер Двенадцать, Гарун аль-Рашид, Обитатель Дворцов. — Стоит вспомнить, кто из присутствующих здесь старше.

«Лампа?» — вновь отметил про себя Али-Баба. Неужели в его невероятной догадке насчет кое-каких моментов из их прошлого действительно есть доля истины?

Но прежде чем кто-либо из четверых успел начать какой-нибудь рассказ, раздался топот множества копыт, сначала отдаленный, но с каждым ударом сердца становящийся все громче и громче.

— Разбойники едут! — воскликнул Ахмед.

— Теперь будет не до историй! — печально добавил Гарун. — Нкогда будет даже просто поговорить!

— Снова скачка, скачка, скачка, грабежи, грабежи, грабежи!.. — с убитым видом прокомментировал Аладдин.

Топот усиливался, шум и пыль в огромных количествах доносились из узкого переуллка, проходившего позади дома Касима. Сначала дровосеку показалось странным, что разбойники предпочли передвигаться переулком. Разумеется, рассудил Али-Баба, в соответствии с масштабами прочего хозяйства его брата переулок этот был достаточно широким, чтобы три всадника могли ехать по нему рядом.

— Было очень приятно побеседовать, — сказал ему разбойник, которого когда-то звали Аладдином. — Будем молиться, чтобы когда-нибудь в этой жизни нам удалось поговорить еще раз, какой бы короткой наша жизнь ни оказалась.

Но это были последние слова, которыми смогли обменяться новоявленные товарищи, ибо в этот миг Разбойник Номер Один вылетел из переуллка верхом на своем черном как ночь коне, а следом за ним — остальные разбойники в черных одеждах.

— Ага! — торжествующе воскликнул главарь бандитов. — Теперь займемся нашим делом! И никто не сможет остановить нас, ибо нас будет ровно сорок! — Он сделал знак Разбойникам Номер Тридцать, Номер Двенадцать и Номер Двадцать Восемь. — Мы снова привяжем наших новичков к лошадям. Но на этот раз вы трое будете сопровождать их по дороге из города!

Похоже, дела у разбойников шли неплохо, ибо на этот раз и Али-Бабе, и корзине с Касимом досталось по собственной лошади. Дровосека закинули в седло одного из скакунов Ахмед и Аладдин, в то время как Гарун подхватил корзину, чтобы приторочить ее на спину другому коню. Остальные разбойники накидали этим троим множество веревок, чтобы понадежнее привязать новых членов банды. Говоря по правде, веревок было столько, что трое разбойников лишь с превеликим трудом управились с их избытком.

— Не мог бы ты убрать этот канат с моей ноги? — поинтересовался Ахмед у Аладдина,

стряхивая с колена веревочные кольца.

— Ты который по счету? — спросил тут главарь у Ахмеда.

Молодой разбойник мигом стал само внимание, на время напрочь позабыв про веревки.

— Номер Двадцать Восемь, господин.

Разбойник Номер Один умиротворенно улынулся:

— В числах — такая надежность. — И воскликнул, поднимая руку в знак того, чтобы остальные следовали за ним: — Пора! Мы разграбим богатейший квартал в этом городе. Наверняка каждый закуток всякого роскошного дома тут окажется набит золотом.

— Нельзя ли подождать минутку, — попытался перекричать нарастающий топот конских копыт Гарун, — чтобы я смог выпутать свою руку из этой веревки?

— Кто-то понавязал на веревке узлов, — воскликнул Аладдин сквозь гул. — Нам нужно время, чтобы распутать...

— Разбойники! В путь! — ужасным голосом взревел атаман, пуская коня в галоп, и его вопль подхватили другие всадники, и казалось, именно их жуткие крики побуждали лошадей мчаться во весь опор.

И вот остальные разбойники умчались прочь, оставив пятерых позади.

— О Всевышний! — вымолвил Гарун, когда на улице вновь воцарилась тишина. Он сумел наконец высвободить руку из множества замысловатых узлов.

— Это должно было случиться — раньше или позже, — заметил Ахмед, сбрасывая с себя кольца веревки, отягощающие его тело.

Аладдин перешагнул через груды спутанной пеньки, которую он пытался привести в порядок.

— Какой позор, что это случилось с нами.

— Я не понимаю! — воззвал из корзины Касим. — Что там происходит?

— Разбойник Номер Один, — пояснил Аладдин, — спеша за золотом, забыл про нас.

— Может, это и к лучшему? — неуверенно спросил Ахмед.

— Или к верной смерти, — предположил Гарун.

— Я сказал глупость, — куда более убежденно согласился Ахмед. — Конечно же, это к верной смерти.

— Он всегда вот так, — добавил Аладдин с очевидным фатализмом.

— Все произошло, когда он произнес слово «золото», — с печальной задумчивостью сказал Ахмед.

— Логика покидает его в тот же миг, как прозвучит это слово, — мрачно пояснил Гарун.

— И все же, — заметил Аладдин, — давайте поищем плюсы в нашем теперешнем положении, как, я уверен, сказал бы дровосек. Это, разумеется, снимет часть тяжести с наших плеч.

— Ты имеешь в виду, что он отрубит нам головы? — поинтересовался Ахмед уже куда спокойнее. — Да, в некотором роде это очень утешает. Что может быть хуже такой быстрой и болезненной смерти?

Именно в этот самый миг из переулка показался Беспалый.

Глава одиннадцатая, из которой мы узнаем, что если ты не волосат, то тут тебе и конец

Али-Баба оглянулся на разбойников.

— Вы хотите сказать, что ваш главарь так запросто убьет нас?

На это Аладдин пожал своими крепкими плечами:

— Это будет зависеть от того, возможно ли будет найти разбойников на замену.

— Конечно, — добавил Ахмед, — наш главарь не слишком разборчив насчет новобранцев для шайки. Взять хоть нас троих. А еще лучше — взять хоть вас двоих.

Всякие попытки продолжить беседу были пресечены криками Беспалого и его

компании, устремившихся к Али-Бабе и остальным.

— Вот ты где! — воскликнул крупный человек в белом. — Наверняка пытаешься скрыться, не оставив нам адреса. Тем хуже для тебя! У тебя есть лишь один способ избежать моего ужасного возмездия. Ты скажешь нам, где сейчас находится Касим. Мне надоело, что я не слышу от тебя ответов!

— А что, был задан вопрос? — осведомился Ахмед.

Беспалый лишь наградил младшего из разбойников пронзительным взглядом и вместо ответа сделал знак одному из своих обвешанных драгоценностями прихвостней.

— Хасан, — приказал он приспешнику, — взгляни, что в корзине!

Но не успел названный Хасан сделать хотя бы шаг к своей цели, трое разбойников выдвинулись вперед, расположившись таким образом, чтобы заслонить корзину своими черными одеяниями.

— Ты отдаешь себе отчет, что эта корзина тебе не принадлежит? — властно спросил Гарун.

Его слова вызвали у Беспалого лишь особенно отвратительный смех.

— Я беру что хочу!

Аладдин счел нужным возратить ему улыбку, сопроводив ее такими словами:

— Это возможно лишь тогда, когда другой человек готов отдать спорный предмет.

Выражение лица Беспалого из насмешливого сделалось свирепым.

— Так вы мне отказываете! Я покажу вам, что бывает с теми, кто отказывает Беспалому! И кроме того, — запоздало спохватился он, — вопросы здесь имею право задавать только я!

— Кто говорит про отказ? — Голос Ахмеда был столь елейным, что сама когтистая Смерть поскользнулась бы на нем. — Кажется, нам просто надо договориться о терминах.

Как стремительно отразился гнев на лице Беспалого, так же быстро он теперь сменился полным замешательством. Хотя уста его еще некоторое время шевелились, разум, казалось, не в силах был вложить в них какие-либо подходящие случаю слова.

— Мне представляется, что «отдать» — это то же самое, что «подарить», только другими словами, — пояснил свою мысль Ахмед. Он отступил в сторону, являя взорам плетеное сокровище. — Теперь взгляни на эту жалкую корзинку. Видишь, как перекосилась крышка, как вытерлись ручки. В ней даже есть дырки — в двух, нет, в трех местах. Эта вещь слишком ветхая, чтобы вообще рассматривать ее в качестве подарка. Ты прав, что оскорбился при одном упоминании о подобной возможности. Но в нашем случае еще не все потеряно, ибо я могу назвать немалое количество других предметов, находящихся под рукой и куда лучше подходящих на роль подарков. — Он протянул руку и с удивительной быстротой выхватил из ножен меч Хасана. — Ты позволишь? — добавил он, уже держа меч в руке. — Этот украшенный драгоценными камнями клинок — отличный образчик настоящего подарка.

Лишившийся меча Хасан издал вопль, бессвязный и яростный. Слуга Беспалого был столь расстроен, что задал первый вопрос, который Али-Баба слышал от кого-либо из компании Беспалого:

— Ты что, собираешься подарить моему хозяину его собственный драгоценный меч?

Ахмед с печальной улыбкой покачал головой, словно подобный поступок столь же отличался от его истинных намерений, как раб отличается от султана.

— О нет, — пояснил молодой разбойник. — Я ни слова не говорил насчет того, чтобы отдать ему этот меч. Или же те два меча, что находятся сейчас в крепких и опытных руках моих товарищей.

Но с Беспалого было уже довольно болтовни Ахмеда.

— Слуги! — вскричал он отнюдь не самым приятным голосом. — Зарубить их, как бродячих собак!

Но убийству в этот день свершиться было не суждено, ибо, пока Ахмед отвлекал всеобщее внимание, два других разбойника лишили сподвижников Беспалого их ятаганов.

— Что? — Ярость, уже закипавшая в Беспалом, забурлила теперь в полную силу. — Как вы смеете, вы, лесные воры!

— Мы не смеем, мы делаем, — был ответ Ахмеда. — Тебя это удивляет? Тебе просто никогда прежде не доводилось встречаться с разбойниками высшего разряда.

— Подайте мне вашего главаря, — невпопад потребовал Беспалый, — и я задушу его голыми руками!

— Увы, мы здесь все равны, — сообщил Ахмед с такой любезностью, что Али-Баба начал подозревать, уж не родственник ли этот разбойник Марджаны. — Наш главарь на время оставил нас тут. Однако он, без сомнения, вернется — вместе с остальными разбойниками.

Беспалый снова издал тот же неприятный звук, который можно было принять за смех.

— Что такое несколько разбойников — чуть больше или чуть меньше — по сравнению с силой Беспалого!

— Даже если их будет полный комплект из сорока человек? — мягко спросил Ахмед.

— С-сорок разбойников? — пролепетал Беспалый, который выглядел теперь еще неприятнее, чем прежде. — *Те самые* сорок разбойников? — Он слабо махнул людям в черном. — Можете оставить мечи себе. Я счастлив сделать подарок столь знаменитой банде. Тем временем меня, боюсь, ждет еще великое множество дел в других местах.

Значит, даже Беспалый пошел на попятный? И потом, этот содержатель публичного дома настолько выведен из равновесия, что даже задал вопрос (ситуация крайне редкая, как представлялось дровосеку)? На Али-Бабу в равной степени произвели глубокое впечатление ловкость разбойников и репутация банды, к которой он теперь принадлежал.

Но прежде чем уйти, Беспалый погрозил им пальцем.

— Однако передайте своему хозяину, что я этого не забуду, — многозначительно сказал он. — И когда придет время, мы встретимся снова, и он пожалеет, что связался с этими трусами!

С трусами? «Опять-таки, — подумалось дровосеку, — возможно, репутация у разбойников не столь уж и грозная». Али-Баба снова испытал странное ощущение, будто он вошел в комнату на середине рассказа.

Аладдин, который, несмотря на заверения в обратном, похоже, возглавлял эту маленькую компанию, вновь обрел голос и воскликнул:

— Никто не сможет встретиться с сорока разбойниками, пока мы сами не захотим встретиться с ним. — И чуть мягче добавил, взглянув на Али-Бабу: — А порой мы даже об этом забываем.

Подобная попытка бандита подбодрить его не утешила Али-Бабу. Среди всей этой суматохи он снова начал тосковать по бедным, но простым радостям своего дома, который был совсем рядом, — но теперь, пожалуй, навеки недостижим для него. Его вот-вот оторвут от всего, что он знал и любил. На кратчайший миг дровосеку почти захотелось, чтобы он никогда не находил такой уймы золота. Но это чувство быстро прошло. Жизнь длинна, судьба человеческая неисповедима, но несметное богатство, зарытое под кухней, никогда не помешает. Да, это была мысль, достойная мудрецов. И какие бы опасности ни грозили ему в руках разбойников, он вернется к своему золоту снова. Не говоря уже о его убогом домишке и немногочисленной семье. И тогда, лишь тогда обретет он истинный покой.

Лесоруб посмотрел на трех разбойников, чьими пленниками они с братом оказались по воле случая. Эти люди поведали им крупницы своих жизненных историй и благодаря этому стали личностями, а не частью кровожадной бородатой толпы. Али-Баба еще до возвращения основной массы головорезов понял, что никогда не сможет ни сражаться, ни договориться со всеми разом. Но если бы он смог потолковать с ними поодиночке, как человек с человеком, — скажем, про то, как они попали в банду и как они или другие пытались бежать, — возможно, он сумел бы отыскать какой-нибудь путь к свободе. Не стоит отказываться от целого леса из-за одного гнилого дерева. Он будет упорно продолжать попытки, пока не обретет снова свой дом.

Он решил, что для начала попытается выведать что-нибудь у словоохотливого юнца, стоящего перед ним.

— Скажи, Ахмед, прошу прощения, Номер Двадцать Восемь, — быстро поправился Али-Баба, заметив, как разбойник нахмурился, — но как человек столь красноречивый, вроде тебя, мог пасть до разбойничьей жизни?

— Это было не совсем падение, — рассмеялся юноша. — Честно говоря, в начале жизни мое положение было, пожалуй, хуже, чем у разбойника. Если быть точным, я был невольником в богатом доме. Именно благодаря этому я стал острым на язык, ибо слуги должны быть умными, а то их хозяева будут без них просто беспомощны.

И верно, Али-Баба знал, насколько мудры его слова, ибо об этом было всем известно.

— Но как, — спросил он самого молодого из разбойников, — мог ты оказаться в теперешнем положении?

— Меня поймали вместе с моим товарищем, знаменитым Синдбадом.

И снова имя, прославленное сказителями. Похоже, они сами не подозревают, сколько их в этой шайке. По такому случаю Али-Баба решил выяснить все поподробнее и спросил:

— Это был знаменитый Синдбад-мореход?

Но Разбойник Номер Двадцать Восемь покачал головой:

— Нет. На самом деле это был менее знаменитый Синдбад — Синдбад-носильщик.

«Ну вот, — подумал Али-Баба, — вот что бывает, когда жалкий дровосек делает поспешные выводы. А лампа Аладдина — наверное, какая-нибудь штука для чтения по ночам».

— Но все же, — продолжал Ахмед, несомненно, в ответ на разочарование, написанное на лице дровосека, — в своем роде он тоже очень знаменит.

— Переноской тяжестей? — скептически спросил Касим.

— Вообще-то он неплохо продвинулся, — пояснил юноша. — Мой настоящий хозяин пообещал ему очень хорошее место, но, чтобы это свершилось, мы должны были вернуться в Багдад. Однако теперь это в любом случае не имеет значения. Багдад с тем же успехом мог бы находиться в другом месте и времени, ибо теперь мы — члены шайки сорока разбойников.

— И членами шайки сорока разбойников мы и останемся, — веско и глубокомысленно объявил Гарун, — до нашего смертного часа, который, судя по моим наблюдениям, уже очень недалек.

— Таков уж наш удел, благодаря крутому нраву нашего хозяина, — согласился Аладдин.

— Такова уж наша опасная разбойничья доля, — добавил Ахмед.

— И даже более того, — подвел итог Гарун, и на лице его сквозь густую черную бороду дровосек разглядел невиданную доселе печаль, — такова наша судьба перед лицом ужасной тайны пещеры.

Крутой нрав, опасности, тайна и смерть? Как бы ни хотелось Али-Бабе никогда не покидать своего дома или не быть насильно втянутым в банду сорока разбойников, еще больше ему хотелось, чтобы они перестали говорить о таких вещах. Но прежде он еще не слышал про эту самую ужасную тайну. Говорят ли разбойники про ту самую набитую золотом пещеру, которая обрекла его брата на, возможно, вечную жизнь в разрубленном на шесть частей виде?

— Вот во что втянул меня мой неразумный брат! — пожаловался Касим с великим жаром, — наверное, чтобы компенсировать тот факт, что выражения лица его в корзине все равно никто не мог видеть. — Я вам еще не рассказывал, как он довел меня до такого печального состояния?

Неужели Касим намерен все выболтать? Али-Баба не мог поверить, что его братец способен на такое, не задумываясь о последствиях, грозящих им нищетой. Если Касим расскажет всю историю, — без сомнения, разбойники припомнят, что у них пропало изрядное количество золота, а потом сообразят, куда это золото, скорее всего, делось. А

поскольку то место, где пропавшее золото может быть, находится всего в нескольких шагах вниз по улице, что помешает им вернуть себе это уже однажды нажитое нечестным путем богатство, которым, Али-Баба был в этом уверен, они с радостью завладеют столь же нечестным путем еще раз?

Тут запаниковал бы даже самый хладнокровный человек. А уж тем более обычно тихий и работающий Али-Баба, который заговорил прежде, чем кто-либо успел попросить у его брата дальнейших пояснений.

— Вы уверены, что хотите слушать бредни моего брата? — поинтересовался дровосек с, как он надеялся, беззаботным смехом. — Последнее время он немножко не в себе.

Как обычно, Касим не замедлил оскорбиться:

— Как смеешь ты говорить такое обо мне, твоём собственном брате? — Но пребывание в корзине в виде шести отдельных частей, без сомнения, творит чудеса в плане воспитания смиренности. И вот, после короткой паузы, Касим добавил: — Впрочем, если говорить совсем уж точно, я думаю, что меня, собственно, тут несколько, не так ли? Однако я хотел бы поведать вам свою историю. Или, учитывая мое теперешнее состояние, истории?

Его брат еще некоторое время продолжал бормотать что-то в этом роде, и с каждым подобным замечанием остальные обращали на него все меньше внимания. Дошло до того, что скромный дровосек стал испытывать некоторое чувство вины из-за того, как он обошелся со своим родным братом, но это было не настолько сильное чувство, чтобы заставить Али-Бабу выдать тайну своей кухни. Вот так золото заставляет нас забывать даже про родственные обязательства.

— Но я собирался рассказать вам, как я раздобыл лампу, — начал разбойник, которого когда-то звали Аладдином, явно желая сменить тему после невразумительного бормотания Касима. — И как она принесла мне великую удачу, прежде чем я снова лишился ее.

Али-Баба присел на корточки и приготовился слушать. Если уж ему суждено провести остаток жизни в плену, то он может, по крайней мере, немного развлечься.

— В своей прежней жизни, — начал Аладдин, — я не слишком отличался от того, кого вы видите теперь, ибо я был сыном бедного портного...

— Портной! — горестно вскричал Касим. — Теперь мне никогда не быть сшитым!

— Ты прав, — сказал Ахмед Али-Бабе, — твой брат совершенно определенно спятил.

— Это вполне понятно, — рассудительно заметил Гарун. — Один шок, должно быть, был просто чудовищным. А дальнейшие последствия? Как можно жить, зная, что можешь однажды утром проснуться и недосчитаться каких-нибудь своих частей?

— Каких-нибудь частей? — переспросил Ахмед. — Если он чего и недосчитался, так это точно мозгов.

— Умоляю вас, — упрашивал Касим, — отнесите меня к слепому, что живет на этой улице.

— Он, наверное, не сознает, — сказал Ахмед мягко, — что говорит ерунду.

— Возможно, — глубокомысленно заметил Гарун, — он впал в детство.

Двое разбойников важно кивнули, словно именно в этом и была проблема Касима.

— Но продолжай, Номер Тридцать, и окончи свою повесть, — обратился Ахмед к Аладдину, — и, быть может, на этот раз нам удастся услышать ее от начала и до конца.

— Прекрасно, — легонько улыбнулся Аладдин. — Итак, в молодые годы я рос не самым послушным мальчишкой и был недоволен тем, что мне нужно учиться ремеслу моего отца.

— Нельзя ли побыстрее перейти к лампе? — перебил Ахмед. — Если я чему и научился за время нашего долгого путешествия, так это тому, что во время приключений и опасностей надо приступать сразу к сути.

Но не успел Аладдин произнести еще хоть слово, как все они услышали совсем другой звук — грозный топот скачущих галопом лошадей.

Вот кони дружно вывернули из-за угла, и на спинах их сидели люди в черном. Во рту Али-Бабы пересохло, колени ослабли, а разбойники быстро приближались, жуткие крики

срывались с их уст, клубы пыли вздымались вокруг их коней.

— Ага! — обратился атаман к тем, кого недавно бросил здесь. — Это хорошо, что вы дождались нас, ибо если бы вы этого не сделали, то поплатились бы своими жизнями. — Он умолк и снисходительно улыбнулся. — Я, конечно, понимал, что вы не сможете так быстро управиться с нашими новичками и будете в дальнейшем помехой всем нам во время быстрой скачки, вот и решил, что лучше будет, если мы оставим вас тут. — Он махнул рукой своим конным спутникам. — А теперь вам выпадет честь стать свидетелями нашего триумфа. Покажите им нашу добычу!

Один из разбойников продемонстрировал небольшой, слабо позвякивающий мешочек. Али-Баба был не слишком сведущ в подобных делах, но все же для добычи это выглядело несколько жалко.

— Это все? — воскликнул главарь, словно лишь теперь поняв, насколько все скверно.

— Вы были с нами, о хозяин, — сказал человек, держащий мешок. — Вы видели, как мало ценностей у этих людей, да и то встречались такие сложные случаи, когда приходилось рубить пальцы, чтобы забрать то, что нам нужно.

— Как ты смеешь критиковать мои методы? — Атаман выхватил меч. — Я вырву... нет-нет, я должен помнить про нашу разбойничью численность. Ты просто хотел донести до меня информацию. Плохую информацию!

Разбойник Номер Один снова был близок к тому, чтобы зарубить смельчака, но сдержался и лишь распорол на нем верхнюю одежду и, возможно, немножко кожу. Главарь поскорее вогнал меч обратно в ножны, чтобы снова не передумать. Он умолк и с мольбой взглянул на небо.

— Не так должны идти дела у моей грозной шайки. Не понимаю, в чем тут дело. — Судя по лихорадочному возбуждению на угрюмом лице атамана, Али-Баба сказал бы, что этот человек просто спятил. — Когда нас сорок, нам все должно удаваться. — Он нахмурился пуще прежнего, оглядывая своих людей. — Разве только у нас неправильные сорок разбойников!

Значит, главарь намерен обвинить в том, что их добыча столь ничтожна, своих подчиненных? Али-Бабе сразу вспомнилось, насколько быстро и безжалостно атаман орудует мечом, и дровосек возблагодарил судьбу, что находится от этого ужасного человека на расстоянии по меньшей мере шести длин клинка.

Его радость испарилась, едва он увидел, как смотрит на него Разбойник Номер Один.

— Ага! — вскричал атаман с радостью человека, разрешившего долго мучивший его вопрос. — Теперь мне все ясно! Я действительно вижу одного из членов нашей шайки без бороды?

Глава двенадцатая, в которой созывают советы и отрачивают волосы

Дровосек приготовился к недолгой, но от того не менее неприятной боли, сопутствующей лютой смерти. Однако никакой боли не последовало. Напротив, воцарилась гнетущая, растерянная тишина.

— О, прошу меня извинить, — пояснил главарь разбойников с кривой улыбкой. — Я, должно быть, ошибся. — Он быстро обвел глазами остальных бандитов, словно выискивая нарушителя. — Нет, все мои разбойники вполне бородатые!

«Все?» — подумал с испугом Али-Баба. Означает ли это, что из-за безбородости он исключен из их числа? Подобное предположение представлялось единственно разумным. И хотя ему казалось, что обычно отбраковка в этой компании производится при помощи клинка, но теперь главарь извинился, и рука его даже не потянулась к ятагану.

Как бы то ни было, похоже, Али-Бабе не угрожала скорая смерть. Может, разбойников устроит, что их всего тридцать девять, и они позволят ему вернуться к прежней жизни дровосека?

Он поднял руку, чтобы в задумчивости потереть подбородок, и вскрикнул от испуга. К нижней части его лица что-то прилипло!

Али-Баба подавил желание ударить это странное мохнатое существо, ухитрившееся вцепиться в него. В этом обществе ему не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. Но что же такое может свисать с его лица, и почему он не чувствует когтей существа? Или он был настолько перепуган последними событиями, что верхняя часть его тела утратила всякую чувствительность?

Однако — и это было очень странно — ни один из окружающих его разбойников, казалось, не замечал, что к лицу его явно прилипло нечто изрядных размеров. Наверное, если ты разбойник, то можешь делать со своей внешностью что угодно, это твое личное дело. Поэтому дровосек решил последовать примеру остальных и, делая вид, словно все происходящее совершенно естественно, попытался как бы между прочим на ощупь определить размеры того существа, что свисало с его лица.

Существо, несомненно, было пушистое, с густой, кудрявой, растрепанной шерстью, но, как бы глубоко Али-Баба ни запускал руки в эту меховую массу, он не мог нащупать тело. И все же, несмотря на первую неудачу, дровосек не сдался, и это досадное обстоятельство подвигло его на следующий героический шаг. Он стащит с себя эту штуку, чтобы как следует рассмотреть ее! И вот он ухватился за шерсть обеими руками и дернул — резко и без предупреждения.

Предыдущий вскрик Али-Бабы, когда он впервые обнаружил эту шерсть у себя под подбородком, был просто ничем по сравнению с тем воплем, который вырвался из его уст теперь. Каким-то образом эта огромная, грубая, курчавая масса оказалась приросшей к его подбородку и щекам.

Вывод мог быть лишь один. Эта штука у него в руках была на самом деле бородой. Более того, это была его борода. Каким-то образом в мгновение ока Али-Бабе удалось обзавестись тем, чего он не смог отрастить за все годы взрослой жизни. «Воистину удивительно, — подумал дровосек, — на что способно человеческое тело, побуждаемое страхом».

— Теперь у нас есть лишь один выход, — объявил главарь своему разбойничьему воинству. — Мы созовем совет!

— Что такое совет? — спросил Али-Баба, не обращая ни к кому конкретно.

— Почему ты спрашиваешь? — отозвался человек в возрасте, в котором дровосек узнал Номер Двенадцать, в прошлом Гаруна аль-Рашида. — А! Ты один из наших новеньких. Ты поступил очень благоразумно, сумев отрастить бороду. Однако я не сразу узнал тебя с таким количеством волос на лице.

Али-Баба был абсолютно согласен с тем, что узнать его, должно быть, трудно, ибо самому ему в окружении такого множества совершенно одинаковых на вид бород и одежд тоже казалось почти невозможным разглядеть среди разбойников тех, в ком он лишь недавно начал видеть личности.

— Но ты спросил про совет, — наставительно продолжал Номер Двенадцать. — Это время, когда наш предводитель принимает предложения и даже умеренную критику от подчиненных, и те знают, что их предложения не повлекут за собой ни мгновенной смерти, ни даже тяжких увечий. — Номер Двенадцать наклонился поближе и, понизив голос, добавил: — И все же лучше ничего не говорить — всегда. Я не дожил бы до таких лет среди разбойников, если бы рисковал понапрасну. Может, мечами во время того, что нас ожидает, никто специально размахивать и не будет, но просто удивительно, как часто после этих советов некие разбойники становились жертвами несчастных случаев.

— Несчастных случаев? — Али-Баба был поражен искренностью этого человека. — Значит, жизнь среди разбойников настолько опасна?

— Это довольно утомительно, с каждым днем все больше и больше. — Тут старший разбойник вздохнул. — Я не всегда был таким, — сказал он, и в каждом его слове сквозила горечь из-за происшедшей с ним перемены. — Когда-то на душе у меня было легко, я

рассказывал остроумные истории про слабости людей и животных.

Дровосек не мог представить, чтобы этого мрачного человека когда-нибудь посещали веселые мысли. Неужели жизнь среди разбойников столь же сильно изменит и его самого?

Один из разбойников достал небольшой гонг и плашмя ударил в него кинжалом.

— Время совета! — возгласил он, хотя и плохо выговаривал букву «с», точнее, присвистывал вместо нее, поскольку у него не доставало большей части зубов.

— Это Номер Два, — объяснил мужчина, которого когда-то звали Гаруном. — Не забывай выказывать ему свое почтение.

— Время совета! — выкрикнул Номер Два.

Али-Баба показалось, что он понял.

— Он занимает столь высокое положение среди разбойников, потому что наделен мудростью?

— Мало кто из разбойников наделен мудростью, — уныло ответил Гарун. — Но таково еще одно из многочисленных правил нашего атамана: если твой номер меньше десятого, ты имеешь право убивать других. По этой причине лучше не сердить тех разбойников, у которых маленькие номера, — лучше всего с ними даже не разговаривать.

— Время совета! — сообщил Номер Два, вторя гонгу.

Али-Баба отвернулся от своего угрюмого наставника. Каждый миг пребывания в этой гнусной банде приносил ему все новые неприятности. Но, несмотря на совет старшего разбойника избегать лишних разговоров, оставалось еще слишком много вопросов, на которые дровосек хотел бы получить ответ.

— Совет уже начинается! — добавил второй разбойник.

Один из этих вопросов Али-Баба решился задать вслух:

— Значит, ваш главарь не может поддерживать дисциплину в высших эшелонах шайки?

— Приготовьтесь к совету! — прокричал Номер Два, с удвоенной силой колотя в гонг.

Вместо ответа на вопрос Али-Бабы Номер Двенадцать указал на главаря.

— Слишком много шума! — заявил Разбойник Номер Один, сердито глядя на типа с гонгом.

Гонг и кинжал разом выпали из ослабевших пальцев Разбойника Номер Два, и он с ужасом поднял глаза на своего атамана.

— Зуб? — спросил он просто, но со страхом.

— Зуб! — приказал главарь.

— Дайте мне камень, — с покорным видом произнес его подчиненный, — и все будет исполнено!

Главарь радостно кивнул, довольный его повиновением.

— Совет начинается!

Все продолжали молчать, — возможно, их смущали звуки, с которыми разбойник пытался выбить себе коренной зуб.

— Сколько золота мы добыли? — спросил Разбойник Номер Один, обращаясь к другому члену банды, тощему мужчине с поистине выдающимся носом.

— Он был моим спутником, — прошептал кто-то на ухо Али-Бабе.

Тот скосил глаза и увидел, что это Ахмед, известный также как Номер Двадцать Восемь, и что он указывает на того разбойника, которому задал вопрос главарь.

Носатый разбойник, бывший некогда спутником Ахмеда, взял небольшой мешочек с золотом и всего на миг заглянул внутрь.

— Сто двадцать семь динаров, — тут же ответил он.

С лица атамана стерлись всякие следы улыбки.

— И это все? Такими темпами мы разоримся на одних издержках! Надо что-то менять! — Он оглядел собравшихся вокруг него разбойников. — Мне нужны предложения, как нам добыть золото, и они нужны мне немедленно! — Разбойник Номер Один некоторое время усиленно скреб бороду. — Кого мы давно не слышали? — Почесывавшая подбородок

рука выскочила из бороды и указала на одного из членов банды. — Номер Двадцать Два!

Все лица обратились к одному из младших по иерархии разбойников, стоящему слева от атамана.

— Мм... — начал Номер Двадцать Два, переминаясь с ноги на ногу. — Э-э... Надо подумать. Значит, так...

— Твое время истекло! — Предводитель разбойников щелкнул пальцами, и мужчины в черном по обе стороны от Номера Двадцать Два схватили его и потащили прочь. Еще несколько человек обнажили мечи и пошли следом.

— Когда у нас совет, всем дозволяется говорить, — шепнул Гарун на ухо Али-Бабе. — Единственное, чего не дозволяется, — это не говорить.

— Поаккуратнее там, — бросил Разбойник Номер Один. — Не убивайте его совсем. Нам нужно сохранять идеальную численность, по крайней мере в данный момент. — Главарь нахмурил брови, оглядывая остальных. — Но мы ничуть не продвинулись в вопросе относительно золота. Кто-то должен суметь что-нибудь предложить, пока у меня не кончилось терпение. — Он указал прямо на Али-Бабу. — Ты! Номер Тридцать Девять! Ты так преуспел в отращивании бороды, что наверняка должен посоветовать что-нибудь стоящее!

В горле дровосека пересохло, словно там разразилась песчаная буря, поднявшаяся из глубин желудка. Он должен немедленно что-то придумать или будет таким же полумертвым, как Номер Двадцать Два. Но что может он, бедный лесоруб, знать про добычу золота? Единственное — не считая того, что в пещере, — где он видел сколько-нибудь большое количество денег, так это на базарной площади, и то издалека, у самых богатых торговцев, которые в жизни бы не снизошли до нищего дровосека.

Богатые торговцы, слишком надменные для нищего дровосека? Конечно же, ибо золото — это всегда базарная площадь!

— Это город, — поспешно сказал Али-Баба. — Сюда каждый день приходят караваны. Разбойник Номер Один никак особо не отреагировал на эту новость.

— Мы разбойники заняты. Мы не любим ждать.

— Часто караванов бывает несколько, — торопливо добавил Али-Баба, хотя и не был уверен, что так оно и есть. — В удачный день их бывает множество.

Тут главарь разбойников улыбнулся:

— Много караванов, груженных золотом? Вот это дело для сорока разбойников! — Он выхватил из-за пояса саблю и взмахнул ею. — Совет окончен! Веди нас, Номер Тридцать Девять, и мы ограбим их!

Что оставалось делать скромному дровосеку? Али-Баба развернулся и побежал к базарной площади. Он надеялся, что где-нибудь неподалеку от нее найдется караван. А если нет, что ж, возможно, быть полумертвым не так уж и плохо, как представляется.

Хотя вообще-то он боялся, что на самом деле это гораздо хуже.

Глава тринадцатая, из которой мы узнаем, что порой будущее планируется, а порой просто случается

Разбойники приближались к базарной площади с запада. Али-Баба бежал впереди, за ним по пятам следовали тридцать с лишним всадников и корзина с его братом, притороченная к конскому седлу. С каждым новым шагом дровосек все больше сомневался в разумности совета, данного им главарю банды. Что если на базарной площади не окажется ничего похожего на караван? Что если все эти люди возле палаток — всего лишь продавцы и покупатели овощей? Дровосек уже видел, как бандиты лишались пальцев и зубов за малейшую провинность перед атаманом. Чего лишится Али-Баба, если не сумеет обеспечить то золото, которого столь неистово желает Разбойник Номер Один?

Он обогнул последний угол перед площадью и увидел, как с востока медленно

приближается группа людей на верблюдах, довольно большая, чтобы сойти за караван, кем бы эти люди ни были на самом деле. Али-Баба всегда будет испытывать затруднения, пытаясь описать, какое невероятное счастье он испытал при виде этого зрелища, разве что стоит, пожалуй, упомянуть о том, что впервые в жизни ему захотелось расцеловать верблюда.

— Смотрите! — обратился он к тем, кто следовал за ним. — Все как я говорил!

И тут разбойники и кони пронеслись мимо него, и воздух наполнился огромными клубами пыли и топотом копыт, торжествующими криками и воплями ужаса.

К тому времени, когда пыль улеглась, караван, если это действительно был караван, потерпел полное поражение. По крайней мере все, кто до этого ехал на верблюдах, теперь распростерлись на земле, умоляя стоящих над ними торжествующих разбойников пощадить их жизни.

— Мы победили! — возвестил один из грабителей, указывая саблей на лежащих ниц путников.

— Добыча в наших руках! — воскликнул другой, демонстрируя два чем-то туго набитых больших увесистых мешка.

— В основном в наших руках овощи! — добавил третий, залезая в один из этих мешков и вытаскивая оттуда что-то большое и зеленое.

— Что ты говоришь? — вскричал их предводитель, до сих пор наслаждавшийся своим триумфом, не слезая с коня. — Там нет золота?

— Нет, немного золота здесь есть, — ответил один из разбойников, опуская на землю мешок, который держал, и заглядывая в него. — Но нельзя отрицать и того, что мы также захватили немало каких-то овощей.

Главарь нахмурился:

— Ты уверен?

Разбойник, вытащивший из мешка здоровенный округлый предмет, осмотрел то, что все еще держал в руке.

— Должно быть, это овощ.

— Откуда ты знаешь? — спросил один из его товарищей, явно плохо разбиравшийся в сельском хозяйстве.

— Потому что, — резонно ответил первый, — у него нет ног.

Некоторые разбойники закивали, признавая мудрость его слов.

— Овощи? — переспросил главарь. — И это все, что вы сумели найти?

— Ну, — добавил разбойник, который первым заглянул в свой мешок, — тут есть зеленые и оранжевые.

— На что нам овощи? — Лицо атамана начало приобретать очень неприятный оттенок.

Али-Баба, чувствующавший немалую ответственность за подобный поворот событий и продолжающий нервничать по поводу возможной внезапной утраты своих собственных конечностей, счел, что настало время подыскать какое-нибудь оправдание случившемуся.

— Мы можем съесть их, — сказал он.

— Кто из нас умеет готовить? — спросил один из людей в черном. — Мы же разбойники!

— Хватит про овощи! — приказал главарь. — Что с золотом?

— О, немного золота есть, — отметил носатый тип, державший в руках совсем маленький мешочек. — Семнадцать динаров.

— И это все? — спросил Разбойник Номер Один с такой дрожью в голосе, что ему могло бы позавидовать землетрясение.

— Смилюйтесь над нами, о ужасные разбойники! — воскликнул старший караванщик, по-прежнему уткнувшись лицом в грязь. — Прежде мы действительно перевозили очень много золота и драгоценных камней, но какие-то бандиты в пустыне отбирали у нас все. Раз за разом мы теряли таким образом свои ценности, и так до тех пор, пока у нас не осталось больше золота, чтобы торговать, и нам пришлось выменивать товары на овощи. Увы, мы не

можем перевозить то, чего у нас нет!

— Это что же получается? — едва ли не шепотом спросил главарь. — Мы грабили слишком успешно? — Впервые Али-Бабе показалось, что он видит на лице Разбойника Номер Один испуг. — И как же нам теперь зарабатывать себе на жизнь?

Дровосек ни разу еще не видел предводителя разбойников столь расстроенным. Али-Баба был совершенно уверен, что вот-вот лишится какой-нибудь важной части тела.

Но вместо того чтобы велеть Али-Бабе откромсать себе все подряд без разбору, Номер Один обратил свой гнев на людей, лежащих на земле.

— Вперед, мои разбойники! — повелел он своим ужасным подчиненным. — Обыщите этих негодяев получше, проверьте, не припрятано ли у них чего в одежде или на теле.

После некоторого количества порванных одежд и тычков остриями мечей на свет быстро явилась пригоршня монет и колец и даже пара-тройка полудрагоценных камней.

— Это все? — недоверчиво спросил Номер Один. — О мои разбойники, мы должны посмотреть в лицо печальной правде. — Его ятаган указал на мужчину, взывавшего о милосердии. — Возможно, этот незаконнорожденный сын шелудивой собаки прав, и мы уже собрали почти все золото, какое есть в этих краях.

Видимо, этот вопрос был для главаря столь серьезным, что проступок Али-Бабы, судя по всему, был забыт. Говоря по правде, разбойники были так перепуганы и заняты спорами между собой, что забыли, казалось, и про самого дровосека.

— Время совета! — воскликнул Разбойник Номер Один.

— Совет! — согласно заворчали остальные.

Если подумать, то почему бы им было и не забыть про дровосека? Али-Баба понимал, что теперь, обзаведясь бородой, он стал равным среди прочих разбойников и никто, похоже, не обращал на него никакого внимания.

— Разбойник без добычи — это человек без цели в жизни! — возвестил Номер Один.

Многие из его подручных угрюмо кивнули в знак согласия.

Али-Баба стоял на торговой площади, всего в нескольких кварталах от своего дома. Несколько как бы случайных шагов в сторону — и он сможет никогда больше не бояться, что его лишат какой-нибудь части тела. Этот ночной кошмар окончится навсегда.

— У меня есть идея, — сообщил человек, бывший другом Ахмеда.

— Говори, о величайший среди разбойников мастер считать динары, — подбодрил его предводитель.

— Что если мы вернем часть золота? — предложил он.

Али-Баба отодвинулся на пару шагов от общей сутолоки. Казалось, никто этого не заметил.

— Ты говоришь *это* о золоте? — зловеще поинтересовался главарь. — Есть вещи, о которых нельзя даже упоминать на совете! Похоже, кое по кому несчастный случай просто плачет!

— Выслушайте меня! — с совершенно безрассудной отвагой настаивал разбойник. — Мы вернем его совсем ненадолго. Просто одолжим его им, чтобы они смогли приумножить его за счет других своих богатств. А в тот миг, когда они присоединят его к остальным сокровищам, как бы хитро те ни были спрятаны, тут-то мы и нанесем удар!

Может, дровосеку все-таки удастся сбежать? Он подумал было про Касима, но рассудил, что в теперешнем состоянии брат его не сможет больше вести нормальный образ жизни. Возможно даже, он меньше будет думать о своем несчастье, если жизнь его будет полна приключений.

Разбойник Номер Один помолчал, обдумывая предложение.

— Так ты говоришь, Номер Двадцать Семь, что мы не насовсем отдадим золото обратно этим ослам?

— Нет-нет, ни в коем случае не насовсем, — убежденно ответил друг Ахмеда, Номер Двадцать Семь. — Мы отдадим его ровно на столько, сколько времени нам понадобится, чтобы снова отнять его у них!

— Тогда мы сможем владеть всем золотом в этих краях и все равно регулярно заниматься своим делом, — задумчиво сказал Разбойник Номер Один, весьма довольный открывающимися перспективами. — Я предвижу лишь одно затруднение. Даже намекать нельзя, что мы возвращаем золото честным гражданам. Подумай, что будет с нашей репутацией среди головорезов и прочих беспутных людей, если пойдут такие слухи!

Али-Баба тихонько протиснулся среди разбойников и выбрался из толпы.

— О, никаких слухов, нет ничего проще! — пояснил Номер Двадцать Семь. — С самого начала все должны знать, что все это, разумеется, лишь часть великого плана.

— Великого плана? — зачарованно повторил главарь.

— Великой Программы Рефинансирования Караванов, — разъяснил разбойник. — Да, мы даем этим путникам немного золота. Потом мы налетаем на них и перераспределяем это золото, плюс то, что они еще будут везти, в свою пользу.

У главаря, казалось, осталось последнее сомнение.

— Значит, нам не нужно будет возвращаться в пещеру?

— Конечно нет, — ответил Номер Двадцать Семь. — Мы будем работать лишь с наличным золотом.

— Просто гениально, — объявил атаман. — Да не случится с этим славным разбойником несчастных случаев еще сто лет! — Он умолк, грызя свои обкусанные и грязные ногти. — Но с чего нам начать? Хотя, думаю, совсем неподалеку отсюда все же должно быть достаточно золота.

Теперь Али-Баба оказался позади всех разбойников. Никто и не подумает останавливать его, если он убежит домой. А там, под защитой говорливой Марджаны, он будет навеки недосягаем для этой гнусной банды!

И Али-Баба побежал. И, к своему изумлению, не услышал погони. Он промчался вверх по улице, потом вниз по другой, пока не добрался до своих хлипких ворот, починенных в его отсутствие, которые были теперь закрыты и, без сомнения, заперты.

Он застучал по деревянным створкам, сколоченным теперь из более прочного дерева (и потому гораздо менее хлипким), чем те ворота, которые соорудил здесь когда-то он.

— Марджана, — позвал он, — открой скорее!

И ворота открылись.

— Кто ты? — спросила Марджана.

— Где твои глаза, девочка? — поинтересовался Али-Баба. — Это я, твой хозяин!

Но этот ответ не устроил молодую женщину.

— Хотя у моего хозяина множество достоинств, отращивание бороды в их число не входит.

Ворота снова захлопнулись, и Али-Баба услышал отчетливый звук опускающегося на место засова.

«Это катастрофа, — понял лесоруб, — подобная песчаной буре и наводнению разом». Его новый облик на время сбил с толку служанку. Но если он живо не уберется с улицы, другие люди с таким же, как у него, обликом могут снова серьезно осложнить ему жизнь. Но как он может убраться с улицы, если эти ворота перед ним заперты?

И тут Али-Баба вспомнил, что есть еще один способ открывать закрытые двери.

— Сезам, откройся! — произнес он.

Ворота распахнулись.

Марджана уставилась на него со двора.

— Как ты это сделал? Я ни минуты не сомневалась в твоей истинной сущности! — Служанка взмахнула зажатым в руке топором, таким знакомым. — Мы знаем, как поступать с разбойниками!

Ворота с грохотом захлопнулись.

Значит, такова его участь. Марджана не узнала его, потому что никогда не видела с бородой. Сколь же переменчива рука Провидения! Эта борода, которая совсем недавно спасла ему жизнь, теперь лишила его дома.

Воистину найдется ли худший день в его жизни?

— Ага! — вдруг воскликнул слишком хорошо знакомый голос Разбойника Номер Один. — Один из нас отыскал место, где, похоже, спрятано золото!

Глава четырнадцатая, в которой все решительно и бесповоротно становится еще хуже

Али-Баба поспешно повернулся к воротам спиной.

— Золото? — самым недоверчивым тоном переспросил он. — Откуда в такой жалкой хижине взяться золоту?

Разбойник Номер Один весело улыбнулся в ответ на эту ложь, в то время как разбойники за его спиной еще более весело расхохотались.

— Это верно, — заметил главарь, — на вид это наименее вероятное место, где можно найти золото. Но, как говорят мудрые, и в навозной куче может таиться драгоценный камень.

Перед глазами Али-Бабы мелькнули картины отрубания самых разных конечностей, не говоря уже о некоей яме под его кухней, из которой вскоре выпотрошат их только что обретенное сокровище.

— Мы так рады, что ты взял на себя труд помочь нам умножить наши богатства, — вкрадчиво продолжал главарь. — Жаль, что ты не позаботился сообщить нам, куда намерен нас вести. К счастью, твой брат в корзине тоже знал дорогу.

— Да, это мой брат несет ответственность за мое теперешнее состояние, — раздался самодовольный голос Касима из корзины, что располагалась теперь по правую руку от атамана. — Но скажи, знаешь ли ты слепого портного, живущего по соседству?

Главаря разбойников, похоже, очень мало в этот миг интересовали слепые портные. Он продолжал, обращаясь к Али-Бабе:

— Твои последние поступки заставляют усомниться в твоей лояльности. — Он помолчал, и злая улыбка вновь вернулась на его лицо. — Однако все вопросы будут сняты, если мы получим достаточное количество золота.

— Да! — возбужденно воскликнул из корзины Касим. — Я точно знаю, где золото! Сшейте меня, и я обещаю показать вам, где лежит целая уйма золота!

Но очередная угроза Разбойника Номер Один лишь придала дровосеку некоей угрюмой решимости. Он не отдаст золото. Если ему суждено вот-вот погибнуть, по крайней мере он умрет не бедняком.

Но решения ничего не стоят, если они не подкреплены поступками. Али-Баба знал, что должен быстро что-то придумать, иначе ему придется созерцать опустевшую яму в полу кухни.

— Вы же видите по этим воротам, — он хлопнул кулаком по сколоченной из обломков створке, — что тот, кто живет за ними, должен быть человеком совсем неимущим.

— Прекрасно, мы это проверим. — Главарь указал на одного из разбойников. — Номер Двадцать Восемь, полезай на забор. Что ты видишь?

Разбойник, которого прежде звали Ахмедом, сделал, как ему было велено, вскарабкавшись на грубо обтесанную изгородь ловко, будто по лестнице. Он некоторое время осматривал двор, прежде чем ответить:

— Ничего не видно, кроме дырявого ведра и одноногой курицы.

— Так скверно? — с удивлением спросил Разбойник Номер Один. — Ни один человек, имеющий хоть какие-нибудь деньги, не стал бы держать в хозяйстве такое. Наверное, Разбойник Номер Тридцать Девять говорит правду.

— Разбойник, говорящий правду? — с благоговейным страхом повторил один из банды, с более темной, чем у остальных, кожей. Он умолк, с задумчивым видом разглядывая Али-Бабу.

— Он у нас новенький, — ответил тот, которого прежде знали как Аладдина. — Надо дать ему время привыкнуть к нашим порядкам.

— Как скажете. — С этими словами темнокожий разбойник отвернулся.

— Пойдите! — воскликнул Ахмед с забора. — Тут есть кое-что еще! Теперь я вижу молодую женщину с топором.

— И это все? — спросил главарь после недолгого молчания.

— Ну, — ответил Ахмед, тоже помолчав, — это воистину очень привлекательная женщина.

— Я вам говорю, — возбужденно подал голос Касим, словно боясь, что про него забудут, — он прячет золото!

Но при этих словах решимость Али-Бабы лишь окрепла, решимость, пересилившая даже его родственные чувства.

— А вам не приходило в голову, — сказал тогда дровосек столпившимся вокруг него разбойникам, — что этот человек нарочно посылает вас попусту обыскивать мой дом, чтобы уберечь нечто, спрятанное в его собственном? — Он выразительно посмотрел в сторону куда более красивых и крепких ворот, что украшали границу владений Касима.

Улыбка вернулась на лицо главаря разбойников.

— Это первые слова, в которых я слышу долю истины.

— И еще! — крикнул Ахмед со своего наблюдательного пункта. — Ее топор быстро приближается к моей голове! — Он соскочил с забора на землю, и в тот же миг что-то ударило об изгородь с громким стуком.

— Так она не просто красотка, но и с характером? — задумчиво протянул главарь. — Я вам скажу, есть в мире сокровища, что дороже золота.

— Но ты же хочешь золота! — перебил Касим все тем же возбужденным тоном, понимая видимо, что дело его почти проиграно. — Сшейте меня — и у вас его будет полно!

— Кому вы поверите? — спокойно заметил Али-Баба, чувствуя, что его взяла. — Бородатому разбойнику или голове в корзинке?

— Твои доводы убедительны, — признал атаман. — Есть лишь один способ узнать, где правда, а где ложь. — Он хлопнул в ладоши и повернулся к остальным. — Разбойники! Откройте и те, и эти ворота!

С полдюжины бандитов двинулись к ненадежным воротам Али-Бабы, тогда как остальные члены презренной шайки потрусили по улице к владениям Касима.

Я и сам до сих пор удивляюсь, но то, что случилось дальше, заняло времени меньше, чем мой рассказ об этом. Убогие ворота Али-Бабы распахнулись от простого толчка полдюжины рук, в то время как сооружение, преграждающее путь во двор Касима, продержалось на несколько секунд дольше, потребовав определенного применения топоров и дубинок.

Большинство разбойников тут же скрылись за соответствующими заборами. Али-Баба думал было броситься вслед за бандитами, ворвавшимися в его жилище, но меч Разбойника Номер Один, приставленный к ребрам дровосека, лишил его мужества. Касим, в свою очередь, испустил несколько пронзительных, бессвязных воплей, словно именно теперь его разрубили на куски.

— Вам обоим незачем ходить туда, — злорадно заверил их предводитель разбойников. — Уверяю вас, если вы хотите снова увидеть что-нибудь из того, что находится в этих домах, вам тут же принесут это прямо сюда.

Касим неистовствовал и шумел, без конца вопрошая, почему главарь так с ним поступает, и, более того, утверждая, что если уж у него намерены отобрать то небольшое, чем он, возможно, владеет, то самое малое, что разбойники могли бы сделать, это сшить его в порядке компенсации. Али-Баба вспомнил про свою величайшую решимость, которую испытывал всего мгновение назад, потом опустил взгляд на меч, уткнувшийся в его халат, и тут же припомнил, куда эта самая решимость подевалась.

Но дровосеку не пришлось долго предаваться воспоминаниям, ибо из разбитых ворот Касима уже появились разбойники, таща всякие большие и аляповатые изделия из золота и драгоценных камней, того рода, что обычно нравились Касиму и его жене.

— Это лишь часть тех сокровищ, что мы там нашли! — восторженно сообщил первый из разбойников. — Зеркальные пруды украшены жемчугом! В регулярных садах — золотые дорожки! Статуи изукрашены драгоценными камнями! Дворовые постройки заполнены драгоценностями! Это место битком набито сокровищами!

— Так ты хотел показать нам золото? — с одобрением заметил главарь.

Касим в ответ мог лишь прочистить горло.

— Ну, конечно, есть еще *то* золото.

Учитывая теперешнее состояние головы брата, Али-Баба был удивлен, что тому есть что прочистить.

И вновь из ворот труженика публичного дома показались разбойники, и они несли вещи больше и дороже прежних. При виде этой процессии главный разбойник осекся.

— Я уже был в этом доме. Теперь, когда ты стал говорить про все это и многие из этих вещей я вижу собственными глазами, я узнал это место. — Он умолк и невольно вздрогнул. — Там была одна служанка, она так заморочила мне голову, когда я зашел в соседний дом, что сознание мое не в силах восстановить всю цепь событий.

Последний из разбойников выбежал из резиденции Касима, таща за собой красавицу-жену Касима и пять ее служанок.

— Да ты просто красotka, — заметил Разбойник Номер Один, жадно оглядывая жену Касима. — Я прослежу, чтобы с тобой обращались подобающим образом.

Супруга Касима, это бедное перепуганное создание, постаралась улыбнуться, несмотря на ужасные обстоятельства, и храбро заявила:

— Тогда да будет тебе известно, что я привыкла рассчитывать лишь на самое лучшее!

На это главарь бандитов расхохотался.

— У тебя будет все лучшее! Но как насчет сокровищ в другом доме?

Из бедного обиталища Али-Бабы показались два разбойника, но, к великому облегчению дровосека, оба с пустыми руками.

— Там нет ничего, кроме дров, — сообщил один из них. — Да и те в основном наихудшего качества.

Не переживай так Али-Баба за участь своего дома и спрятанного в нем золота, он мог бы обидеться, что какие-то разбойники критикуют его умение заготавливать дрова.

— Мы думали взять те, что получше, — признался другой разбойник, — но все наши запасные мешки уже набиты овощами.

— Однако наши поиски были не совсем безуспешными, — добавил первый с усмешкой, которая Али-Бабе решительно не понравилась.

У дровосека начисто перехватило дыхание. Неужели это был розыгрыш, и теперь они притащат его золото?

Но вместо того, чего ожидал бедный Али-Баба, попарно вышли еще четыре бандита, и каждая пара вела одну из обитательниц его дома.

— Ты! — дерзко воскликнула Марджана, едва взгляд ее упал на главаря разбойников.

— Ты?! — потрясенно воскликнул главарь разбойников, едва взгляд его, в свой черед, упал на нее.

— Это та молодая женщина, про которую я говорил, — сообщил Ахмед, поддерживая Марджану под левый локоток. — Разве она не высший сорт?

— Она действительно очень привлекательное юное создание, — с некоторым отвращением сказал главарь. — Однако реши мы ее продать, нам придется отрезать ей язык.

— Продать? — с испугом переспросил Ахмед.

— Ну, не сразу, — признал Разбойник Номер Один. — Такие красивые девушки в первую очередь предназначаются для Дворца Красавиц.

Тут все бандиты одобрительно загалдели. Али-Баба почувствовал, что ему снова нечем дышать. Похоже, этот Дворец Красавиц — не самое высоконравственное место на земле. Что он натворил? Может, золото его и в безопасности, но зато в смертельной опасности две его самые любимые женщины!

— О горе! — вскричала его жена, когда ее вытолкнули вперед. — Нас хотят похитить ужасные разбойники!

— Видишь? — сказал главарь Марджане. — Именно такого почтительного страха ожидаем мы от своих жертв!

— О горе! — сообщила жена Али-Бабы, падая на колени. — Никогда нам не видать больше нашего до боли скромного дома!

Атаман с одобрением смотрел на нее.

— Раболепие, вырывание волос, раздираание одежд — вот свидетельства истинного горя.

— О горе! — продолжала жена дровосека, голос ее крепчал по мере того, как она обретала уверенность. — Никогда не спать мне больше под этой жалкой протекающей крышей.

— Конечно, — добавил главарь, чья улыбка стала чуть натянутой, — даже для лучших вещей есть предел.

Но супруга Али-Бабы своего собственного предела еще не достигла.

— О горе! Никогда больше мне не пытаться носить воду в дырявом ведре!

— О атаман! — перебил один из младших по чину разбойников, к явному и изрядному облегчению главаря. — Нам придется бросить часть овощей. У нас не хватит веревок и для съестного, и для женщин.

— Прекрасно, — громко ответил главарь, изо всех сил стараясь не обращать внимания на набирающие силу причитания. — Делайте, и побыстрее. Мне не терпится в путь. Нам придется... — при этой мысли он скроил гримасу, — ...проделать долгий путь, прежде чем попасть во Дворец Красавиц и, конечно... — Он снова умолк, а когда заговорил опять, голос его звучал тише, и казалось, в нем слышится страх, — ...в заколдованную пещеру.

— О горе! — возопила жена Али-Бабы с еще большим пылом. Даже дровосек должен был признать, что это одно из лучших причитаний в ее жизни. — Никогда не видать мне больше родного города, не зайти в кишашую вшами чайхану, не вылить вечерних помоев за забор!

Главарь запнулся.

— Этого вполне достаточно! — требовательно произнес он.

Но Али-Баба знал по собственному опыту, что теперь ее ничто не остановит.

— О горе! — пронзительно голосила жена. — Никогда больше не испытывать мне сладкого унижения от того, что я владелица одноногой курицы!

— Я сейчас как следует проучу тебя своим мечом! — пригрозил главарь, многозначительно хватаясь за рукоять ятагана.

— О горе! — отозвалась она. — Он сейчас проучит меня своим...

Атаман убрал ладонь с рукояти, чтобы удобнее было заламывать руки.

— Вот что! Бросьте ее здесь. Вербку лучше использовать для овощей. В конце концов, нам нужно будет чем-то питаться!

— О горе! — стенала жена дровосека. — Они бросают меня здесь и используют веревку для...

— Киньте ее обратно во двор и закройте за нею то, что осталось от ворот! — завопил главарь, прижимая кулаки к вискам. — Я этого больше не вынесу!

— О горе! — продолжала жена Али-Бабы. — Меня кинут обратно во двор...

Двое разбойников поспешно исполнили приказ хозяина, прежде чем женщина успела заголосить снова.

Али-Баба вздохнул с облегчением при мысли, что, по крайней мере, его жена будет спасена. Хорошо, что эти разбойники не знают женщин так, как знает их он, а то они поняли бы, что эти несносные причитания — одна из самых милых ее черт. Теперь, однако, она останется в живых, и хоть кто-то, во всяком случае, сможет тратить это огромное количество припрятанного золота. Жаль только, что он не разделит с нею это удовольствие.

Но если Али-Баба страдал молча, то Марджана — нет.

— Значит, ты считаешь себя таким сильным и могущественным, — сказала она главарю ужасной банды, — что распоряжаешься жизнью людей по своему усмотрению?

— Я распоряжаюсь не только жизнью, негодница! — царственно ответил предводитель разбойников. — Я распоряжаюсь еще и смертью!

— Да, — заметила Марджана с тонкой улыбкой, — действительно, чтобы орудовать мечом, надо быть таким философом. Но, может, ты предпочитаешь продолжить спор о сущности ворот?

Главарь бандитов лишь наградил ее долгим взглядом, хотя лицо его за это время сменило все возможные цвета, кроме нормального.

Дровосек знал, к чему может привести эта стычка. Сначала он лишился общества жены, а мгновение спустя лишится самого существования Марджаны. Али-Баба не мог больше сдерживаться и тихо застонал от отчаяния.

Но тут юная служанка повернулась к нему с изумленным и озадаченным видом.

— Хозяин? — спросила Марджана. — Право же, так это и в самом деле ты?

— Да-да, это я, дитя мое, — с улыбкой ответил Али-Баба, которого девушка пробудила от отчаяния. — Но что заставило тебя наконец узнать меня?

Она ответила так:

— Я служила вам и в плохие времена, и в очень плохие тоже. — Воистину верное описание его жизни. — Ваши стоны я узнала бы где угодно.

— У нас нет времени, чтобы вспоминать имена или прежние жизни! — воскликнул главарь, вновь собравшийся с мыслями. — Все мы — разбойники на веки вечные! Свяжите женщин вместе, чтобы мы могли вести их за лошадьми! — Сказав это, предводитель бандитов рассмеялся, наслаждаясь властью над беспомощными женщинами. — Никто не устоит перед нашей силой!

Но даже теперь служанка Али-Бабы не смолчала.

— Ваше обращение с женщинами, несомненно, свидетельствует о вашей силе! — Она дерзко улыбнулась атаману. — Если с нами вы справляетесь так же легко, как с воротами, то я готова поверить, что мы все свободны!

Всякое замечание Марджаны, казалось, приводило главаря во все большую ярость.

— Твой язык надо укоротить — и чем раньше, тем лучше! — сказал он, сумев кое-как совладать с дрожью бешенства. — И в данном случае я не уверен, что из-за этого ты станешь стоять дешевле! — Он пренебрежительно махнул Ахмеду, садясь на коня. — Привяжи ее последней, чтобы мне как можно меньше приходилось сталкиваться с ней!

Ахмед с удивительной мягкостью потянул непокорную служанку прочь от главаря. Касим, пока корзину его снова привязывали к лошади, в последний раз умолял нанести визит слепому портному, но его мольбы были столь же безрезультатными, как и все былые надежды и чаяния дровосека.

Впервые в жизни Али-Баба должен был признать, что поистине все идет совершенно, полностью из рук вон плохо.

Книга вторая История Аладдина

Глава пятнадцатая, в которую грозит вторгнуться совершенно другая история

Следующие несколько часов прошли для дровосека как в тумане.

Какие-то разбойники подошли к нему и подвели коня. Это он помнил. Должно быть, он как-то взобрался на этого коня, ибо оказалось, что он едет верхом в окружении людей в черных одеждах, таких же одеждах, как на нем самом. Он не слышал ничего, кроме топота конских копыт и отдельных грубых возгласов, время от времени звучавших над скачущей

галопом бандой.

Где-то позади остались его родной город, женщина, на которой он был женат, и убогий домишко, в котором было теперь спрятано несметное количество золота. Он может не переживать за них, ибо никогда не увидит их снова.

Он больше беспокоился за Марджану и — да, он должен был признать это — за жену Касима. Их везли во Дворец Красавиц по приказу презренного главаря подлой банды. И хотя разбойник, бывший некогда дровосеком, понятия не имел об истинной сущности этого места, все же, учитывая моральные качества людей, поставляющих туда женщин, Али-Баба мог отчасти догадываться, что? это такое. Касим, не будь он разрублен на шесть частей, без сомнения, немедленно почувствовал бы себя в подобном месте как дома. «А впрочем, — подумалось Али-Бабе, — возможно, по соседству с Дворцом Красавиц тоже отыщется какой-нибудь слепой портной».

Но его размышления были прерваны, поскольку кони стали замедлять бег.

— Мы добрались до места назначения? — спросил он разбойника, которого прежде звали Аладдином, скакавшего теперь справа от дровосека.

— Нет, до него еще полдня пути, — ответил Аладдин. — Должно быть, мы столкнулись с какой-то помехой.

— Прошу прощения? — переспросил Али-Баба, ибо не мог понять, что имеет в виду Аладдин.

Ахмед, едущий по левую руку от дровосека, счел нужным вывести его из этого замешательства:

— Наш хозяин, предводитель всех разбойников, — человек, не меняющий своих решений. Если он говорит, что мы едем в такое-то место, то мы будем ехать туда, невзирая ни на время, ни на расстояние, ни на трудную дорогу, пока не приедем. Из этого правила есть лишь два исключения. Одно — когда наша банда неожиданно повстречает караван.

— Тут всегда надо остановиться и пограбить, — согласился Аладдин.

— Конечно, — добавил Ахмед, — едва ли есть смысл останавливать караваны теперь, учитывая размеры денежных возвратов. Наверное, это будет первый вклад в нашу Программу Рефинансирования Караванов. Но мы останавливаемся не только из-за караванов, — продолжал он. — Еще непредвиденные обстоятельства возникают, когда мы сталкиваемся с достаточно опасной ситуацией.

— Опасной настолько, что мы можем потерять слишком многих разбойников, — пояснил Аладдин прежде, чем Али-Баба успел спросить. — О, как ты уже наверняка заметил, в обычные дни мы часто теряем одного-двух разбойников. Но если в какой-то ситуации нам грозит потеря около дюжины членов банды, то даже наш атаман понимает, что заменить их удастся не сразу.

— Хотя не так уж и много времени на это нужно, — возразил Ахмед. — Требования к вступающим на самом деле самые элементарные. — Он наклонился в седле и похлопал по крышке корзины, едущей на соседней лошади вместе со всеми. — И те все время снижаются.

— Вы бы так не относились ко мне, — не без раздражения отозвался Касим, — будь у меня возможность быть сшитым воедино!

— Но все же, — признал Ахмед, — чем больше времени тратится на вербовку новобранцев, тем меньше его остается на золото.

— Есть сила, которая руководит всеми нашими поступками, — добавил Аладдин, и по крайней мере в этом оба бывалых разбойника оказались согласны. — Или, как в этом случае, удерживает нас от них.

Разбойник, которого прежде звали Гарун, заставил своего коня поравняться с остальными.

— Я не вижу никакого каравана, — только и сказал он.

Из головы колонны донеслись крики:

— Песчаная буря! Слезайте с коней! Прячьтесь! Идет песчаная буря!

— Успеем отдохнуть, — сказал остальным Гарун.

— И успеем укрыться от стихии, — согласился Аладдин.

— И успеем получить заряд песка в глаза и в глотку, — заметил Ахмед.

Но дровосек не мог пока разделить их тревогу.

— Песчаная буря? — в некотором замешательстве переспросил Али-Баба. — На небе над нами, кажется, нет ни облачка.

— Нет, — пояснил Гарун. — Насчет того, что она будет, сомнений нет. Ты убедишься в этом, если пробудешь в нашей банде достаточно долго, ибо среди нас есть разбойники, наделенные некими необычайными способностями.

— Я доподлинно знаю, что Разбойник Номер Двенадцать прав, — подтвердил тот, кого раньше звали Ахмедом. — Как мой господин, чье имя когда-то было Синдбад, ловко умеет определять денежную стоимость всего чего угодно, так другой из наших разбойников, тот, у которого особенно смуглая кожа, удивительно искусен в предсказании того, как поведет себя пустыня.

Али-Баба припомнил темнокожего человека и то, каким напряженным стал его взгляд, когда упал на дровосека. Али-Бабе казалось, что человек с таким взглядом должен знать великое множество всяких вещей. Он поведал о своих мыслях спутникам.

— Он часто ведет себя странно, — согласился Аладдин, озабоченно хмурясь, — и все же мне он почему-то кажется знакомым. В моей жизни столь многое изменилось, что порой бывает трудно припомнить лица и события.

— Когда все время смотришь на тридцать девять длиннобородых мужчин в черных одеждах, все они кажутся знакомыми, — успокоил приятеля Ахмед.

— Наверное, ты прав, — ответил Аладдин, обращая нахмуренное лицо к небу. — И все же теперь, когда наш новый разбойник упомянул об этом, этот человек... — Он запнулся, видимо не зная, как продолжить мысль. — Ах, будь у меня моя лампа! — Он погрозил кулаком равнодушным небесам. — Но это все пустые разговоры. Нам надо подготовиться к перемене погоды.

Лампа? И вновь Али-Баба услышал намек на то, что один из этих людей — возможно, тот самый, которого столь почитают сказители! Ибо с чего бы человеку так сожалеть об утрате обычного светильника для чтения? Разве что эта лампа давала уж очень яркий свет, предположил он. Али-Баба нахмурил брови, в точности как разбойник по имени Аладдин. Так ни до чего и не додумавшись, он снова взглянул на небо и заметил, что горизонт начинает темнеть.

— Вот почему нас остановили, — заметил Гарун, едущий чуть впереди остальных. — Там, совсем рядом, — нагромождение больших камней, которые послужат нам некоторой защитой от стихии.

До дровосека дошло, что впервые банда движется столь медленно, что он может переговариваться со своими спутниками. Там, где они теперь находились, лес кончился и их окружали какие-то травы и невысокие кустарники, свидетельствующие о том, что они на краю пустыни. И теперь Али-Баба в самом деле видел, что едущие впереди разбойники направляют своих коней к невысокой горе, представляющей собою подлинное нагромождение камней, о которых говорил Гарун.

Али-Бабе уже доводилось видеть подобные каменные груды.

— Может, здесь внизу тоже есть пещеры?

— Рядом с нашим атаманом про пещеры лучше не упоминать, — тихо предостерег Ахмед. — Первый среди разбойников пещеры не жалуется.

— Но, — возразил Али-Баба вполне логично, — он все свои богатства держит в пещере!

— В этом-то все и дело, — пояснил Ахмед. — Из-за одной пещеры наш хозяин терпеть не может все остальные.

Али-Баба припомнил, как раньше другие разбойники говорили, что он никогда по-настоящему не поймет, что движет их бандой, поскольку вечно будет не хватать времени, чтобы объяснить ему это. По зрелом размышлении их предсказание казалось ему теперь

воистину пророческим.

— Но поспешите же, — позвал уехавший вперед Гарун. — Буря впереди набирает силу.

— Разбойник Номер Двенадцать сумел подняться до столь высокого положения потому, что никогда не рисковал понапрасну, — сказал Ахмед Али-Бабе и прищипорил коня, словно показывая, что воистину всем им стоило бы поучиться на примере старшего товарища.

И тут Али-Баба услышал первые далекие завывания ветра.

Теперь все заторопились, и Али-Баба постарался не отставать. Он слез с коня и принялся помогать натягивать между двумя валунами огромное парусиновое полотнище для защиты от песчаной бури. Потом Гарун велел дровосеку взять несколько кусков материи, смочить их и обмотать ими лицо, чтобы уберечь от песка глаза и рот.

Когда все возможные приготовления были окончены, земля устлана коврами и подушками для большего удобства и предусмотрительно подготовлена пара светильников, чтобы зажечь их, когда песчаная буря затмит солнечный свет, Гарун вышел из их нового пристанища, чтобы еще раз взглянуть на небо.

— Буря будет здесь через несколько минут. — Он обернулся посмотреть на лошадей, которых привязали позади укрытия из парусины, чтобы насколько возможно защитить их от ветра. — Давайте же спрячемся в убежище и побеседуем немного, пережидая худшие мгновения бури.

Но Али-Баба не мог спокойно наслаждаться плодами своих трудов, ибо тревожился за Марджану и жену Касима.

— Но как же остальные? — спросил он. — Как же женщины?

— Остальные сами о себе позаботятся, — ответил Ахмед. — А за женщин не волнуйся. Они будут при атамане, который уж точно занял самое безопасное местечко. Как бы легкомысленно первый из разбойников ни обращался со своими людьми, он нипочем не станет подвергать опасности тех, кто предназначен для Дворца Красавиц.

Успокоенный этим (если бы он только знал, что на самом деле представляет собой это место!), дровосек решил, что лучше всего будет ему оставаться в их надежном укрытии. Теперь он слышал голос ветра непрерывно — высокий, пронзительный звук, словно разом вопили все жертвы песчаных бурь.

— Но нам есть чем заняться, кроме как прислушиваться к ветру, — сказал Ахмед, садясь напротив своих спутников. — Среди нас двое новеньких. — Он кивнул на Али-Бабу и на корзину с Касимом. — Может ли быть лучший повод, чтобы поведать наши истории?

Трое старших разбойников немедленно согласились. Последовало недолгое препирательство насчет того, чья история достойна быть рассказанной первой, причем Гарун намекал на множество запутанных и комичных ситуаций, а Ахмед соблазнял упоминаниями о Синдбаде и приключениях. Во время этого спора разбойник, раньше звавшийся Аладдином, был странно молчалив, и все же каким-то образом было решено, что они станут тянуть травинки, а проводить жеребьевку будет тот, кого звали Аладдин. Кто вытянет самую длинную травинку, тот и станет рассказывать свою историю.

Вскоре и явно предсказуемо для остальных победителем в этом споре стал Аладдин. Али-Баба с любопытством взглянул на остальных, словно за волей случая мог таиться какой-нибудь хитроумный подвох.

— Он сильнее нас, — сказал Ахмед, отвечая на невысказанный вопрос дровосека, — и победил бы, даже будь борьба честной.

— Хотя мы могли бы и возразить, — быстро добавил Гарун.

— Только очень тихо, — добавил Ахмед после предостерегающего взгляда рассказчика.

— Вопрос нашего нового разбойника взволновал меня, — признался человек, звавшийся ранее Аладдином, опускаясь на подушки, — и я понял, что должен заново вспомнить всю свою жизнь, чтобы понять, что в моем прошлом может иметь отношение к

моему теперешнему состоянию и, возможно, к моей судьбе.

— Никто не может знать своей судьбы, — провозгласил Гарун, усаживаясь поудобнее.

— Хотя некоторые могут без конца твердить об этом, — согласился Ахмед, тоже устраиваясь на земле. — Но вернемся к нашей истории, пока уши наши способны слышать что-либо, кроме голоса песчаной бури.

Али-Баба решил, что лучше присоединиться к ним, и набрал столько подушек, чтобы расположиться со всем возможным комфортом, а заодно прихватил еще пару больших и мягких подушек для своего брата, чтобы устроить для корзины с Касимом подобающее ложе.

— Отлично, — сказал Аладдин, видя, что все удобно расселись вокруг него. — И я прошу вас с вниманием слушать каждое мое слово, ибо мне почему-то кажется, что в этой истории, быть может, отыщутся ответы на вопросы, касающиеся самих наших судеб, включая возможность побега из этой гнусной шайки.

— Да, надо отдать ему должное, — легонько присвистнув, с тихим восхищением сказал Ахмед. — Как рассказчик он очень силен в зачинах.

И под усиливающийся рев ветра Аладдин начал свой рассказ.

Глава шестнадцатая, в которой говорится о неких запутанных историях и еще более сложных проблемах с портными

— Знайте же, что я не всегда был простым разбойником, — сказал тот, кого прежде звали Аладдин, — но был я, в дни давно минувшие, столь же простым уличным мальчишкой, хотя в промежутке между этими двумя крайностями я обрел великое богатство и жил некоторое время во дворце, не имевшем себе равных.

— Как и многие из нас, — поспешил добавить тот, кого звали Гарун аль-Рашид.

— Если послушать все эти истории, — согласился Ахмед, — услышишь про целую кучу дворцов, не имеющих себе равных. Просто удивительно, где только ни жили когда-то разбойники.

— Да, — ответил Аладдин, уже с несколько меньшим терпением, нежели он выказывал прежде, — но сейчас мы слушаем мою историю, и я был бы признателен, если бы ты не пытался завладеть вниманием моих слушателей.

— Как подобает всякому добропорядочному разбойнику, — прокомментировал Ахмед. — Завладеть чем-то чужим — смысл нашей жизни.

— Это наш атаман хочет, чтобы мы так думали, — упрямо возразил Аладдин. — Но я еще даже не начал толком свой рассказ.

— Мой дворец тоже не имел себе равных, — довольно раздраженно заметил Гарун.

— Дворец тут ни при чем, — пояснил Аладдин, — во всяком случае, в первой части моего повествования.

— Дворцы всегда при чем, — ответил Гарун с такой убежденностью, какой Али-Баба прежде не слышал у пожилого разбойника.

Но как бы то ни было, Аладдин предпочел оставить его слова без внимания.

— Как я уже сказал, — продолжил он, — я был неразумным мальчишкой чуть старше двенадцати лет и проводил свои дни бесцельно болтаясь по улицам, как делают все мальчишки, за невинными играми вроде борьбы на песке или подбрасывания в воздух фески ногой.

— Сколько у тебя было башен? — подчеркнуто резко поинтересовался Гарун.

— Это не имеет отношения к делу, — заметил разбойник по имени Аладдин. — Итак, я не обращал внимания на уговоры моего работающего отца и долготерпеливой матушки найти себе дело по душе. Меня настолько ничто не интересовало, что семья моя не могла найти никого, кто пожелал бы взять меня учеником, поэтому отец мой взял меня в свою портняжную мастерскую и попытался познакомить с азами портновского ремесла.

— Портновского? — громко выпалил голос Касима. Видимо, он все-таки вовсе не дремал. — Кто-то здесь сказал, что его учили портняжному делу?

— Увы, — печально ответил Аладдин, — обучение не достигло цели, поскольку меня куда больше интересовало, как бы продолжить свои детские забавы. Поэтому я бил баклуши день за днем, месяц за месяцем, год за годом, пока отец мой не заболел внезапно и не умер.

— Несомненно, это очень трогательно, — заявил Касим тем особым тоном, которым обычно разговаривал с Али-Бабой, когда хотел от него отделаться. Но продолжил он, однако, уже совсем другим голосом: — Тем не менее ты, конечно, должен помнить что-нибудь из портновских навыков.

— Ну, думаю, под угрозой расправы я смог бы вдеть нитку в иголку, — отозвался Аладдин, и по его голосу было ясно, что эта самая расправа не за горами. — После смерти отца моя мать вынуждена была добывать средства к существованию стиркой чужого белья, и, хоть ее старческие руки и глаза должны были трудиться от утренней зари и до ночи, все равно она могла себе позволить покупать лишь корку заплесневелого хлеба да немного гнилых овощей, едва ли пригодных на корм козам. И столь скудной едой она как-то ухитрялась не только питаться сама, но и кормить своего неразумного сына.

— Теперь, когда у меня было время обдумать, как меня лучше воссоздать, — продолжал Касим, обращаясь то ли к Аладдину, то ли ко всем сразу, — я убежден, что это единственный путь, где у меня есть будущее.

Али-Баба понял, что очень трудно следить за нюансами беседы, когда голова одного из беседующих запрятана глубоко в корзине.

Ничто, однако, не могло отвлечь Аладдина от его рассказа.

— Но никто не в силах предсказать волю Провидения. По крайней мере, никто из следующих тропой добродетели. Что, спросите вы, хочу я сказать этим замечанием?

— Может, ты и лишился своего дворца, — невпопад заявил Гарун, — но сомневаюсь, чтобы его башни могли сравниться по количеству и величелию с башнями того несравненного дворца, что был утрачен мною!

— Прекрасно, — продолжал Аладдин, не глядя на него, но устремив сосредоточенный взгляд куда-то поверх голов собравшихся. — Я не стану обсуждать это, но перейду сразу к главному. Случилось так, что к моей работающей в поте лица матушке и ее бездельнику-сыну появился неожиданный гость, который назвался моим дядей и братом моего отца. И хотя за долгие годы, прожитые в браке с моей матерью, отец никогда не упоминал ни о каких братьях (а если приглядеться повнимательнее, то по разрезу глаз и цвету кожи вы увидите, что во мне течет китайская кровь, а тот человек, объявивший себя нашим родственником, был темнокожий, словно происходил из мавров), все же мы не прогнали его, ибо он осыпал нас золотом, сначала меня, а потом и мою мать, и покупал разную вкусную еду и всякие необходимые в хозяйстве вещи, которых матушка моя не видела со смерти моего отца.

Что с того, что он был совсем не похож на отца и во всех прочих отношениях вел себя как человек вовсе не знакомый с нашей землей и обычаями? При том количестве золота, что он нам давал, он имел право на то, чтобы сомнения решались в его пользу.

Но тут, в это же самое чудесное время, случилось еще одно удивительное событие, как если бы вы брели по безбрежнейшей из пустынь и вдруг нашли среди безлюдных песков цветок, и не один, а сразу два.

Втроем с нашим новым родственником мы обедали вместе один раз, когда дядя счел нужным объявить нам, кто он такой, и другой, когда дядя сказал, что у него была еще одна причина разыскивать свою родню, кроме горячего желания воссоединиться с семьей. И еще дядя сказал, что поведает нам об этой причине во время третьего обеда, и поэтому третья совместная трапеза должна стать настоящим пиром, превосходящим прежние по изобилию и изысканности. И он дал Аладдину и его матери столько золота, что его прежние дары казались теперь не более чем песчинками на фоне песчаной бури.

Но я упомянул про другое чудесное событие, которое показалось мальчику еще более удивительным, чем внезапное обретение богатства! Ибо, когда юный Аладдин взял толику

от этой третьей порции щедрот незнакомца и пошел купить кое-чего для обеда еще более роскошного, нежели те, которые вкушали до этого он сам, его матушка и человек, называющий себя его дядей, он был вдруг остановлен какой-то великой суматохой. И юный Аладдин вскоре понял, что суматоха эта далеко не обычная.

— Берегитесь! — вскричали три голоса, тонкие и чересчур пронзительные. Три огромных евнуха, высотой в два человеческих роста каждый и почти столь же широкие в плечах, прошествовали мимо Аладдина к центру города, возвещая, что все люди должны разойтись по домам и запереться там, ибо прекрасная царевна Бадр аль-Будур пожелала прогуляться по городской площади, и, если кто-либо осмелится взглянуть на нее без дозволения, того за подобную оплошность ждет немедленная смерть.

Перепугавшись, что жизнь его может окончиться как раз тогда, когда он только начал сбалансированно и полноценно питаться, Аладдин начал поспешно искать какой-нибудь уголок, где он мог бы спрятать лицо от улицы. Но Судьба распорядилась так, что на той улице, по которой он тогда шел, не было никаких общественных сооружений, ни палаток, ни лавок, это был жилой квартал с частными домами, укрытыми за высокими стенами. Куда было податься парню, когда по обе стороны от него одни лишь каменные ограды и решетки ворот?

— Берегитесь! — снова раздались голоса. — Когда мы пройдем здесь во второй раз, то не должны встретить ни одной живой души, иначе эта душа перестанет быть живой!

«Быть может, — подумал Аладдин, — удастся перелезть через какие-нибудь ворота или отыскать виноградную лозу, чтобы вскарабкаться по ней на одну из этих высоких, будто крепостных, стен?» Но нигде не было видно никакой достойной внимания растительности, кроме редких низеньких кустарников, а ворота, которые парнишка успел обследовать, поверх затейливых кованых узоров щетинились множеством острых и неприветливых пик. Уличного мальчишку в этой части города не ждал радушный прием.

— Берегитесь! — вскричали голоса, теперь уже гораздо ближе. — Ибо мечи наши наготове, и они вонзятся в ваше сердце быстрее, чем любой смертный успеет издать хотя бы звук!

О, неужели жизнь его завершится столь несправедливым образом! Впервые за все время своего жалкого существования Аладдин пожалел, что не преследовал в жизни цели более высокой, нежели стать чемпионом улицы по подбрасыванию фески.

— Берегитесь! — раздалось совсем рядом. — Ибо слух наш остр, и мы сумеем расслышать каждый страстный мужской вздох!

Аладдин больше не смотрел на стены и ворота, за которыми можно было бы отсидеться. Он отчаянно озирался, ища что угодно, за чем можно было бы спрятаться.

— Берегитесь! — снова возвестили голоса, доносящиеся теперь, казалось, буквально из-за угла. — Ибо глаза наши зорки и даже пролетающую мошку видят за пятьдесят шагов!

И в этот миг взгляд юноши упал на углубление в земле прямо у ворот дома, последнего на этой улице. В углублении том росло три низких куста, таких же, что встречались по всей улице, и еще там стояло три огромных глиняных сосуда, из тех, в которые сливают наименее благоуханные отходы домашнего хозяйства до той поры, пока слуги не выльют все это в реку.

Аладдин юркнул за кусты и сосуды, и тут тонкие голоса зазвучали снова.

— Берегитесь! — вскричали они в унисон. — Не надейтесь спрятаться от нас, ибо ни один мужчина не в силах увидеть несравненную красоту царевны Будур и не вскрикнуть от восторга и вожделения!

И тут Аладдин услышал тяжкие шаги евнухов, ступающих по дорожной грязи. Он обхватил руками колени и постарался не шевелиться, даже не дышать. И поскольку он был недвижим, словно камень, то услышал, как три огромных евнуха тихо переговариваются между собой в паузе перед очередным предупреждением.

— Пока что все спокойно под нашим неусыпным надзором, — сказал первый из трех. В узкую щелку между двумя глиняными емкостями Аладдин мог видеть, что этот евнух шел

немного впереди остальных, словно был здесь за старшего. — Мы — послушные исполнители любой прихоти нашей царевны.

— Хоть бы у нее этих прихотей было поменьше, — пожаловался второй. — После такой ходьбы у меня вечно болят ноги.

— Эх, кабы меня беспокоили ноги, — прохныкал третий, прижимая руку к животу. — Я имел глупость съесть днем что-то не то.

— Пора, — просто сказал первый.

Все трое разом завопили:

— Берегитесь! Царевна Будур шествует среди вас!

Аладдин, спасшийся от мести евнухов, обнаружил вдруг, что у него есть еще одна причина не дышать, ибо глиняные сосуды у него под носом, как оказалось, были заполнены почти доверху и, судя по презрительной вони, в ближайшее время должны были быть опорожнены в реку.

Но все мысли о запахе — точнее, все мысли, что вообще когда-либо посещали голову молодого человека, — в один миг улетучились, едва глазам Аладдина представилось новое зрелище. Ибо это была девушка в одеждах цвета солнца, и ее легкая улыбка теплотой своей могла заставить устыдиться и солнечный свет. Она не шла, она словно плыла танцуя, и ее изящные ножки в шитых золотом туфельках, казалось, едва касаются земли.

— Какая скучная улица, — сказала она, вздыхая, и печальный ее голос был сравним по красоте и прелести с песней соловья. — Ни лавок, ни палаток, ничего, что могло бы привлечь мое внимание! — Но вся ее печаль мигом исчезла, и она снова улыбнулась. — И все же, в конце концов, тут такие красивые и прочные стены по обеим сторонам переулка. А в этих стенах — такие затейливые и грозные ворота, правда? А взгляните вон туда, на эту славную композицию из глиняных горшков и кустиков!

Но эти последние слова означали, что царевна смотрит прямо на убежище Аладдина. То, что такая красавица глядит почти на него, бедное ничтожное дитя улиц, было столь невыносимо для юноши, что он отбросил прочь все мысли об огромных евнухах с быстрыми и острыми мечами. Рот его открылся и непрощенный вскрик сорвался с губ, приглушенный лишь благодаря тому, что Аладдин поспешно засунул во вдруг образовавшееся отверстие кулак.

Три евнуха замерли всего в нескольких шагах от того места, где прятался несчастный Аладдин.

— Не вздох ли это был, исполненный мужского желания? — спросил евнух, возглавлявший троицу.

— Скорее, похоже было, будто кто-то кусает кулак, чтобы заглушить стон, — сказал второй, воспользовавшийся остановкой, чтобы привалиться к стене и помассировать левую ногу.

— Прошу прощения, — отозвался третий, крепче прежнего прижимая руку к животу. — Я же говорил, не нужно мне было есть на обед те экзотические сыры.

С этими словами третий евнух пошел дальше, а в животе у него бурлило, и доносящиеся оттуда звуки больше всего напоминали вопли птицы, придавленной упавшим деревом.

— Ты издаешь весьма колоритные звуки, — заметил командир, когда все трое снова двинулись в свой предупредительный обход.

Неужели эти бесполые воины так и уйдут, посчитав, что здесь нет ничего достойного их внимания? Юноша не мог поверить своему счастью. И все же Провидение позаботилось о том, чтобы он не остался вовсе безнаказанным, ибо Аладдин оказался в тылу у удаляющейся троицы, и ему пришлось обонять новый, донесенный ветерком аромат, в сравнении с которым запахи, источаемые глиняными горшками по соседству, казались не более чем благоуханием весенних цветов.

Столь ошеломлен был юноша этим новым запахом, что пришел в себя лишь тогда, когда царевна и евнухи уже скрылись из виду. Но к этому моменту великое несчастье уже

свершилось. Аладдин знал, что теперь с детством и всеми младенческими забавами покончено. Теперь у него была цель в жизни, ибо сердце его больше ему не принадлежало. Он знал, что должен жениться на этой царевне или умереть.

Разбойник Номер Тридцать умолк с отсутствующим выражением лица.

— У моего прежнего компаньона была похожая проблема, — вставил разбойник по имени Ахмед. — Ну, вообще-то не совсем похожая, поскольку там еще была замешана королева обезьян.

Аладдин моргнул и посмотрел на младшего разбойника с некоторым испугом, словно упоминание о королеве обезьян могло не только разбить в прах его сокровенные мечты, но и напрочь лишить его внимания слушателей. И в самом деле, это упоминание о царственном животном заинтересовало Али-Бабу, хотя он и был очарован историей Аладдина. Дровосек понял, что, сумеет ли он уцелеть среди бандитов достаточно долго, конца историям не будет.

— Я продолжу, — довольно резко бросил Аладдин, — поскольку чувствую, что эта история, в отличие от всякой болтовни про дворцы, портных или королеву обезьян, может иметь значение для нашего дальнейшего благополучия.

— Портных? — воскликнул Касим столь внезапно, что это наводило на мысль, будто он только что пробудился от сна. — Чуть не забыл. Подумай, насколько поучительнее могла бы быть твоя история, если бы, рассказывая ее, ты одновременно упражнялся с ниткой и иглой. Это было бы так справедливо!

— Справедливо? — отозвался Аладдин куда свирепее прежнего. — Я буду столь справедлив, что раскидаю части твоего тела так далеко друг от друга, что они никогда больше не соберутся вместе! — Он помолчал и продолжил уже спокойнее: — Прости. Жизнь среди разбойников сделала меня грубым и мелочным. Я понимаю, что ты много выстрадал и, несомненно, продолжаешь страдать. Но, пожалуйста, перестань перебивать, или я выкину твою голову из палатки на потеху шакалам.

— Сильно сказано, — ответил Касим весьма почтительно. — Мои части тела будут тихо лежать в корзине.

Но тишине в этот день наступить было не суждено, ибо в этот самый миг ветер задул с удвоенной силой, сотрясая парусину так, что Али-Бабе почти почудилось, что снаружи по ней бьет ногой какой-то великан.

— И я продолжу свой рассказ, — сказал Аладдин, повысив голос, — потому что мы наконец подошли к самому главному.

— К дворцу? — так же громко предположил Гарун.

Рассказчик устало покачал головой.

— Нет, — прокричал он в ответ. — Дворец, хоть и большой, даже чересчур шикарный и весьма удобный, как я теперь понимаю, совершенно ничего не значит по сравнению с тем, что я собираюсь вам рассказать.

— Мне кажется, — крикнул Гарун, ухитрившись при этом фыркнуть, — что дворцы всегда что-то да значат!

— Особенно когда тебе нет больше в них хода! — добавил Ахмед громко, хотя голос его все равно был едва слышен за воем ветра.

Али-Баба увидел первые песчинки, они залетали в их укрытие по углам, где парусина была для верности прижата камнями.

— Наверное, тебе лучше прервать свое повествование, пока ветер не утихнет? — прокричал Гарун. — Хотя кто знает, зачем нужна история, если в ней не говорится о... — Конец его фразы пропал за ревом бури.

Али-Баба заметил, что песка, проникающего внутрь через прорехи в их укрытии, стало намного больше. Он зажмурился, поскольку песчинка попала ему в глаз.

Дровосек указал на колышущуюся материю.

— Вы уверены, что она прочная? — спросил он, не обращая ни к кому конкретно.

— Лучше бы это было так! — прокричал Ахмед ему в ухо. — Иначе нам конец!

— Вздор! — возразил Аладдин громко, чтобы голос его все же можно было

расслышать сквозь плач ветра. — У нас так редко бывает возможность поведать друг другу наши истории, что какой-то там буре меня не остановить!

В этот самый миг ветер ударил с новой силой и обрушил парусину им на головы.

— Приятно было познакомиться! — успел прокричать Ахмед, когда песок и темная материя поглотили весь мир вокруг.

И именно в этот миг земля разверзлась у Али-Бабы под ногами.

Глава семнадцатая, в которой в земле обнаруживаются провалы — и, возможно, не без умысла

Если он и его товарищи и кричали, то крики их затерялись за воем ветра. Остались одна лишь темнота и неприятное ощущение падения.

Потом у Али-Бабы появилась причина сжать губы, когда выяснилось, что рот его забивается песком. Он наконец приземлился куда-то, но без явного ущерба для здоровья, благодаря — во всяком случае, отчасти — тому, что его новое место отдохновения представляло собой подушки вперемешку с грязью. Столь потрясен был Али-Баба, что даже не замечал, что завывания ветра стали значительно тише, пока не услышал голос брата.

— Что с нами случилось? — восклицал Касим где-то впереди. — Я ничего не вижу из этой корзины!

— В этом, — ответил голос Ахмеда, — ты на этот раз ничем не отличаешься от нас.

— По-моему, я потерял руку! — в панике завопил Касим. — Нет, кажется, рука здесь, под всем остальным.

— Мы куда-то провалились, — заявил Гарун авторитетно, как любят порой говорить пожилые люди. — Но я думаю, что все наши вещи провалились вместе с нами.

— Нет, похоже, я весь тут, — бормотал Касим, как бы соглашаясь со старшим разбойником. — Похоже, я потерял крышку от корзины.

— Если бы я смог найти светильник, — сказал Гарун, — и если из него не вытекло все масло... — Повисла пауза, и Али-Баба услышал, как что-то скребется, шаркает и позвякивает.

В темноте кто-то взвизгнул.

— Прошу прощения, — отозвался голос Касима. — Я просто пытался на ощупь проверить, что тут вокруг.

— Ага! — торжествующе вскричал Гарун. — Кажется, я нашел эту штуку! Теперь, если трут все еще у меня за поясом...

Мгновением позже посыпались искры. Али-Бабе пришлось на миг зажмуриться от яркого света. Он заморгал, пытаясь вновь сфокусировать взгляд на остальных. Похоже, все были тут, хотя и в некотором беспорядке.

— Где... — начал было Аладдин и тут же снова взвизгнул. — Не мог бы ты убрать от меня эту штуку?

— Какую штуку? — спросил Гарун, хмурясь в сумрак.

— Эту отрубленную руку — точнее, эту часть Разбойника Номер Сорок! — Он ткнул пальцем в Али-Бабу. — Ты! Ты же его брат, верно? Потрудишься сложить его обратно!

— Он бы сделал это, — согласилась голова Касима, торчащая теперь из корзины, — имей он хоть крупицу родственных чувств. И я имею в виду — не просто сложить меня обратно, но также найти какого-нибудь почтенного, возможно даже слепого, портного!

Бывшего дровосека крайне удивила безразличность Аладдина.

— Откуда такие проблемы? — спросил он вежливо. — Разве ты, прошу прощения, разве мы не привычные ко всему разбойники?

— Разбойники вовсе не обязаны иметь дело с кусками тел! — передернувшись, заявил Аладдин. — Вот когда нас будут называть Сорок Убийц, тогда и поговорим!

Али-Баба послушно поднялся с того места, куда упал, и полез через груды ковров и

подушек.

— Похоже, мы провалились в довольно большую пещеру. — Гарун поднял светильник и, щурясь, осмотрелся по сторонам. — Должно быть, от сочетания нашей тяжести и силы бури песок как-то сдвинулся, обнажив вход.

— Пожалуйста, перестань извиваться, — велел Али-Баба брату, беря руку и собираясь вернуть ее обратно в корзину.

— Тебе легко говорить, — защищался Касим. — А когда ты всего лишь рука, то можешь как-то передвигаться только извиваясь.

— Я снова устрою тебя на подушках, — ответил смиренный Али-Баба с великим терпением.

Он бережно положил руку к остальным частям своего брата, потом поднял плетеную корзину, чтобы установить ее поустойчивее.

— Эй, аккуратнее! — предупредил Касим, чьи части при переноске начали наткаться друг на друга. — Такой способ перемещения заставляет по-новому взглянуть на проблему укачивания.

— Ни слова про укачивание! — вскричал Аладдин, и, судя по выражению его лица, он был знаком с этим словом не понаслышке.

— Похоже, мы все пережили это суровое испытание, — весело сказал Ахмед и кивнул Аладдину. — Ну, может, кому-то досталось больше остальных. И здесь мы куда лучше защищены от бури, чем раньше. Номер Двенадцать! Видишь ли ты стены, ограничивающие то место, куда мы провалились?

Гарун поднял светильник над головой.

— Это место безгранично, возможно даже, это двойник той пещеры, в которой наш атаман хранит золото.

После его слов наступила тишина. Али-Баба впервые услышал намек на вой ветра, но теперь он доносился откуда-то очень издалека.

— Этот светильник наводит меня на мысль продолжить свой рассказ, — заметил Аладдин. — Не говоря уже о том, что это, возможно, поможет мне выбросить из головы некоторые недавние события!

— Конечно, продолжай, — поддержал Ахмед, — поскольку, судя по звукам бури, все еще бушующей над нами, у нас впереди еще уйма времени, которое надо чем-то заполнять.

— Тогда я его заполню, — решительно заявил Аладдин. — Моя история продолжается следующим образом. После того как я увидел самую прекрасную царевну на свете, я все же сумел прийти в себя настолько, чтобы купить провизию для того важнейшего из обедов, который мой дядя хотел подарить нам с матерью. Именно во время этого обеда я узнал первые намеки на свою судьбу и в дальнейшем был направлен на путь истинный.

В тот вечер у нас был роскошный пир, за дюжиной блюд следовала очередная дюжина других, их готовили все живущие по соседству женщины под зорким присмотром моей дорогой матушки.

Когда пир был окончен и мы выждали подходящее время, чтобы насладиться благами правильного пищеварения, человек, ставший нашим благодетелем, повернулся к матери и сказал:

— Я еще слишком мало сделал для вашей семьи. Поэтому я сделаю твоего достойного сына владельцем лавки, торгующей тем, к чему у него больше лежит душа, и далее стану поставлять в эту лавку лучшие товары во всем этом величайшем из городов.

Тут мать парня была просто потрясена такой новостью, ибо наконец-то сын ее мог найти себе занятие и ей не придется снова возвращаться к своей бесконечной стирке после того, как брат ее мужа наконец уедет.

И таким путем дядя юноши воистину завоевал доверие матери. Но он еще не окончил разговор, и следующая мысль, поведенная им родственникам, хоть и была произнесена в той же легкомысленной манере, что и бо?льшая часть предыдущей беседы, сопровождалась взглядом столь напряженным, какого Аладдин ранее никогда не видел.

— Значит, решено, — сказал дядя. — К несчастью, завтра пятница, и поскольку это молитвенный день, не откроется ни одна лавка и ни одно присутственное место, чтобы мы могли исполнить свои планы. Поэтому завтра я возьму мальчика с собой в некие известные мне сады, ибо успешному торговцу следует понимать толк в красоте и утонченности.

И мать парнишки с готовностью согласилась и с этим тоже, как согласилась бы, без сомнения, практически со всем, что бы ни сказал дядя. И было решено, что этот дядя вернется в дом на рассвете и тогда заберет с собой мальчика для дальнейшего воспитания.

И вот дядя зашел к ним на рассвете священного дня и велел юноше поспевать за ним, ибо прогулка их будет долгой. В то время в границах города было множество красивых садов, которых более чем хватило бы для обучения юноши, будь таковы истинные намерения его дяди. Но они прошли весь город насквозь, и вышли через западные ворота, и шли еще целый час, пока не достигли некоего места, и тогда дядя сказал, что сад уже близко.

Но все же Аладдин не заподозрил ничего дурного, ибо что знал этот парнишка, кроме неписаных правил уличных игр и того, сколько разных блюд может его мать приготовить из овощей и черствого хлеба? В этом отношении старик рассчитал верно, хотя на самом деле он выбрал мальчика совсем по другим причинам.

Но даже у такого не от мира сего юноши, как Аладдин, мог возникнуть вопрос-другой. Ибо, хоть дядя и сказал, что они уже недалеко от сада, единственное, что парень мог видеть, — бескрайнюю равнину, раскинувшуюся перед ними, повсюду совершенно одинаковую, если не считать камней, разбросанных тут и там, да почерневших остатков огромных кустов и деревьев, некогда росших здесь, пока на землю эту не напала какая-то болезнь, заставившая их сбросить листья.

— Несомненно, — сказал парнишка со всей почтительностью, — здесь нет никакого сада. Куда же мы направляемся?

В ответ на свой простодушный вопрос он получил шутливый подзатыльник, и дядя велел ему набрать поблизости немного сухого хвороста. Юноша быстро исполнил это, и тогда старик велел парнишке встать примерно в десяти шагах позади него.

Когда тот отошел достаточно далеко, его дядя достал из глубин своего темного элегантного одеяния трутницу. Из нее пожилой мужчина извлек предметы, необходимые для разжигания огня, и поджег сухие ветки. Сделав это, он достал из-за пазухи черепаховую коробочку, извлек из этой коробочки щепотку порошка и бросил ее в пламя, говоря какие-то слова на незнакомом юному Аладдину языке. Когда порошок упал в огонь, над костром поднялся столб густого дыма, и старик еще быстрее забормотал свои непонятные слова.

И тут парень заметил, что вокруг него что-то происходит, ибо земля затряслась, и камни принялись кататься по равнине взад и вперед, и мертвые деревья задрожали столь отчаянно, что с них посыпались огромные сучья. Так сильна была эта дрожь, что даже небо, казалось, содрогается, а земля испустила великий рев, крик гнева и боли.

А когда дрожь прекратилась, на прежде ровной земле появилось перед Аладдином отверстие десяти локтей в длину и десяти в ширину. А внутри отверстия, на глубине все тех же десяти локтей, Аладдин увидел большую мраморную плиту. И к той плите прикреплено было медное кольцо, такое большое, что девичьи руки едва могли бы обхватить его.

— Уж верно, — сказал Аладдин в пространство, — это магическое заклинание. — Парень никогда прежде не видел магических заклинаний и теперь, повидав, точно знал, что не хотел бы увидеть это снова.

— Возможно, что и так, — сказал человек, объявивший себя его дядей. Он улыбнулся, подходя к парню, но тот смотрел на него теперь совсем иными глазами, чем прежде. Вот, наверное, почему его отец никогда не упоминал, что у него есть брат, подумал Аладдин, и его мигом пробрал озноб, ибо никому не хочется иметь в родне мага.

— Кстати, — сказал тогда Аладдин, — я вспомнил, что у меня в городе скоро назначена встреча, очень важная. — С этими словами он подобрал полы халата и попытался поспешно направиться в сторону родного города.

— Но мы уже почти дошли до сада, — успокаивающе ответил старик. — Ты же не

захочешь уйти теперь, когда мы так близко от него.

— Это была очень приятная и полезная прогулка, — сказал Аладдин так весело, как только мог, — но, если не ошибаюсь, мне кажется, что матушка зовет меня.

— У тебя нет другого пути, — заявил дядя, и с этими словами рука его вылетела из-под одежды настолько стремительно, что юноша даже не успел проследить ее взглядом, и ударила парня по голове с такой силой, что перед глазами у него все поплыло и мир наполнился множеством ослепительных вспышек, какие бывают на поверхности моря на закате, — кроме как открыть вон ту дверь. Разве мать не учила тебя слушаться старших? Мы пришли сюда, чтобы побывать в саду, и ты в нем побываешь.

Аладдин помотал головой, не столько в знак несогласия с дядей, сколько пытаясь прочистить мозги, ибо теперь он понял, что человек этот не просто маг, но маг могущественный, во всяком случае, в том, что касалось его умения работать кулаками.

— Что? — вскричал дядя при виде того, что он ошибочно принял за юношескую дерзость. — Ты и теперь не повинешься мне?

— Я этого не говорил! — поспешно ответил Аладдин. — Я должен был привести мысли в порядок, чтобы понять, за что мой дядя мог так меня ударить.

Тут его дядя изобразил добрую улыбку и сказал так:

— Это лишь для твоего собственного блага, как и все, что делают старшие.

Слова эти успокоили юношу, ибо именно такие объяснения слышал он всякий раз от старших, и он даже подумал, что теперь смысла в этих словах не больше, чем во всех случаях, когда он слышал их прежде, и в этой мысли нашел он некое утешение.

— Теперь ты будешь следовать моим указаниям в точности, — сказал далее его дядя, — ибо очень важно, чтобы молодость всегда прислушивалась к мудрости прожитых лет. Полезай в эту дыру и потяни за медное кольцо, чтобы сдвинуть мраморную плиту в сторону.

Парнишка уставился на громадный кусок мрамора, который, как вы уже знаете, если внимательно следите за моим рассказом и умеете считать, был десять локтей в длину и десять в ширину, и никто не знает, сколько еще в толщину.

— Но ведь очевидно, о дядя, — сказал Аладдин с великим сомнением, — что эта мраморная плита слишком большая, чтобы лишь один подросток мог хоть на волосок сдвинуть ее с места.

И вновь на его голову обрушились невидимые, но необычайно могущественные силы. «Если так пойдет и дальше, — подумал Аладдин, — то вряд ли в голове у меня когда-нибудь прояснится».

— Знай, что я снова ударил тебя лишь ради твоего же совершенствования и дальнейшего благоденствия, — сказал его дядя чрезвычайно ласково. — Как я уже говорил, ты должен до мельчайших подробностей следовать моим указаниям. Мой дорогой мальчик, когда ты это сделаешь, то будешь больше не мальчиком, но величайшим из мужей.

После таких увещаний Аладдин решил прислушаться к своему дяде насколько мог, несмотря на непрерывный звон в ушах.

— Ты видел, как я отверз перед тобою землю, но позволь сказать, что я сделал это лишь для твоей собственной пользы. А под этой мраморной плитой лежит сокровище, положенное на твое имя, достать которое можешь только ты сам. Никто, кроме тебя, не сумеет взяться за это медное кольцо, или поднять мраморную плиту, или сделать хоть один шаг по лестнице, что ожидает под нею. Но если ты точно выполнишь мои указания, мы оба будем такими богатыми, что заживем как цари.

Юноша признал, что все услышанное ему по душе, и потому с великой решимостью сказал:

— Тогда я сделаю это.

— Вот и прекрасно! — согласился его дядя, который стал затем многократно целовать молодого человека — и щеки его, и пальцы, и парню это показалось лишь чуть менее неприятным, чем недавние оплеухи. Но он рассудил, что если хочешь стать богаче царя, то

можно простить дядюшке некоторое перевозбуждение.

— Значит, так, — сказал его дядя с почти пугающим жаром, — спрыгни в яму, на край плиты, и возмись за медное кольцо обеими руками.

— Но плита такая тяжелая, — заметил Аладдин, отступая на шаг, чтобы дяде было его не достать. — Не мог бы ты тоже спрыгнуть туда, чтобы присоединить свои силы к моим?

Но вместо того, чтобы ударить парня, его дядя рассмеялся над глупыми словами Аладдина.

— Если бы я попытался помочь тебе поднять эту плиту — да что там, даже если бы сто силачей из войска великого султана попытались помочь тебе сделать это, — плита даже не шелохнулась бы, словно часть скалы, сросшаяся с другой скалой. Лишь ты один в силах сдвинуть этот тяжелый мрамор, и сделать это ты можешь лишь одним способом: возмись за медное кольцо обеими руками и произнеси вслух свое имя, потом имя твоего отца и имя отца твоего отца.

Эти указания легко было исполнить, так что юноша спустился наконец в яму и ухватился за медное кольцо, которое оказалось удивительно теплым на ощупь, и сказал:

— Мое имя Аладдин, а отца моего звали Мустафа, он был портной, а его отцом был портной по имени Али.

И тут плита сразу поднялась и отлетела прочь, словно кто-то толкнул ее снизу.

Да, портняжное дело было семейным ремеслом из поколения в поколение, но я не последовал традиции, и я признателен тем, кто ныне обитает в корзинах, за то, что они воздержались от замечаний по поводу моих последних слов.

Но возвращаюсь к моему повествованию.

Под плитой не было никаких следов живого существа. Вместо этого я увидел дюжину мраморных ступеней, а в конце этих ступеней — вторую дверь, из сияющей красной меди, с множеством заклепок из того же самого металла.

— Спустись в пещеру, сын мой, — наставлял его дядя сверху, — и войди в медную дверь, которая сама откроется при твоём приближении. Ты окажешься в громадной пещере, разделенной на три обширных зала. В первом зале ты увидишь четыре больших бронзовых кувшина, полные жидкого золота. Во втором найдешь четыре серебряных кувшина, наполненные золотым песком. В третьем обнаружишь четыре золотых кувшина, набитые новенькими золотыми монетами. — Тут дядя погрозили стоящему внизу юноше пальцем. — Очень важно, чтобы ты прошел мимо всех этих предметов, и придержидай хорошенько полы своего халата, чтобы они не коснулись какого-нибудь из кувшинов. Ибо если ты прикоснешься к любой из этих урн любой частью своего тела или одежды, то мигом обратишься в глыбу обсидиана.

Он может превратиться в глыбу обсидиана? «Кажется, — подумал парень, — я и впрямь слышал голос зовущей меня матери». Но теперь, когда он уже спустился сюда, как было ему выбраться из этой ямы?

— В конце третьего зала, — продолжал дядя, в воодушевлении своем не обращая внимания на уныние молодого человека, — ты найдешь еще одну дверь, во всех отношениях подобную той, что находится в конце ступеней, и она приведет тебя в дивный фруктовый сад с множеством усыпанных плодами деревьев. Однако не задерживайся там. Иди прямо через сад, и придешь к лестнице с колоннами и тридцатью ступенями, ведущими наверх, к портику. Когда ты поднимешься к портику, то увидишь там нишу между колоннами, а в этой нише — крошечную медную лампу, стоящую на бронзовом пьедестале.

Лампа та будет гореть, поэтому ты должен будешь затушить ее и вылить из нее то масло, что в ней еще осталось, на пол, к своим ногам, и затем сразу спрячь лампу за пазуху. Потом ты вернешься ко мне тем же путем, что пришел. Однако на обратном пути можешь задержаться в саду и нарвать плодов с деревьев, если захочешь. Но, конечно, как только мы снова встретимся, ты сразу же отдашь мне лампу.

С этими словами дядя снял с руки кольцо и бросил его Аладдину, велел парню надеть его на большой палец.

— Эта волшебная безделица спасет тебя от всех напастей, — ободряюще сказал дядя, — охранит от любого зла, защитит от всех бед, убережет от всех и всяких несчастий, оборонит от горестей, избавит от всех неприятностей. Я сказал, что по возвращении ты должен будешь сразу отдать мне лампу?

Аладдин надел на большой палец кольцо затейливой иноземной работы, как ему было велено. Холодящее прикосновение металла к коже почему-то в самом деле успокаивало.

— Когда ты справишься с этой благородной задачей, — заявил далее сверху его дядя, — тебя будут считать уже не ребенком, но человеком, совершившим дело, которое по плечу лишь мужчинам. И в тот самый миг, когда лампа окажется наконец у меня, тебе больше не будет равных. Только будь очень осторожен, подбери полы халата, когда будешь проходить через те залы; иначе пропадешь вместе с лампой.

Сказав так, старик помахал ему с великой сердечностью и добавил:

— Возвращайся целым и невредимым, дитя мое. Быть может, мне следовало бы спрыгнуть вниз, чтобы обнять тебя напоследок.

Чтобы избежать новых дядюшкиных поцелуев, юноша устремился навстречу своему приключению немедленно. Он спустился по двенадцати ступеням, и едва он приблизился к медной двери, та распахнулась и впустила его. Но по ту сторону двери снова не было ни одного живого существа, а лишь три огромных зала, как и описывал его дядя. Подобрал полы халата выше пояса, Аладдин пошел через залы, как велел старик, и целым и невредимым добрался до дальней двери, ведущей в сад, а оттуда — до большой лестницы и портика с нишей. Там, на бронзовом пьедестале, который также описал дядя Аладдина, стояла лампа, горящая ясным малиновым огнем.

Пламя погасло, едва юноша дунул на него, и Аладдин взял лампу и вылил оставшееся в ней масло. Он подумал было о том, какие следы останутся от масла на его одежде, но, к его удивлению, поверхность лампы уже была сухой, так что он быстро спрятал небольшой медный предмет в складках своего одеяния. Потом он спустился из портика в сад.

Тут он впервые как следует рассмотрел плоды, висевшие на деревьях этого сада, ибо никогда в своей короткой жизни не видел он фруктов столь огромных и прекрасных. И тут он подумал, что прогулка с дядюшкой была долгой и трудной и за все эти многие часы он ни разу не остановился, чтобы хоть чем-нибудь подкрепиться. К тому же дядя сказал, что из всего этого заколдованного места лишь в саду Аладдин может задержаться и отведать фруктов.

И вот он дотянулся и сорвал то, что на первый взгляд казалось яблоком, хотя, когда пальцы Аладдина коснулись плода, юноша подивился поразительной твердости его кожуры. И в самом деле, при ближайшем рассмотрении оказалось, что все эти плоды по твердости не уступают камню, не поддаются ни ногтям, ни зубам и лишь формой напоминают инжир, апельсины, виноград, дыни (зеленые и желтые), бананы, грейпфруты, лимоны, яблоки, груши и прочие замечательные китайские фрукты.

Тогда Аладдин предположил, что эти предметы сделаны из цветного стекла, и хоть он был по-прежнему весьма голоден и разочарован, что плоды эти не смогли утолить его аппетит, все же принялся рвать эти похожие на фрукты игрушки, чтобы принести в подарок матери и своим юным друзьям. И он набрал фруктов всякого цвета, даже не подозревая, что красные могут оказаться рубинами, карбункулами, гиацинтами, кораллами или сердоликами, а белые — бриллиантами, жемчугом, перламутром или лунным камнем, не говоря уже про множество оттенков синего, фиолетового, желтого и разных неведомых цветов и про то, что это могли быть сапфиры, лазурит, бирюза, аметисты, яшма, топазы, янтарь, агаты, опалы, гематиты, турмалины, перидот и хризопраз.

Столь очарован был он этими камнями, что набрал их во множестве каждого цвета и рассовал их по карманам, и в пояс, и в рукава, и в одежду — повсюду, куда только мог, так что вскоре стал похож на вьючное животное перед походом на базар. Однако он как-то сумел идти и достаточно высоко подобрать полы халата, чтобы миновать опасные урны во всех

трех залах, не коснувшись их.

И так он снова прошел сквозь медную дверь, на ступени, ведущие его к дяде. Но дядя, увидев его, казалось, не слишком обрадовался возвращению племянника, но первым делом спросил:

— Где лампа?

— Лампа? — переспросил Аладдин. — Ах да, лампа. Готов поклясться, что она где-то была. Наверное, это та острая штука, которая теперь впивается мне в поясницу.

Но дядя его не желал слушать никаких объяснений.

— Что я тебе говорил насчет лампы? — напомнил он, все больше гневаясь. — Я должен получить ее немедленно! Отдай мне ее сейчас же!

— Но, дорогой дядя, — ответил вполне разумно парень, радуясь, что справился со своей задачей, — как я могу отдать ее тебе сейчас, когда, как ты сам видишь, мои карманы вот-вот лопнут от этих замечательных стеклянных штучек? Позволь мне подняться по ступеням и помощи выбраться из ямы, чтобы я смог достать все это из карманов и сложить в надежном месте, чтобы эти стекляшки не раскатились и не побились. И тогда я с радостью отдам тебе лампу, поскольку в данный момент она соскользнула уже ниже пояса, и я боюсь, что она может поцарапать мне одну весьма чувствительную часть тела.

Но дяде его так хотелось завладеть этой лампой, что он не слушал никаких доводов.

— Ты не отдашь мне лампу? Песий сын, отдай мне лампу или умри!

Ни разу еще юноша не слышал, чтобы старик говорил таким ужасным голосом или обращался к нему со столь грубыми словами. Аладдину припомнились полученные им оплеухи. Потом он вспомнил, как дядя заставил содрогаться небо и землю, после чего в земле появилась эта огромная дыра.

«Наверное, — подумал парнишка, — я говорил с ним не очень убедительно». Пожалуй, решил Аладдин, теперь будет разумнее возвратиться в пещеру, пока дядя не успокоится немного.

Так он и сделал, проворно, насколько позволяла его ноша. Медная дверь вновь открылась перед ним и захлопнулась, едва он оказался по другую ее сторону, хотя рука Аладдина не коснулась ее, и никакая другая человеческая рука тоже, и это было только к лучшему, поскольку юноша в тот момент не вполне владел собой.

Даже глубоко под землей он удивительно ясно слышал голос старика, и это в значительной мере помогло парню понять истинную сущность этого человека, не говоря уже о том, что теперь мне гораздо проще связно пересказать вам эту историю. И вот что сделал человек, называвший себя дядей мальчика.

— Коли лампа не досталась мне, то не достанется она никому! — вскричал тот человек и снова разжег огонь и бросил в него еще щепотку порошка.

И когда вновь поднялся густой дым, он опять произнес неведомые слова, и огромная мраморная плита упала на свое место, навеки погребая под собой Аладдина.

— Будь проклято это глупое дитя! — злобно выкрикнул старик над убежищем юноши. — Какое счастье, что мне не нужно больше притворяться его родственником! Ах, если бы мое магическое искусство, указавшее мне на местонахождение лампы и на этого Аладдина, единственного в целом мире, способного ее достать, если бы мое искусство могло также поведать, что мальчишка окажется таким упрямым и несносным... Я бы собрал свои магические свитки и зелья и вернулся в Марокко.

«Ага!» — сообразил наконец Аладдин. Как уже, вероятно, догадались многие из вас, слушающие мой рассказ, человек этот был вовсе не его дядя, а могущественный маг, приехавший из далекого далека, из страны Марокко, по одной лишь причине — найти способ заполучить эту лампу!

— Все это просто замечательно, — перебил Гарун, — но не имеет никакого отношения к дворцам!

— С такими слушателями, — подчеркнуто ехидно ответил Аладдин, — ничего удивительного, что в среде разбойников рассказывают так мало историй!

— Учитывая продолжительность твоей истории, — успокоил его Ахмед, — я думаю, мы ведем себя очень хорошо, во всяком случае, те из нас, что ниже по рангу.

— Слушайте же дальше, — настаивал Аладдин, — ибо с этого момента человек, который был не мой дядя, а ужасный колдун из далекого Марокко, решил, что не желает больше иметь дела со столь импульсивным мальчишкой, и бросил меня умирать там.

Вы спросите, как столь проницательный человек, как он, мог оказаться в такой ситуации, — сам задал вопрос Аладдин. — Я много думал об этом и полагаю, что это подобно зрению старика, который может разглядеть полет птиц на горизонте, но неспособен различить знаки на лежащем перед ним пергаменте. Крупные события были перед колдуном как на ладони, но повседневные поступки людей ускользали от его внимания.

Но Аладдин знал лишь одно. Теперь, когда он отказался немедленно отдать колдуну лампу, которую тот так страстно желал иметь, этот колдун снова запечатал пещеру и бросил в ней парня на верную смерть. Мысль эта не радовала Аладдина. В великом отчаянии стал он заламывать руки, плача и говоря:

— О, никогда не увижу я снова своей матушки и друзей! Никогда не смогу больше поесть, ибо вынужден буду провести свои последние часы, в молчании взирая на красивые стеклянные безделицы!

Но порой Провидение вмешивается в дела смертных, и так случилось и в тот безрадостный день, ибо, когда юноша заламывал пальцы, он случайно потерял кольцо, которое маг дал ему для защиты, а потом в гневе позабыл. И едва Аладдин потерял кольцо, из того повалил густой багровый дым, а когда дым рассеялся, перед юношей стоял джинн, чья кожа была цвета красного дерева, а глаза горели красным огнем, словно угли.

— Мне подвластны земля и море, — сказал тогда джинн, — но я раб кольца и того, кто носит его. Чего изволишь, хозяин кольца?

И парень очень удивился такому повороту событий, но решил, что в его теперешнем положении надо хвататься за любую возможность, и спросил у своего сверхъестественного гостя:

— Повелитель земли, и небес, и морей, не мог бы ты вызволить меня из этой пещеры?

Не успел юноша даже вздохнуть, земля над ним расступилась, и словно невидимая рука подняла его и поставила неподалеку от того места, где маг творил свои заклинания!

Аладдин умолк, чтобы перевести дух, и Али-Баба поспешно сказал:

— Извини, что перебиваю, но не то ли это кольцо, что ты носишь и теперь на большом пальце?

— Это кольцо? — Аладдин взглянул на свою руку, словно никогда раньше не видел на ней золотого ободка. — Всего лишь бесполезная безделица, я уверен. — Он помедлил, приглядываясь к украшению повнимательнее. — Хотя, если всмотреться, у него действительно есть некоторое сходство с кольцом, которое у меня когда-то было и у которого имелся некий... секрет. Оно выглядит в точности как то кольцо, с джинном. Странно, что я этого не помню.

— Это напоминает мне другое заклинание, — воспользовавшись случаем, сообщил Ахмед, — наложенное на одного моего знакомого мага.

— К чему этот разговор о заклинаниях? — возразил Аладдин. — Все это в далеком прошлом. Теперь я разбойник!

— Как и все мы, — согласился Гарун. — И позвольте заметить, что пока и слова не было сказано о дворцах. Но, прежде чем ты снова продолжишь рассказ, хочу сказать, что ветер наверху явно ослабевает.

— Насчет этого я бы пока не беспокоился, — ответил еще один голос.

Эти слова дали Али-Бабе пищу для дальнейших размышлений.

— Почему вы так печетесь о главаре разбойников? Сдается мне, что все вы мечтаете о победе. Разве песчаная буря и потайная пещера не дают вам прекрасную возможность поступить в соответствии со своими желаниями?

Три старших разбойника посмотрели на него с жалостью.

— Предводитель разбойников всегда найдет тебя, — дружно заявили они.

И если подумать, Али-Баба должен был признать, что это действительно так. Сколько бы эти разбойники ни теряли его, всякий раз он каким-то образом снова оказывался среди них.

— А когда наша шайка снова найдет тебя, жизнь твоя изменится от плохого к еще более худшему, — снова провозгласили все трое хором.

— Но так будет не всегда, — сказал другой голос.

— Кто это сказал? — поинтересовался Али-Баба.

— Не я, — ответил Гарун. — Я лишь предложил подняться наверх.

— А я как мог старался хранить почтительное молчание, — добавил Касим, — чтобы иметь возможность когда-нибудь потом попросить вас о портновской услуге.

— Хм-м? — вопросительно промычал Ахмед. — О, прошу прощения, я, должно быть, на минутку задремал.

— Я бы не возвращался пока на поверхность, — заметил другой голос. — Это всего лишь временное затишье.

На этот раз Али-Баба был совершенно уверен, что ни один из них этого не говорил.

— Кто... — начал было он.

— Ты вполне уверен, — ответил голос, — что в самом деле хочешь это знать?

Глава восемнадцатая, в которой история некоторым образом развивается по кругу

Наступила тишина, и Аладдин решил, что лучше сменить тему.

— Кажется, здесь душно, — заметил он. — Знаете, как всегда бывает в пещерах.

— Коли уж ты заговорил об этом, — добавил Ахмед, — не могу с тобой не согласиться.

— Да, в самом деле, — нашел повод вступить в беседу Гарун. — Однако я думаю, что мы сможем благополучно выбраться из этого замкнутого пространства, если предпримем небольшую прогулку, пожалуй держась поближе друг к другу и с мечами наготове.

— Бессмысленно угрожать граниту, — ответил голос. — К тому же вы не знаете дороги отсюда.

— Это уж точно, — согласился с таинственным голосом Касим. — До того как попасть сюда, мы, кажется, двигались прямоком вниз.

— Но успокойтесь и отдохните, — предложил голос самым любезным тоном, — ибо разве вы не слышите, как буря бушует над вашими головами?

Али-Баба и впрямь заметил, что под сводами пещеры снова начал посвистывать ветер.

— И не бойтесь, — наставлял их голос. — Я прослежу, чтобы, пока вы рассказываете свою историю, с вами ничего дурного не случилось.

— Наконец-то, — удивился Ахмед, — Разбойник Номер Тридцать обрел подходящую публику!

— В таком случае я продолжу, — отозвался Аладдин, с удивительной поспешностью хватаясь за предложение таинственного голоса. — Итак, парень снова оказался на равнине, и город его был едва виден вдаль, хотя прошло так много времени, что солнце уже клонилось к закату. Колдуна нигде не было видно, и джинн тоже исчез. «Но, разумеется, жизнь полна загадок, — подумал юноша, — и сегодня я мог бы вновь повторить это».

Потом парень со всей быстротой, на которую были способны его ноги, возвратился в дом своей матери, хотя все равно было уже далеко за полночь, когда он наконец добрался туда.

Он увидел, что мать не спит, дожидаясь его возвращения, ибо она никак не могла уснуть — так встревожило ее, что он не явился домой вовремя. Она дала ему напиться холодной воды и выставила всю пищу, какая нашлась в доме, говоря, что выслушает его рассказ, когда сын ее поест. И юный Аладдин ел с большим аппетитом, ибо он был так близок к смерти, что уже и не чаял когда-нибудь вновь увидеть еду.

Когда же наконец закончил он свою затянувшуюся трапезу, то поведал матушке об удивительных событиях минувшего дня, так же, как я рассказываю вам о них теперь. И тогда мать его стала проклинать того темнокожего, как могут проклинать только матери.

— Подумать только, — говорила она, — что он чуть не лишил тебя жизни, и ради чего? Ради какой-то жалкой медной лампы!

И тут парень поднялся и высыпал великое множество твердых плодов из карманов и из-за пазухи.

— И я рисковал своей жизнью из-за этих дурацких штук?! — воскликнул он в недоумении. — Я ведь уже не ребенок, чтобы играть разноцветными камушками! — И юный Аладдин решил, что это будет опыт, который изменит всю его жизнь.

Проснувшись на следующее утро, юноша вновь исполнился решимости отказаться от детских забав и впредь вести себя как мужчина. Но прежде чем выйти из дома и попытаться удачи, он захотел сначала хорошенько позавтракать. Он сказал матери об этом, и наградой ему были огорчение на ее лице и заломленные руки.

— О мое любимое, дорогое дитя, — воскликнула его матушка в своей обычной горестной манере, приобретенной за годы тяжких трудов, — чем же я могу накормить тебя этим утром, если прошлой ночью тебя обуял такой голод, что ты съел до крошки всю еду, какая была в доме? Но подожди немного, я возьму несколько узлов с одеждой и через час-другой, отстирав вещи в реке, заработаю немного мелких монет, чтобы купить тебе еды.

Видя свою мать в таком состоянии, Аладдин тут же захотел порадовать ее. Если его матушка не сумела приберечь немного еды, можете вы спросить, почему же он должен был чувствовать себя виноватым? Скажем так, это обычное дело между матерями и сыновьями, и покончим с этим.

— Нет-нет, дорогая матушка, — сказал тогда Аладдин. — Ты достаточно потрудились за свою долгую жизнь. Почему бы не взять эту лампу и не продать ее на базаре? На эти деньги мы наверняка сможем поесть разок-другой. А когда я поем и оденусь, то возьму эту кучу разноцветных камней и продам их каким-нибудь не слишком образованным горожанам. Таким образом мы, наверное, сможем прокормиться пару дней, пока я не определюсь до конца, как мне быть мужчиной и какую избрать дорогу в жизни.

Но удача улыбалась им, ибо, передав лампу в руки своей матери, Аладдин вверил ее заботам самой большой любительницы чистоты во всей той части света.

И матушка его, глядя на эту потускневшую лампу, подумала, что наверняка сможет получить за нее лучшую цену, если начистить ее, прежде чем нести на базар. И тогда она взяла один из старых ветхих обносков, которые обыкновенно носила вместо одежды, смочила тряпицу смесью воды и золы, призвала на помощь всю свою недюжинную силу, накопленную за три десятка лет ручной стирки, и принялась чистить медь.

Но едва успела она провести рукой вверх и вниз по лампе, как из горловины повалил багровый дым, а когда этот дым рассеялся, перед ними стоял джинн, столь огромный, что головою он задевал потолок. Кожа у этого джинна была цвета золота, а глаза сверкали яркой синевой, будто летнее небо. И вскричало это волшебное создание оглушительным голосом, звучавшим еще громче из-за замкнутого пространства:

Я властитель всего, хоть в пещере живу,
Но рабом я хозяину лампы служу.
Повелевай мною, о госпожа! Повелевай мною!

Но дорогая матушка Аладдина имела еще меньший опыт общения с джинами, чем ее сын. Поэтому она застыла на месте, широко раскрыв глаза, а язык ее, казалось, увеличился в размерах и целиком заполнил рот, и она не могла говорить. Но это продолжалось недолго, ибо вскоре мать Аладдина упала в глубокий обморок.

Аладдин, однако, стоял неподалеку, когда это случилось, и он быстро шагнул вперед и выхватил лампу из слабеющих пальцев матушки. Если этот дух в деле так же хорош, как тот

здоровенный темнокожий тип в пещере, то теперь всякое пожелание Аладдина будет исполнено.

— О раб лампы, — сказал он тогда, — я голоден, и мне нужна еда для меня и для моей матушки.

— Будет исполнено, — ответил золотой джинн и протянул ему серебряный поднос.

А на подносе том стояла дюжина золотых блюд, а на каждом блюде — разная диковинная еда, подогретая и приправленная специями как положено. А позади этих блюд лежала дюжина хлебов белее белого, и на них были изображены люди, и звери, и сценки из древней истории. А в самом конце этого громадного подноса стояли две фляги с чудесным белым вином, благоухавшим так, что Аладдин не сомневался, что вино это высочайшего качества, и два больших кубка, причем и фляги, и кубки были из чеканного золота и украшены драгоценными камнями, некрупными, но подобранными со вкусом.

Парень был очень рад такому подношению и велел джинну поставить все это перед ним и его все еще лежащей без чувств матушкой. Золотой дух так и сделал, после чего тихонько исчез, как и подобает хорошему официанту.

Множество благоуханных ароматов быстро привело матушку в чувство, и она открыла глаза и увидела перед собою целое пиршество.

— Сбылись наши самые сокровенные мечты, — сказала она в изумлении, — ибо никогда не видела я подобных яств. Но как случилось, что мы вкушаем такие замечательные кушанья, да еще с самой лучшей столовой посуды?

Тут юноша помедлил немного, ибо помнил он, как испугалась его мать одного вида джинна, и опасался, что если родительница его заподозрит, будто этот пир происходит из волшебного источника, то может отказаться от еды, хоть та и выглядит безопасной и питательной во всех отношениях. И все же, как и все послушные дети, он не хотел явно врать женщине. Поэтому он решил, что надо найти компромисс.

— Похоже, это последний дар человека, называвшего себя моим дядей, — сказал Аладдин, произнеся наконец некое подобие правды.

Но его матери такое объяснение понравилось, казалось, не многим больше, чем могло бы понравиться то, что произошло на самом деле.

— Этого подлого негодяя? — вскричала она. — Мы должны наплевать в его еду и выбросить ее на улицу собакам!

Это была не совсем та реакция, которой ожидал от нее парень. Но прекрасная пища, стоявшая перед ними, плюс явно голодное выражение на заострившемся и изможденном лице матери давали ему надежду, что его доводы убедят ее.

— Разве не лучшей мстью ему стало бы, — сказал он тогда, — если бы мы ели эти прекрасные яства, без конца понося гнусное имя мага?

Мать его снова посмотрела на роскошные блюда и решила, что впрямь лучшей мстью будет съесть все это. И вдвоем они стали пировать, и ели так долго, что утренняя трапеза перешла в вечернюю.

Наконец, когда они решительно не в силах были съесть больше ни кусочка, то отодвинули от себя блюда, и матушка Аладдина убрала то, что они не доели, на завтра и заперла дорогую столовую утварь в буфет, чтобы ее не украли.

И теперь, поев так славно, Аладдин подумал, что, пожалуй, куда лучше подождать следующего дня с поисками своего пути в жизни.

Но матушка не намерена была позволить своему сыну насладиться отдыхом, столь им заслуженным.

— Самое время нам поговорить, — сказала она таким тоном, какой все дети боятся услышать от своих матерей. — Скажи мне правду, откуда все-таки взялась эта еда? — Она погрозила пальцем у парня перед носом, чтобы придать весомости своим словам. — И помни, мать всегда заметит обман!

Тут Аладдин сдался и рассказал матери, что еду добыл золотой джинн, который живет в лампе.

— Не доверяю я этим дьявольским штукам! — воскликнула его мать. — Воистину тебе следовало бы избавиться от лампы и от кольца тоже, ибо они, должно быть, орудия шайтана!

Но сын парировал ее слова, говоря, что эти две вещи и обитающие в них духи не сделали ему ничего, кроме добра, и еще сказал Аладдин, что дух кольца на самом деле спас ему жизнь, когда он мог погибнуть в пещере. И юноша решил сохранить эти предметы, но никогда более не докучать ими матушке.

— Очень неприятно перебивать тебя, — встрял вдруг Ахмед, — но позволь заметить, что ты снова упомянул про волшебное кольцо.

— Да? — с досадой отозвался Аладдин, словно не понимая, какое отношение это имеет к нему. — Кольцо — важная часть моего рассказа.

— По-видимому, куда более важная, чем дворцы! — заметил Гарун, сопя от нетерпения, что было на него вовсе непохоже. — Я вполне уверен, что ты уже достаточно обрисовал картину. Что если нам перейти сразу к дворцовой части истории?

— А мне, как ни странно, больше понравилось про пещеры, — вставил таинственный голос. — Я бы не возражал, если бы вы вернулись к этой теме снова.

— Но кольцо у тебя на пальце! — вновь напомнил Ахмед.

— Да, не сомневаюсь, что в другой момент это могло бы стать более чем подходящей темой для разговора, — согласился Аладдин. — В настоящее же время, думаю, я лучше продолжу свою историю, ибо песчаная буря не будет длиться вечно.

Ахмед открыл было рот, чтобы возразить, но Аладдин уже приступил к рассказу, прежде чем младший из разбойников смог вымолвить хоть слово.

— В дальнейшей части своего повествования я буду краток. На протяжении нескольких последующих дней юноша потихоньку распродал великолепную посуду, сопутствовавшую волшебным яствам, и таким образом и он, и его матушка имели более чем достаточно еды, что позволило пареньку стать чемпионом района по подбрасыванию ногой фески. Однако он, конечно же, в любой момент мог придумать какой-нибудь великий план на будущее.

Таковы были его мысли, когда он снова услышал голоса трех евнухов.

— Берегитесь, ибо царица Будур шествует среди вас! — И далее: — Берегитесь, ибо если кто из мужчин бросит взгляд на царевну, то поплатится жизнью! — И так далее, и тому подобное, в основном те же угрозы, которые Аладдин уже слышал в прошлый раз.

Ах, если человек однажды отведал запретного плода, всю жизнь он будет возвращаться к тому дереву. И вот Аладдин вспомнил про случай с евнухами и про тот волнующий миг, когда он мельком увидел самую прекрасную царевну на свете. В тот день он навеки влюбился в нее, но он был так низко, а она так недосыгаемо высоко, что каковы были их шансы хотя бы обменяться взглядами, а уж тем более заговорить, или коснуться друг друга, или стать мужем и женой? Это фаталистическое понимание вкупе со всеми обстоятельствами, касающимися двуличности колдуна, опасностей пещеры, чудес кольца и лампы и повседневной необходимости противостоять диктату матери, заставили молодого человека задвинуть мысли о царевне в самую дальнюю извилину мозга.

Но теперь, быть может, у него появилась возможность увидеть ее снова, и дело на этот раз происходило на улице, где стояли торговые прилавки и было на что посмотреть, не то что в прошлый раз.

— Берегитесь! — кричали евнухи. — Ибо сабли наши остры!

«Все же, — подумал парень, — надо найти какое-нибудь укромное местечко, чтобы избежать мечей стражников царевны». Он огляделся, намереваясь спросить торговцев, где он мог бы найти подходящее место, чтобы спрятаться. Но все торговцы, и все их покупатели, и буквально все товары исчезли совершенно.

— Берегитесь! — возвещали евнухи. — Ибо суд наш не ведает пощады!

«Что ж, воистину, — подумал тогда парень, — это исчезновение мне на руку, поскольку теперь я смогу спрятаться где угодно посреди этого уличного торжища, где-нибудь среди хлипких деревянных прилавков и брошенных торговцами потертых ковриков, за которыми не спрятался бы и новорожденный младенец».

— Берегитесь! — зывали евнухи. — Ибо мы уже за углом!

В тот миг Аладдин понял, в чем состоит истинная проблема уличной торговли — вокруг тебя нет ничего, кроме свежего воздуха.

Он обернулся — и там были три евнуха, марширующие по торговой площади, с очень острыми мечами и очень удивленными лицами.

— Вы видите? — спросил один.

— Конечно вижу, — ответил другой.

— Считайте, что в этом мы единодушны, — добавил третий.

Но все мысли о евнухах вылетели у юноши из головы, когда он увидел царевну и, более того, царевна увидела его.

Он не мог пошевелинуться и лишь улыбался. И — чудо из чудес — царевна улыбнулась в ответ.

Он решился снова взглянуть на евнухов. Все трое тоже улыбались. Но улыбки евнухов его не слишком волновали.

— Ты погубил себя, юноша! — сказал один.

— Ни один мужчина не должен видеть царевну, — добавил второй.

— Если он не из числа ее ближайших родственников, — пояснил третий.

— Приговаривается к немедленной смерти! — довольно радостно хором объявили все трое.

— О, какое счастье! — сдавленно хохотнул третий. — Может, я зарублю его?

— Ты уже обезглавил последнего из пойманных, — напомнил ему первый стражник. — Кроме того, давайте проявим немного милосердия к этому бедняге, чтобы последним запахом, втянутым его смертными ноздрями, не стали газы, которые ты вечно выпускаешь.

— Что я могу поделать, если наелся на обед всякой всячины, — защищаясь, ответил третий. — Хотя, может, и мог бы, сумей я устоять перед маринованными кумкватами!

Аладдин предоставил трем стражникам пререкаться между собой. Он снова повернулся к царевне, прекрасной, как солнце, и заметил, что она, похоже, смотрит на него самым благосклонным образом. Он прижал руки к сердцу, чтобы не дать этому органу выскочить из его груди.

— Давайте зарубим его все вместе! — предложил один из стражников.

Двое других подтвердили, что это будет наиболее оригинальным и приемлемым решением.

Аладдин смотрел на приближающихся евнухов, продолжающих улыбаться, с такими острыми мечами в руках.

В следующий миг, понял он, ему не нужно будет больше беспокоиться о своем сердце, ибо оно перестанет биться вовсе.

Глава девятнадцатая, в которой наша история продолжается за пределами волшебной пещеры

— Буря закончилась, — объявил таинственный голос.

— Что? — возмутился Касим. — Ты хочешь, чтобы он прервал свой рассказ теперь?

— Я только подошел к самой сути своего повествования! — возразил Аладдин. — Вот-вот появятся дворцы!

— Прошу меня извинить, — ответил голос. — Я, в конце концов, управляю погодой лишь в определенных пределах. Мои возможности строго ограничены.

От этого голоса они не умерли на месте, не покрылись нарывами, с ними не случилось ничего из того, чего можно ожидать от таинственных существ. Напротив, голос, казалось, принадлежал самому духу вежливости. Именно поэтому дровосек спросил:

— Ты управляешь самой погодой? Смею ли я спросить, кто или что ты такое?

— Я тут, — ответил голос прямо у них над головами, — и тут, — прозвучало на некотором удалении из темноты, — и тут тоже, — донеслось прямо из-под ног Али-

Бабы. — Я везде вокруг вас.

Али-Баба был потрясен.

— Ты вездесущ?

Тут голос рассмеялся, и смех этот, казалось, звучал сразу отовсюду.

— Не совсем. Просто вы сидите во мне. Я, собственно говоря, волшебная пещера.

Разбойники как один разинули рты. И все подумали об одном, хотя первым произнес это вслух Касим:

— А ты случайно не имеешь какого-нибудь отношения к некой другой волшебной пещере?

— Все в этом мире взаимосвязано, — ответила пещера. — И полости в земле — не исключение.

— Так ты утверждаешь, — удивленно сказал Аладдин, — что знакома с пещерой, в которой лежат лампа и золото?

— Я полагаю, вы бы сказали, что та пещера — моя родная сестра, — весело ответил голос.

— Где же тогда, — спросил Ахмед, — твое золото?

— У каждого свои возможности, — укоризненно ответил голос. — Какие-то пещеры собирают золото. Я — разговариваю.

— Ты должна простить меня, — пожал плечами Ахмед. — Это все мое разбойничье воспитание.

— Нас в первую очередь интересует всего одна пещера, — благоразумно перебил его Гарун, — та, что так набита золотом, драгоценными камнями и несметными сокровищами, что напоминает скорее подземный дворец. К тому же, возможно, я принимаю желаемое за действительное, но с этой пещерой есть одна проблема: она всегда принимает в себя новые сокровища, но не всегда позволяет забрать их обратно. — Старший из разбойников запнулся и взглянул на стоящую рядом с ним корзину. — И, кроме этого, у той пещеры есть еще кое-какие причуды.

— Вроде того, чтобы не дать мне умереть? — с болью произнес Касим. — Мне не нравится считать это причудой, благодарю покорно. Ужасная шутка, возможно, но не причуда.

— Ах, та пещера. — Голос снова печально хохотнул. — Я знаю ее не хуже прочих, и у вас есть все причины остерегаться ее. Та огромная пещера — мать наша, и ее боятся все прочие волшебные пещеры, норы, гроты, туннели, берлоги, провалы и расселины в земле. Однако знайте: даже эта крупнейшая из пещер — не добрая и не злая. Она просто недопонятая.

По крайней мере это дровосек мог уразуметь. Ну как можно понять пещеру?

— Но давайте не будем слишком долго задерживаться на своенравных земных полостях. Мне не терпится услышать продолжение твоего рассказа.

— Но ты говоришь, что буря закончилась, — заметил Аладдин. — Как я могу рассказывать, когда мы должны выбираться отсюда, чтобы присоединиться к нашей шайке?

— Нет ничего проще, — ответила пещера. — Видите этот гладкий камушек у вас под ногами?

Аладдин посмотрел вниз. Там лежал небольшой камень размером с сустав пальца, но он был практически неотличим от земли, серый с небольшими черными полосками посередине и гладкий, словно обкатанный морскими волнами.

Аладдин поднял его.

— Ты имеешь в виду этот?

— Этот самый, — подтвердила пещера.

— Так же, как вы говорите со мной, вы сможете говорить и с этим камушком, ибо он — часть меня и точно так же, как я — волшебная пещера, так и он — волшебный камень.

— Слыхали мы про такие чудеса, — заметил Гарун, дергая себя за бороду.

— Точно? — недоверчиво переспросил Али-Баба.

— Как ни странно, — нахмурился Гарун, — если подумать, то, наверное, нет. Тот, кто вырос в аристократической среде, всегда вежлив — даже с ожившими частями земли. Но я никогда не слышал про волшебные камни, умеющие слушать!

— И говорить тоже, — заметил камушек в руке Аладдина. — Если ты камень, то должен хвататься за любую подвернувшуюся возможность.

— Это же просто чудо! — восхитился Аладдин.

— В самом деле? — с сомнением отозвался камень. — Но подумайте вот о чем. Что толку в умении говорить и слушать, если ты совершенно не можешь двигаться?

И все же дровосек был поражен. Али-Баба должен был признать, что жизнь среди разбойников уже открыла ему глаза на множество вещей, о которых он никогда даже не задумывался. Не то чтобы от этих мыслей был какой-нибудь особый прок, но, во всяком случае, они вносили некоторое разнообразие в эту бесконечную скачку, скачку, скачку.

— Итак, — приветливо сказала пещера, — вам незачем оставаться внутри меня, чтобы я могла дослушать вашу историю. Теперь вы можете взять частицу меня с собой и продолжать рассказ по дороге. Что услышит этот камень, то услышу и я.

— Тогда ты не услышишь ничего, кроме грохота, — сказал Аладдин, и Али-Баба сообразил, насколько тот прав. — На ходу нам будет уже не до историй, останется один лишь топот копыт.

— Неужели? — огорчился голос. — Я понятия не имела, что все так сложно. Знаете ли, когда ты пещера, бывает так непросто иметь дело с внешним миром. — Пещера вздохнула, словно просвистел ветер. — Вообще-то когда ты пещера, непросто иметь дело со всем, что не холодное, не глубокое и не темное. Но мне так понравилась твоя история, и я хотела бы послушать ее дальше.

Аладдин грустно кивнул:

— А я хотел бы досказать ее. Ах, если бы нам не нужно было возвращаться наверх.

Словно кто-то наверху услышал его слова. Али-Баба различил далекий голос, призывавший:

— Разбойники! Буря закончилась!

И тогда земля глухо пророкотала:

— Вы заставили меня принять решение. Думаю, у меня еще хватит сил на пару песчаных шквалов. Это заставит тех, наверху, отложить сборы в дорогу. Но поспеши, ибо силы мои почти на исходе.

Теперь голоса зазвучали ближе.

— Разбойники! Разбойники! Выходим! Буря... ой!.. — Дальнейшие крики затерялись в вое вновь поднявшегося ветра.

— Пошли шквалы, — возвестил голос пещеры устало. — Пожалуйста, рассказывай как можно быстрее.

— Хорошо, — согласился рассказчик, и, судя по его тону, Али-Баба сказал бы, что тот очень доволен таким поворотом событий. — Как вы, возможно, помните, мы остановились на том, что мой юный герой, Аладдин, оказался во власти трех евнухов, для которых не было большего удовольствия, чем дружно пронзить мечами молодого парня, виновного лишь в том, что он был сражен красотой царевны Будур.

Аладдин прижал ладони к груди.

— Что оставалось делать юноше? Он принялся заламывать руки, не сомневаясь, что ему конец. — Разбойник начал было тоже заламывать руки, показывая, как это было, но остановился и нахмурился, словно сочтя подобное поведение неуместным. — Поэтому, — продолжал он, тряхнув головой, чтобы отогнать ненужные мысли, — что же еще мог увидеть парнишка, как не просачивающийся меж его пальцев удивительно знакомый багровый дым?

Тут беспощадно надвигающиеся евнухи остановились, на некоторое время озадаченные этим странным событием.

Мгновение спустя дым развеялся так же быстро, как и появился. Перед потрясенным Аладдином и еще более потрясенными евнухами вновь стоял джинн цвета обсидиана. Дух

открыл глаза, и адское пламя отражалось в них.

Джинн улыбнулся и произнес:

Я раб кольца, хоть всей вселенной властелин.
Я вижу, ты попал в беду, мой господин.
Чего изволишь, хозяин, чего изволишь?

«Ага, — сообразил вдруг парень, — так вот как работает эта штука с джинном». В этот миг Аладдин поклялся, что теперь-то он получше разберется во всей этой магии, точно разберется, когда оправится от этого потрясения. «Пока, однако, — решил парень, — лучше перенестись куда-нибудь подальше от этих мечей».

— Перенеси меня, о раб кольца, — повелел он поэтому, — обратно в мой отчий дом, к любящему попечению моей дорогой матушки.

И тут же Аладдин увидел, что торговая площадь быстро исчезает из виду. Он еще успел мельком взглянуть напоследок на трех стражников, рассвирепевших оттого, что жертва ускользнула от них. Но он увидел и царевну тоже, и в этот последний миг она вдруг надула губки. Неужели ее опечалило его исчезновение?

Юноша моргнул — и торговая площадь пропала, и он снова стоял посреди своего маленького, но чистого домика. Его мать, придя в себя после очередного обморока, со всей внимательностью выслушала его историю, но нахмурилась, когда он упомянул, что пользовался кольцом.

— Но матушка, — запротестовал Аладдин, — кольцо снова спасло меня от верной смерти!

— Да, наверное, — был ее ответ. — Но что ты вообще делал на этой базарной площади? Да еще эта связь с *царевной*! — Ударение, сделанное ею на последнем слове, дало парню понять, что его матушка вовсе не считает всяких там царевен подходящей компанией для такого славного мальчика, как ее сын.

Но юноша не мог больше скрывать свои истинные чувства, особенно от столь близкого человека, как мать. И он поведал ей, что полюбил эту прекрасную девушку, и мать его, видя, насколько несчастен ее сын, смягчилась наконец и признала, что, возможно, некоторые царевны, если они действительно настолько хороши, как говорит сын, могли бы с натяжкой оказаться подходящими кандидатурами ему в жены.

— Итак, Аладдин убедил матушку походатайствовать за него перед отцом царевны. — Разбойник взглянул на Гаруна. — Во дворце.

— Всегда самая лучшая часть истории, — вставил Гарун.

— И мать парня стала готовиться предстать перед султаном, — продолжал рассказчик, — нарядившись в роскошные одежды, купленные Аладдином на деньги от продажи очередной драгоценной столовой посуды, и приготовив сказочные дары, о происхождении которых мать подчеркнуто не спрашивала.

Но вы можете задать вопрос, могла ли женщина столь скромного положения, как матушка Аладдина, проявить такое красноречие перед султаном, чтобы ее сына согласились рассматривать в качестве поклонника?

— Увы, — перебила его пещера, — тебе придется задать этот вопрос в другой раз. Погода больше неподвластна мне. У меня просто никаких сил больше не осталось с этими шквалами.

И снова разбойники слышали голоса остальных членов шайки, доносящиеся сверху.

— Рада была вас послушать, — продолжала пещера. — Так трудно найти развлечения, если ты пещера. Поговорите обо всем этом еще, когда появится возможность. В обмен на твой рассказ я покажу вам то, что может вам помочь. — Голос издал странный трубный звук — должно быть, зевок, решил Али-Баба. — И держи этот камушек у себя, но в случае крайней необходимости отдай его тому, у кого самая молодая борода.

— Молодая борода? — повторил Али-Баба, думая о том, что волшебная пещера,

должно быть, таким странным образом говорит о младшем из разбойников, Ахмеде.

— Тому, который только что это сказал, — пояснила пещера, — тому, чья борода выросла по волшебству.

— Мне? — с изумлением переспросил Али-Баба.

— Поверь мне. Ты понравился той пещере. Она позволила взять золото и не скрутила тебя в бараний рог. Ей нравится думать, что она хорошо разбирается в людях.

Али-Баба нахмурился, но ничего не сказал. Он никому не говорил про золото. Откуда пещере знать о нем? Видимо, это потому, что она волшебная.

— Но как мы выберемся отсюда? — спросил у пещеры Ахмед.

— Вы знаете, как выйти, — важно ответил голос. — Все, что вам нужно, — это волшебное слово.

Волшебное слово, связанное с пещерами? Ну конечно! Али-Баба первым открыл рот и произнес:

— Сезам, откройся!

И тут же в образовавшееся над ними отверстие брызнул ослепительный солнечный свет, и появилась узкая, но вполне надежная лестница.

Разбойники собрали свои пожитки, включая Касима, и двинулись к выходу. Пока они шли, дровосек слышал тихий, но ровный рокот. Али-Баба не сразу понял истинную природу этого звука. Пещера тихонько похрапывала.

— Знаешь, — сказал Аладдину Ахмед, когда они карабкались по лестнице, — если это кольцо тебе больше не нужно, я бы с радостью взял его себе.

— Кольцо? О да, у меня есть кольцо, это верно. — Но Аладдин, казалось, был слишком поглощен тем, как бы не оступиться, чтобы обсуждать этот вопрос дальше.

Но времени для разговоров уже не оставалось, поскольку разбойники один за другим вылезли на снова ясный белый свет.

— Ага! — раздался голос атамана. — Значит, мы потеряли людей меньше, чем думали! — Он одобрительно хлопнул в ладоши, и из его одежд высыпалась целая куча песка, от которого они казались скорее белыми, чем черными. — Отлично! Ужасно не люблю набирать больше дюжины новых разбойников зараз.

Один из разбойников указал на лестницу, по которой поднялись Али-Баба и его товарищи.

— Но они вылезли из провала в земле! Может, стоит осмотреть его?

Али-Баба, жмурясь, озираясь по сторонам. Похоже, бурю пережило немало запорошенных песком разбойников, хотя он был не в состоянии точно сосчитать их, пока глаза его не начнут видеть более отчетливо. Однако тревожился он не о разбойниках.

— Что с женщинами? — хрипло спросил он.

Главарь застыл.

— В моей разбойничьей шайке мы не говорим о провалах в земле! — Он хлопнул в ладоши. К нему подскочили двое. — Заберите его куда-нибудь и разрубите надвое.

— Но я спросил только потому, что вдруг там внизу есть что-нибудь ценное. Я думал лишь о выгоде для нашей шайки!

— Очень хорошо. Я буду милосерден. Можете разрубить его надвое его же собственным мечом.

Главарь вновь повернулся к Али-Бабе, которому в тот миг хотелось лишь одного: чтобы он никогда никому не задавал никакого вопроса ни о ком из смертных.

— Женщины, хоть это и не твое дело, в полном порядке, — ответил атаман, начиная вытряхивать песок из одежды. — Они были со мной. — Он принялся отряхиваться еще энергичнее, очевидно считая, что больше никаких пояснений не требуется, однако мгновение спустя снова повернулся к Али-Бабе. — Но я хотел потолковать с тобой, — сообщил главарь слишком вкрадчиво, чтобы голос его звучал искренне. — Я должен сообщить тебе одну неприятную информацию и одну великую мудрость. Что бы ты предпочел услышать сначала?

У Али-Бабы было ощущение, что это какое-то испытание и результатом его может быть только одно — мучительная смерть. Во время рассказа Аладдина дровосек даже позволил себе ненадолго расслабиться, и вот что из этого вышло. Теперь он должен следить за каждым своим шагом, ибо от этого, несомненно, будет зависеть его жизнь.

Главарь, с удовольствием лишающий людей зубов и пальцев за гораздо меньшие провинности, ждал. Про что спросил бы в первую очередь разбойник? Уж конечно, не про хорошее. Поэтому Али-Баба выбрал другой ответ, осторожно подбирая каждое слово.

— Думаю, я хотел бы сначала узнать плохую новость.

— Слова настоящего дегенерата! — отметил предводитель разбойников. — Ты на удивление быстро вживаешься в нашу гнусную шайку! — Он довольно неприятно улыбнулся. — Плохая новость состоит в том, что два наших новых разбойника заслужили повышение!

Али-Баба уставился на главаря. Если это худшее из того, что могло случиться, то, возможно, он зря тревожился.

— Да, несколько наших людей, похоже, потерялись, задохнулись или погибли от загадочных ран во время этой бури. Следовательно, ты теперь Разбойник Номер Тридцать Три, а твой брат в корзине — Разбойник Номер Тридцать Четыре!

Что ж, это было не так уж плохо, во всяком случае, если не принимать в расчет те самые очень подозрительные смерти, но в данный момент не они волновали Али-Бабу, ибо Разбойник Номер Один вновь выжидающе смотрел на него. Дровосек понял, что от него ждут следующего вопроса.

— А в чем, о атаман, — спросил он с куда более легким сердцем, чем в первый раз, — состоит та нечаянная мудрость, которой ты хочешь со мной поделиться?

Никогда еще дровосек не видел у главаря столь широкой и искренней улыбки.

— Нечаянная мудрость состоит в том, что ты должен испытать свою отвагу перед лицом смертельной угрозы. Раз уж нас больше не защищает наше магическое число сорок, я полагаю, что нет особой необходимости слишком трястись над моими новобранцами. В сущности, с этой точки зрения, разбойником больше или меньше — какая разница?

Словно для того, чтобы надлежащим образом подчеркнуть его слова, до них донеслись вопли человека, упомянувшего про пещеру перед своей неожиданной смертью.

— Прекрасно, — продолжал Разбойник Номер Один. — Я рад, что ты согласился.

Он согласился? Но никакого иного выхода, не грозящего смертью, Али-Баба придумать не мог.

Главарь хлопнул в ладоши.

— Выдайте ему меч.

Трусой выбежали двое, один из них — с мечом в руке. По крайней мере они успели обтереть с него кровь. Али-Баба уставился на острое орудие смерти.

— Он хоть знает, за какой конец его держать? — спросил человек с мечом.

Али-Баба торопливо припомнил все, что знал о мечах, и все его познания состояли именно в том, с какого конца рукоять. Он вцепился в эту рукоять так же, как, насколько он видел, держали мечи в руках другие. Рука его с мечом дернулась. Он не ожидал, что оружие окажется таким тяжелым.

— Ничего, научишься, — сказал тот, кто дал ему меч, — или нам придется подыскать другой клинок.

— Или, возможно, другого разбойника, — окончательно закрыл эту тему главарь. — Но ты не обязан пускать его в ход немедленно. Я думаю, мы можем дать тебе несколько часов, чтобы потренироваться.

— Эй! — донеслось с другого конца лагеря. — Мы видим караван! Он приближается с норд-норд-оста!

— В таком случае, — заметил Разбойник Номер Один, — возможно, он понадобится тебе прямо сейчас.

Глава двадцатая, в которой караваны приближаются, но это мало что меняет

— Что за караван? — прокричал главарь в сторону дальних камней.

— Большой! — прилетел ответ.

Тут губы атамана дрогнули в предвкушении.

— Верблюды? — спросил он снова.

— Множество! — ответили ему.

Разбойник Номер Один запрыгал от радости.

— Да, этот меч тебе точно вскоре понадобится. Но не только он, да? — Предводитель разбойников взглянул на Али-Бабу, словно им обоим был известен некий общий секрет.

Хотел бы дровосек хотя бы предполагать, что это может быть за секрет такой.

— Самое время тебе наконец проявить себя! — хихикнул Разбойник Номер Один. — Но мы совершенно не хотим, чтобы ты кого-нибудь грабил.

Али-Баба не знал, как реагировать на подобную новость? Они не хотят?

— Во всяком случае, не сразу, — продолжал объяснять главарь. — Тебе выпала великая честь. Ты проведешь первый эксперимент по реализации нашей щедрой Программы Рефинансирования Караванов. Следовательно, ты будешь отдавать им золото, а не отбирать его. Уж с этим-то проблем точно не возникнет?

Али-Баба полагал, что нет. В конце концов, возможно, ему даже не понадобится меч. Он попытался сглотнуть, но в горле у него, казалось, совсем пересохло от песка.

— Разумеется, — продолжал главарь, — когда ты увидишь, куда они спрячут твои золотые дары, ты пойдешь и заберешь их обратно вместе с остальным золотом и драгоценностями, которые, возможно, окажутся рядом с твоими подношениями. — Главный человек в черном деликатно кашлянул. — Но и с этим у тебя как у разбойника проблем возникнуть не должно.

Дровосек нахмурился. Он полагал, что должно. Почему он не видит логики в словах атамана? Наверное, он слишком поторопился насчет ненужности мечей.

Главарь пустился в путаные объяснения того, что и как должно будет произойти: как Али-Бабе следует приблизиться к каравану, склонив голову и выставив перед собой дары. Неумение дровосека обращаться с мечом может даже пойти ему на пользу. Кто заподозрит человека, не владеющего оружием? А когда ничего не подозревающие торговцы примут дары и выяснится, где они хранят свои собственные сокровища, Али-Баба, которого зовут теперь Разбойник Номер Тридцать Три, подаст сигнал, громко произнеся что-нибудь, возможно вознеся хвалу торговцам. Как только он это сделает, остальные разбойники довершат дело. План настолько прост, что никаких проблем быть просто не может, верно?

— Конечно, ты должен знать кое о чем, — добавил в заключение атаман. — Я не люблю неудач.

С этим даже дровосек, с его небольшим опытом общения с разбойниками, мог согласиться целиком и полностью. Али-Баба поднял меч и попытался заткнуть его за пояс и при этом не порезаться.

— О брат мой! — вскричал из корзины Касим. — Быть может, я больше никогда тебя не увижу. Быть может, я бывал излишне суров с тобой. Я расскажу твоей жене, как ты умер.

Али-Баба не мог припомнить, чтобы брат когда-нибудь сказал ему хоть одно доброе слово. Значит, смерть его неотвратима?

— Похоже, ты не слишком рад, что тебе придется идти к тому каравану, — заметил атаман.

Али-Баба понял, что не сумел как следует скрыть свои эмоции. Но с другой стороны, если он все равно уже покойник, не все ли равно?

— Не волнуйся, — успокоил его главарь. — Мы не отправим тебя одного.

Значит, все страхи дровосека были напрасны? Это же совсем другое дело, если в качестве свиты его будут сопровождать человек десять бывалых разбойников.

— Благодарю тебя, о атаман, — с признательностью откликнулся Али-Баба.

Но первый среди разбойников жестом отмел его благодарности.

— Не за что меня благодарить. Ты это заслужил. — Он великодушно указал на корзину подле Али-Бабы. — Ты можешь взять с собой своего брата.

— Меня? — взвизгнул из корзины Касим. — Но я ничем не могу помочь в добыче золота!

— Ты слишком скромничаешь, — пожурил его главарь. — У тебя есть две отличные руки, чтобы воровать и держать оружие, даже если эти руки ни к чему не прикреплены. А лучшего места, чем эта корзина, чтобы спрятать добычу, и не придумаешь! — Он рассмеялся собственному уму, и многие разбойники смеялись вместе с ним. — Но каждый новый разбойник нашей шайки должен проявить себя! — Он великодушно похлопал корзину. — Любые препятствия можно преодолеть.

— И один из лучших способов их преодоления — смерть, — весело то ли сказал, то ли просвистел Разбойник Номер Два.

— А, второй среди разбойников, — заметил его начальник все так же милостиво, — у тебя еще остались какие-нибудь зубы?

Почти беззубая улыбка сбежала с лица Разбойника Номер Два, и он молча кивнул.

— Ну, это не надолго, — заверил его Разбойник Номер Один.

Али-Баба не знал, сумеет ли в своем теперешнем эмоциональном состоянии выдержать зрелище выбивания очередного зуба. Поэтому он счел себя обязанным вернуть разговор к прежней теме.

— Прошу прощения, о первый среди головорезов, но не лучше ли нам поскорее завершить приготовления, пока караван не прошел мимо?

— Как ты смеешь?! — взревел Разбойник Номер Один, и лицо его приобрело самый неприятный багровый оттенок, какой дровосеку доводилось видеть. Но главарь вцепился обеими руками в собственную бороду и кое-как сумел усмирить бурю, бушевавшую в нем. — Нет-нет, совсем не в наших интересах лишать тебя пальцев именно теперь, когда ты и так с трудом держишь меч. Мы хотим, чтобы ты подошел к этому первому испытанию в наилучшей форме. Мы сможем сколько угодно корректировать твою позицию потом.

— Караван! — донесся голос наблюдателя с дальнего конца лагеря. — Он почти поравнялся с нами!

— Ты говоришь, что пришло время запустить нашу Программу Рефинансирования, — отважно сказал Али-Баба, ибо в ближайшем будущем ему все равно предстояло оказаться если не мертвым, то сильно изувеченным. — И что я должен отдать каравану?

— Отдать? — переспросил главарь, словно сомневаясь в истинном значении этого слова. — Отдать. Ах да. Верно, верно. Отдать. Пожалуй, надо взглянуть, что у нас есть.

Он хлопнул в ладоши, и семеро разбойников с трудом подтащили к нему огромные мешки, раздувшиеся от всякой всячины из хозяйства Касима.

— Не все! — резко бросил атаман. — Нам нужно проверить лишь малую толику. Совершенно незачем раздавать все содержимое нашей сокровищницы!

Шесть разбойников тут же развернулись и утащили все мешки, кроме одного, назад, в то же потайное и охраняемое место, откуда те появились.

— Так... — Главарь подскочил, когда седьмой из его подчиненных начал было наклонять развязанный мешок. — Нет, не высыпай все содержимое! Что-нибудь ценное может затеряться в песке. А ценное здесь все! Каждая чаша! Каждая монета! — Он остановился на миг, чтобы прижать руку к сердцу и успокоить дыхание. — Нет, лучше аккуратно выкладывать вещи передо мной. А я очень осторожно стану все это осматривать.

Разбойник с мешком, опасаясь по меньшей мере за свои зубы и пальцы, опустил мешок так, словно тот был из самого хрупкого хрусталя. Главарь разбойников шагнул вперед, раскрыл суму с сокровищами, упрямо сжав губы, и принялся перебирать ее содержимое, вещь за вещью, время от времени извлекая то одно, то другое из мешка на свет божий.

— Нет-нет, — бормотал он, — слишком большое, чересчур ценное. — Он порывлся

еще, периодически вставляя между доносящимся из мешка звяканьем замечания вроде «Никогда», или «Совершенно незаменимая вещь», или «Только через мой иссохший труп». Но потом он помедлил, губы его задрожали, словно он снова пытался выговорить слово «отдать».

— Ах, — выдавил он мгновением позже, — думаю, я нашел то, что нужно.

— Так вы выбрали подарок? — спросил Али-Баба.

— Подарок? Это слово еще хуже того, другого. — Главарь нервно рассмеялся, извлекая из мешка с сокровищами нечто. Это нечто было такое маленькое, что Али-Баба не сразу сумел определить, что это. — Отлично, мы отдадим им эту крохотную золотую пашотницу. — Главарь улыбнулся, радуясь своему решению. — Очень изящная вещица, вы не находите?

Али-Баба, вполне уверенный в том, что вскоре окажется в царстве мертвых, заметил:

— Это не слишком щедрый подарок.

— Что? Как смеешь... — Гнев предводителя разбойников утих, ибо он увидел, что в его зажатом кулаке рюмки даже не видно. — О, думаю, что да. Очень хорошо. Подарок. Так-так. — Он снова уставился в мешок. — Я видел где-то там большое блюдо, с которым, возможно, сумел бы расстаться. Оно на редкость безвкусное.

Последнее не слишком удивило Али-Бабу, хорошо знакомого, пусть и издали, со вкусами своего брата. Предводитель разбойников снова порывшись в мешке и с громким ворчанием извлек блюдо изрядных размеров и веса.

Пожалуй, в первый и последний раз Али-Баба почувствовал, что всецело согласен с атаманом разбойников. Он мог бы сказать, что это было воистину удивительное блюдо, но это ни в коей мере не отражало бы всех выдающихся особенностей этого изделия. Пожалуй, хватило бы и одних инкрустированных золотых нимф, гоняющихся друг за другом по краю, не будь даже скрупулезно выложенных из драгоценных камней сенок из повседневной жизни скотоводов и земледельцев, что украшали блюдо сразу под нимфами. А далее была изображена Вселенная; разумеется, наиболее крупные камни выступали в роли солнца и пяти планет. Но там имелись еще и вытравленные на серебре изображения купающихся дев. Трудно сказать, они ли ставили эту вещь за грань приличия или, может, обсидиановая нашлапка в самом центре, откидывающаяся, если на нее нажать, и являющая миру имя «Касим», выложенное бриллиантами? Все это, вкупе с полудюжиной всяких других особенностей, Али-Баба терпеть не мог. И это, разумеется, не принимая во внимание дополнительные украшения на нижней стороне этого изделия.

Главарь с трудом оторвал от блюда взгляд.

— Да. Я думаю, именно это и будет подарком. Чем скорее оно исчезнет с моих глаз, тем лучше.

— Вы подвергаете сомнению мой вкус? — осведомился Касим, которому, если подумать, по сравнению с братом терять было тем более нечего.

— Что касается этого блюда, у меня просто нет слов, — признал Разбойник Номер Один. — Бывают же на свете вещи просто уму непостижимые.

— Вот почему я и заказал такое блюдо! — гордо заявил Касим. — Хотя просто позор, что во всем городе не нашлось достаточно больших печей для обжига моих грандиозных задумок.

— Без сомнения, — ответил атаман, пытаясь, похоже, не только не смотреть на блюдо, но даже случайно не дотрагиваться до него. — Это уж точно будет уникальный подарок. — Он вновь заставил себя бросить взгляд на отвратительную тарелку. — Но прежде чем отдать, пожалуй, я выковыряю из него несколько камней покрупнее.

— Эй! — крикнул наблюдатель с другого конца лагеря. — Караван уходит!

Главарь схватил блюдо и сунул его дровосеку.

— А, ладно, забирай его целиком, хотя я знаю, что, оказавшись на старости лет в нищете, я пожалею о своей щедрости!

Али-Баба принял этот вынужденный дар. Тот был полных четыре ладони в

поперечнике и тяжелый из-за драгоценных камней. Он кое-как сумел пристроить блюдо поверх корзины с Касимом и с тяжким стоном поднял все это на высоту пояса.

Теперь, если он как-то изловчится не растерять это и проворно подняться по склону горы на гребень, за которым уже исчезал караван, то сможет выполнить приказание атамана.

И если бы дело было только в этих мелочах! Как человеку ходить, когда меч все время бьет по колену? А его брат, хоть и в шести частях, все же весит не меньше, чем когда был одним целым. Тяжесть брата и блюда разом была едва по силам даже мускулам дровосека.

И более того, Касим все не унимался:

— Я что, должен идти туда безоружным?

— Ты прав, — тут же признал Разбойник Номер Один. — Мы спрячем в корзине короткий меч.

Значит, ему тащить еще лишнюю тяжесть? Почему-то Али-Баба предпочел с улыбкой проглотить и это.

— Используй корзину с толком, — наставлял главарь, заталкивая в нее короткий меч. — Быть может, его части смогут поискать добычу, пока ты отвлекаешь внимание.

Итак, Али-Бабу отправили испытывать эту гнусную Программу Рефинансирования Караванов. Почему-то в устах главаря все это звучало не просто возможным, но и неизбежным. Однако по мере приближения к каравану дровосека начинали одолевать все более мрачные мысли. Воистину, как сказал некогда мудрец, тому, кто еле ковыляет, трудно быть исполненным уверенности.

Но при таком подходе к делу ему нипочем не справиться. Он все время думает о плохом. А вдруг эти люди из каравана дадут ему возможность высказаться, и рефинансирование пройдет быстро и безболезненно, насколько это возможно. Али-Баба должен помнить, что никто не скор на расправу так, как предводитель сорока разбойников.

С этими мыслями он взобрался на вершину гребня и увидел вдалеке караван. И более того, караван увидел его.

— Разбойники! — закричал кто-то. — Разбойники! Я узнал бы эти черные одежды и бороды где угодно!

Дела были плохи. Али-Баба понимал, что повернуть назад означало бы верную смерть. Но, похоже, идти вперед тоже значило получить меч под ребра. Если только ему удастся заговорить прежде, чем в ход пойдет серьезное оружие, у него, возможно, будет шанс. Как ему хотелось теперь иметь такой же хорошо подвешенный язык, как у Марджаны.

Подходя ближе, он слышал, как спорят купцы и погонщики верблюдов. Странно было, пожив среди людей, одетых в одно лишь черное, увидеть разноцветные одежды и даже нескольких торговцев во всем белом. Некоторые из этих мужчин казались почему-то знакомыми, так что дровосек был уверен, что они уже торговали своим товаром в его городе прежде. Но все прочие мысли вылетели у него из головы, когда Али-Баба увидел, что спор между купцами и погонщиками привел к появлению мечей из ножен. На кратчайший миг ему показалось, что они дерутся между собой, но мечи, похоже, попусту рубили воздух, и совсем не было слышно звона металла о металл. Вывод отсюда мог быть только один: эти мечи обращены против него.

— Говорю вам, он разбойник, — сказал торговец. — Кто еще одевается в черное?

— Либо он разбойник, — согласился другой, — либо в трауре.

— По мне, — задумчиво молвил погонщик верблюдов, — так он похож на дровосека.

Тут все торговцы расхохотались. Кажется, они больше не держали свои мечи наготове.

Погонщик верблюдов решил сострить еще:

— Как он может быть разбойником, разве что в шайку уже начали принимать дровосеков?

— Просто удивительно, — поддержал один из торговцев, — что он не порезался этой саблей.

Али-Баба был просто поражен. Как бы то ни было, он сумел убедить их в своей невинности. Но то упоминание насчет траура навело дровосека на мысль.

— Мы паломники, — обратился он к каравану, — странствуем по святым местам!

— Паломники? — отозвался один из купцов. — Судя по твоему скромному облику, я готов в это поверить. Но здесь поблизости нет святых мест.

Разве нет? Дровосек думал, что святые места есть везде, но, наверное, это из-за того, что он жил в городе. В пустыне не может быть святых мест. В пустыне есть только пустыня.

Но если тут нет святых мест, что ответить на эти слова? Али-Баба начал терять надежду.

— Такой у нас обет! — ответил он, сам не слишком понимая, что имеет в виду.

— Странствовать там, где нет святых мест? — с изумлением спросил кто-то из караванщиков.

Это наконец произвело впечатление на торговцев. Все мечи разом вернулись в ножны.

— Должно быть, ты воистину святой, раз поставил себе такую цель, — сказал погонщик верблюдов, до этого назвавший его дровосеком. — Ты потратишь на это всю жизнь и так никуда и не придешь. Хотел бы я быть способным на подобные пожертвования!

Но слова эти лишь еще больше вдохновили дровосека.

— Именно пожертвование я и хочу сделать теперь. — Он указал подбородком на то, что держал перед собой. — У меня есть для вас подарок.

— Ах! — радостно воскликнул погонщик верблюдов. — Я всегда мечтал о плетеной корзине!

Это было не совсем то, что Али-Баба имел в виду. К тому же он не был уверен, что они так хотели бы заполучить корзину, знай они, что? в ней. Но он не станет обсуждать с ними содержимое корзины, ибо его задача — завоевать доверие этих людей, а не вызвать у них отвращение.

— Увы, нет, — сказал он тогда. — В этой корзине лежит весь мой земной скarb и причина моего паломничества. — В некотором смысле, подумал дровосек, и то и другое — чистая правда. — Вместо этого я принес вам очень ценное блюдо.

Тут он поставил Касима на землю и поднял над головой свой шикарный подарок. Торговцам пришлось заслонить глаза ладонями — так ярко сверкало блюдо в солнечных лучах. И они продолжали заслонять их, даже когда Али-Баба повернул блюдо под другим углом, чтобы солнце не отражалось в нем. Торговцы долго хранили молчание.

— Ты, конечно же, говорил про какое-то другое блюдо, — сумел наконец выдать один из купцов.

Второй, с лица которого, казалось, разом сошли все краски, спросил:

— Ты полагаешь, что мы возьмем это?

— Но оно бесценно! — Али-Баба пытался глядеть на блюдо у себя в руках с восхищением, но понял, что глаза его отказываются задерживаться на нем.

— Да, я тоже не представляю, как можно оценить эту тарелку, — подтвердил один из торговцев.

— Нет-нет, по частям это... изделие может чего-то стоить, — с явным трудом выговорил другой купец, — если удастся аккуратно извлечь из него камни и никому не рассказывать, откуда они взялись.

— В самом деле, — согласился погонщик верблюдов, — мы могли бы переплавить его.

— Если кто-нибудь в состоянии будет достаточно долго смотреть на это, — добавил третий торговец, — без рвоты.

— Вы говорите об этом блюде из блюд? — громко осведомился из своей корзины Касим. — Об этом искуснейшем из искусных творений? Вы что, ставите под сомнение мой вкус?

«Возможно, — подумалось Али-Бабе, — решение отдать любимую вещь Касима — большая ошибка».

— Что это? — изумленно спросил погонщик верблюдов. — Непохоже, чтобы это сказал ты. В том голосе были сила и прямота. Как раз такой голос мог бы принадлежать разбойнику!

— Так это ты говорил другим голосом? — с интересом спросил один из торговцев.
— Наверное, он одержимый, — предположил другой.
— Паломник, да еще и одержимый? — благоговейно воскликнул третий. — Нет, он точно святой.

— Или сумасшедший, — добавил первый торговец.
— Или и того хуже, — вставил погонщик, — может, он обманывающий нас разбойник.
«Страшно сказать, — подумал Али-Баба, — насколько они близки к истине. Лучше продолжать говорить что угодно, и побыстрее, не оставляя им времени на дальнейшие размышления».

— Пожалуйста, возьмите блюдо! — попросил он людей из каравана. — Как паломник я должен сделать пожертвование!

— Нет, — твердо ответил первый из торговцев. — Сдается мне, что взять эту тарелку будет жертвой куда большей.

Но Али-Баба тоже умел быть настойчивым, ибо от этого, в конце концов, зависела его жизнь.

— Я должен отдать вам это блюдо, — заявил он.

Но купцы по-прежнему оставались столь же благоразумными, сколь и упрямыми.

— Нет, ведь ты же паломник, — сказал второй. — Нам и в голову не придет взять от тебя что-нибудь за просто так.

Третий торговец полез в кошель.

— Мы настаиваем, чтобы ты принял эти медные монеты.

— Возьми их, — подытожил первый купец, — а блюдо можешь оставить себе.

Но Али-Баба все же едва не перехитрил этих ловких торговцев. Как сможет он взять у них деньги, если руки его заняты этим мерзким блюдом?

— Я положу тебе монеты в корзину, — великодушно предложил третий купец.

Не успел Али-Баба протестовать, как человек уже шагнул к корзине. Им просто повезло, что торговец приподнял крышку корзины лишь настолько, чтобы можно было просунуть монетки внутрь. И все же мудрые люди говорят, что вечно везти не может.

— Эй! — возмутился Касим, когда монеты застучали по его голове.

— Что это был за шум? — спросил, хмуря брови, стоящий ближе всех торговец.

Дровосек попытался улыбнуться.

— Это нервное расстройство, которое я заработал из-за слишком долгого пребывания в пустыне, — ответил он и добавил: — Эй! Эй-эй! — Он немножко подпрыгнул, чтобы усилить эффект.

— Не говоря уже о слишком долгом пребывании в корзине! — заметил Касим; видимо, теперь, когда он заговорил, его никакими силами нельзя было заставить замолчать.

— Когда ты волнуешься, то говоришь другим голосом, из корзинки? — спросил первый торговец.

— Клянусь, это было похоже на голос разбойника, — настаивал погонщик верблюдов, — и причем разбойника знакомого.

Похоже, прыжки Али-Бабы не возымели желаемого эффекта.

— Несомненно, — слабо выдавил он, — ты ошибся.

Все шло из рук вон плохо. Он ни на шаг не продвинулся в деле Рефинансирования Караванов. Вместо несметного количества золота, которое хотел получить главарь их шайки, единственное, что видел до сего момента Али-Баба, — несколько монет из кармана одного из этих людей. И тогда дровосек спросил в отчаянии:

— Вы не берете блюдо. Что же тогда мне вам дать?

— Вопросы здесь задаем... — начал погонщик верблюдов, похоже забывшись. — Прошу прощения. Лучше повтори еще раз этот фокус с корзиной!

Касим молчал.

— Наверное, — предложил один из торговцев, — надо бросить внутрь еще что-нибудь. Что-нибудь побольше, вроде тыквы, которыми у нас набито бесчисленное множество

мешков. Быть может, это подействует еще лучше!

— Тыквы? — отозвался Касим куда громче, чем требовалось. — Здесь вам никакой не фокус! Здесь я, я весь, и это на время мой дом, и я не потерплю, чтобы мне на голову бросали всякую дрянь!

Но прежде чем они успели до чего-нибудь договориться, издалека, из-за гребня, послышались громкие крики.

— Кажется, на нас напали, — заметил погонщик верблюдов.

Али-Баба обернулся и увидел, как уцелевшие из сорока разбойников верхом на своих черных как смоль конях скачут по пескам.

— Ты подал сигнал! — вскричал атаман, скачущий впереди. — Пришло время грабить!

— Разбойники! — завопили караванщики, мечась между верблюдами. — Разбойники!

Все это дровосек видел. Но ему казалось, что стенаний, мольбы и всяческих страданий, которыми сопровождаются подобные сцены насилия, как-то маловато и вопли эти как будто были заранее отрепетированы. И никто из всего каравана даже не обнажил меч — все, казалось, ударились в бегство, и опять-таки они не бегали бессмысленно кругами, как обычно бывает, но разбежались в двух строго определенных направлениях, в разные стороны от каравана, словно хотели, чтобы разбойники без помех въехали прямо в его середину.

Почему-то у Али-Бабы было ощущение, что на самом деле здесь происходит совсем не то, что кажется.

Глава двадцать первая, в которой фортуна переменчива в самом полном смысле слова

— Где золото? — требовательно спросил предводитель разбойников, осаживая коня перед Али-Бабой.

— Думаю, тебе про это лучше знать, — ответил дровосек, оглядываясь на караванщиков, исчезающих за своими верблюдами.

— Теперь не время для болтовни! — возгласил Разбойник Номер Один. — Время лишь для золота!

Али-Баба был сыт всем этим по горло. Не для того он провел всю свою жизнь в честных трудах, чтобы подобный человек унижал его.

— Может, я и смог бы раздобыть это твое золото, если бы не ваша преждевременная атака!

— Как преждевременная? Мы напали по твоему сигналу!

— Это был не мой сигнал, — воинственно заявил Али-Баба.

— Это был мой сигнал! — воскликнул Касим, на этот раз становясь на сторону брата. — Я не желаю, чтобы мне на голову бросали всякую всячину.

— Ах, так? — завопил главарь, найдя новый объект для своего гнева, заключенный в корзину. — Я не потерплю такой наглости, что бы там тебе ни бросали на голову. Я саму эту твою голову выброшу! Я разрублю твои куски на куски!

Но Касим был даже еще более зол, чем Али-Баба.

— Что ты суетишься? — насмешливо поинтересовался он. — Из этого твоего плана все равно ничего не выйдет. Они знали, что мой брат разбойник, с того самого момента, как их глаза впервые увидели его!

— Вот как? — удивился Разбойник Номер Один, словно прежде это даже не приходило ему в голову. — Значит, черные одежды в данном случае — помеха? — Видимо, эта мысль настолько противоречила всему, что составляло основу его жизни, что главарь, похоже, был потрясен. — Кажется, пора созывать совет.

Али-Баба воспользовался тем, что главарь на время оставил его в покое, чтобы осмотреться. В данный момент он не мог разглядеть среди окруживших их верблюдов ни одного человека. Может, эта тема будет поважнее для обсуждения?

— Я извиняюсь... — начал было он.

— Совет! — немедленно завопил Разбойник Номер Два. — Совет! Со... — Он разом умолк, заметив взгляд своего предводителя.

— Программа Рефинансирования Караванов не работает! — кратко резюмировал Разбойник Номер Один.

Тут вперед вышел разбойник, которого прежде звали Ахмед.

— Возможно, нам нужно подойти к делу иначе, — предположил он. — Про сорок разбойников известно слишком многим.

Главарь, казалось, обиделся, несмотря на то что совет был в разгаре.

— Нас все боятся!

— Об этом я и говорю, — подтвердил Ахмед. — И как нам теперь убедить этих людей принять нашу программу? С теми, кто нас боится, вести вежливые беседы не получится!

Атаман нахмурился:

— Все эти тонкости — дело слишком сложное. Я должен это обдумать. Но это же совет! Лучше обдумаем это все вместе!

— Быть может, — вступил Гарун, воодушевляясь, — мы сможем извлечь некий урок из моей прежней жизни в высших слоях общества. Вместо того чтобы нападать на караваны, мы можем сделать так, чтобы караваны сами приходили к нам. Потом, в качестве первого шага по изменению нашего имиджа, открыть сеть Разбойничьих Караван-Сараев, подавать холодную розовую воду и маленькие пирожные...

Дальнейшим планам помешали ужасные, леденящие кровь крики, и на разбойников накинута добрая сотня людей в белых одеждах.

Глядя, как сто человек размахивают ятаганами, Али-Баба подумал, что именно об этом и хотел поговорить, однако подозревал, что теперь, пожалуй, уже слишком поздно.

— Мы окружены! — сообщил первый среди разбойников всем, кто не удосужился это заметить. — Но мы без боя не сдадимся!

Человек, которого Али-Баба принимал за погонщика верблюдов, откинул голову и рассмеялся:

— Попробуйте — и вам конец! У нас бойцов втрое больше вашего! И все мои люди умеют обращаться с оружием!

— Да, это так, — признал Разбойник Номер Один, мельком взглянув на Али-Бабу. — Но мы будем сопротивляться!

— И я еще не представил вам наших лучников, — продолжал человек, которого больше никак нельзя было считать погонщиком верблюдов. Люди за его спиной расступились, являя взглядам дюжину вооруженных луками мужчин в ослепительно-белых одеждах. — Так что мои лучники могут при желании перестрелять всех разбойников, а твоим людям до нас не добраться!

— И это верно, — подтвердил Разбойник Номер Один. — Но когда ты возьмешь нас в плен, мы сможем переругиваться сколько нам угодно!

Сторговавшись таким образом насчет капитуляции, разбойники ждали, пока сто человек в белом подойдут, чтобы взять их в плен. Али-Баба, однако, заметил, что даже теперь главный среди разбойников не слишком огорчен, вместо этого атаман, похоже, был занят тем, что понимающе переглядывался с темнолицым разбойником, которого дровосек уже приметил раньше.

— Возможно, тебе интересно знать, кто оказался настолько смел и умен, чтобы изловить сорок разбойников? — спросил бывший погонщик верблюдов. — Позволь мне сбросить личину. — Он начал снимать с себя коричневые одежды одну за другой, пока из-под них не показалось одеяние, которое, если только такое было возможно, казалось еще белоснежнее, чем у людей из его окружения.

— Это же Гоха! — воскликнул Касим из своей корзины.

— Как приятно, когда тебя узнают, — признался бывший хозяин Касима, — а еще приятнее — вновь вернуться к моему фирменному белому цвету. — Он милостиво махнул рукой в сторону Али-Бабы. — И я вполне оценил этот твой фокус с корзиной.

Али-Баба на миг подумал, не раскрыть ли тайну корзины, но решил, что Гохе может не понравиться то, что его сотрудник теперь обитает в ней в виде шести отдельных частей. А свободу движений дровосека как раз в этот момент ограничивал человек в белом при помощи множества веревок, так что всяческие откровения поневоле пришлось оставить при себе.

— Веди себя тихо и не зевай, — прошептал Аладдин сбоку от Али-Бабы. — Может, у нас будет шанс вырваться на свободу.

— Ты! — в ярости вскричал первый среди разбойников, которого пара крепких мужчин в белом в это время повалила наземь.

— Прошу меня извинить, но я переоденусь, — только и ответил Гоха. — На тот мой костюм плюнул верблюд.

Вперед выбежали люди из свиты содержателя борделя, неся сменную одежду без единого пятнышка, и переодели своего хозяина за считанные секунды.

— Гораздо лучше, — заметил Гоха, расправляя складки на рукавах. — Когда собираешься торжествовать победу, так важно быть подобающе одетым. — Он хлопнул в ладоши. — Но что за победа без добычи? Ну-ка, взглянем, что в этих мешках.

Первый среди разбойников издал бессвязный вопль, словно одно упоминание о содержимом мешков поразило его в самое сердце.

— В этом — ничего, — отозвался один из людей в белом, — кроме овощей.

— Может, это и не разбойники вовсе, — улыбнулся Гоха. — Может, они фермеры.

На этот раз в вопле первого среди разбойников в равных долях смешались злость и страдание. Али-Бабу, чьи руки были теперь связаны за спиной, вместе с частью других разбойников согнали в одно место, неподалеку от их лошадей и мешков с добычей.

— Проверьте, что в других мешках! — приказал Гоха.

— Этот набит отнюдь не овощами! — сообщил другой человек в белом. — В мешке полным-полно больших и аляповатых изделий из золота!

— Ага! — торжествуя вскричал Гоха. — Наконец-то я получу от вас то, что заслужил!

— По качеству эти вещи просто ужасны, — объявил человек в белом. — Можно подумать, эти вещи некогда принадлежали Касиму!

— Увы, — вздохнул Гоха, — он говорит об одном из ценнейших моих работников, который теперь потерян для нас.

— Так ли? — раздался голос из корзины. — И к тому же ничто не вечно.

— Опять этот фокус с корзиной? — отметил Гоха. — Хотя я ценю твои попытки развеселить нас, товарища, которого нет больше с нами, ничто не заменит.

— Возможно, — продолжала корзина, — у меня есть информация, которая может тебе пригодиться.

— Неужели? — заинтересовался Гоха. — Мы хотели бы найти его, чтобы иметь возможность пытать его и убить за измену.

— Но что я могу знать? — буркнула плетеная емкость. — Я ведь всего лишь корзина.

Подчиненные Гохи опять завопили, обнаружив новые мешки с золотом. Их предводитель, похоже, был очень доволен. Но почему-то он никак не мог успокоиться, переминаясь с ноги на ногу и время от времени поглядывая на главаря разбойников, как будто для полноты триумфа ему оставалось исполнить еще некий ритуал.

Наконец Гоха подошел к первому среди разбойников.

— Нет, слишком удобный момент, чтобы удержаться от злорадства. — Он посмотрел сверху вниз на человека, которого заставили опуститься на колени. — Такая замечательная информация, и я сомневаюсь, чтобы она была известна членам твоей шайки. — Он оглядел сначала разбойников, сбившихся в две тесные кучки, потом людей в белом, стерегущих людей в черном. — Знайте же, все присутствующие здесь. Когда-то разбой и содержание борделей уживались под одной крышей. Когда-то предводитель разбойников и хозяин публичных домов работали на пару. Именно тогда я получил прозвище Беспалый, — он

поднял изуродованную руку, — и тогда же атаман разбойников тоже заработал прозвище.

Все разбойники разом открыли рты от удивления.

— Никогда не слышал ни о чем подобном! — сурово шепнул Гарун. — Разбойник Номер Один всегда был Разбойником Номер Один!

— О, оно очень забавное, — со смешком сообщил Гоха. — Правда, Грязнуля?

— Грязнуля? — взревел главный разбойник. — Как ты смеешь! Это так... так несправедливо! Как можно сохранить белье в чистоте, если вечно разбойничаешь на дорогах?

— Без сомнения, именно поэтому, — любезно заметил Гоха, — ты и переменял цвет костюма.

Разбойник Номер Один мрачно кивнул, пытаясь сохранить последние остатки достоинства.

— На черном ничего не видно.

— Даже крови? — спросил Гоха.

Разбойники снова разинули рты.

— Ты же не думаешь, что мы удовлетворимся этим золотом, которое здесь хоть и в довольно большом количестве, зато ужасающе низкого качества?

— Ты ставишь под сомнение... — завел было Касим, но передумал.

— Ты правильно сделал, что остановился, — мягко сказал Гоха Али-Бабе. — Когда мы покончим с делами, времени для шуток с корзиной будет предостаточно. Если, конечно, к тому времени ты еще не лишишься корзины, равно как и голоса.

Он вновь отвернулся к главарю, о котором Али-Баба и, без сомнения, все остальные члены шайки тоже старательно пытались не думать как о Грязнуле.

— Но мне не хотелось бы сыпать пустыми угрозами, — продолжал Беспалый. — Я хочу, чтобы все мои угрозы были вполне реальными. — Он поддел песок ногой, обсыпав им одежду Гряз... Разбойника Номер Один. — Я всегда полагал, что расспросы следует начинать с самых верхов. Видишь ли, мы неплохо осведомлены, и нам известно, что это лишь малая часть твоего золота, ибо Касим, прежде чем исчезнуть, упоминал о пещере, полной несметных сокровищ!

Али-Баба не удивился. Если требовалось выболтать какой-нибудь секрет, на его братца в этом всегда можно было положиться. Однако теперь корзина стала на удивление молчаливой.

— Ты собираешься пытать меня? — легкомысленным тоном поинтересовался Разбойник Номер Один с явным пренебрежением.

— О нет, — печально покачал головой Гоха. — пытки — это слишком просто. За время нашей былой близости я изучил тебя достаточно хорошо, чтобы ожидать, что ты не устоишь перед обычными пытками. Нет, я думаю, мы начнем со всеобщих и долгих насмешек. Потом я расскажу несколько постыдных историй из твоего детства. За этим последует обсуждение всех ошибочных решений, принятых тобой за то время, когда ты состоял у меня на службе. И лишь потом, когда ты будешь полностью сломлен, мы смиростивимся настолько, чтобы перейти к пыткам.

Но этот очередной приступ злорадства Гохи был прерван новым возгласом одного из его людей:

— Тут есть кое-что получше золота! Я нашел женщин! И это красивые женщины!

Услышав эти слова, Гоха снова рассмеялся.

— Прекрасно. В борделе всегда найдется место для нескольких новеньких. — Он подмигнул окружающим. — Тем, что уже работают на меня, приходится трудиться столь усердно, что это их безвременно старит.

— Бордель? — повторил Ахмед рядом с Али-Бабой. — Ни за что!

— Тихо там! — прикрикнул Беспалый, указывая перстом на кучку разбойников, где стоял Али-Баба. — Мы, разумеется, должны будем лично опробовать этих женщин в деле, когда выберемся из этого дикого места.

Ахмед издал утробный сдавленный звук.

— Если ваш хозяин откажется говорить, — продолжал Беспалый, — или если он умрет прежде, чем сообщит нужную нам информацию, мы займемся каждым из вас. Впереди вас ждут лишь пытки и смерть! — Пошли! — обратился он к своим людям. — Пора приступать к издевкам и насмешкам!

Главарь, которого подняли с коленей, сумел извернуться и взглянуть на самого загадочного из разбойников.

— План! — только и смог вымолвить он.

— Помните о моих словах! — заметил Гоха, пока сопротивляющегося атамана волокли к шатру, видимо только что поставленному. — Пытки и смерть! И то, если мы решим проявить милосердие!

Итак, две группы разбойников остались стоять на песке под охраной всего лишь пары караульных.

— Мы проведем здесь всю ночь, — заметил Аладдин.

— Если наш предводитель не заговорит... — Гарун содрогнулся. — Тогда всех нас станут пытать, одного за другим!

— Проведем всю ночь, — продолжал Аладдин, — и нам следует отвлечься от наших бед.

— Точно зная, что лишились всего нашего золота, — невесело добавил Ахмед, — и что наших прелестных женщин вскоре ждет жестокое бесчестье!

Да! Женщины! Али-Баба не придавал должного значения словам Беспалого. Что сделает этот человек с женой Касима? Хуже того, что сделает он и его люди с Марджаной?

— Проведем здесь ночь, — гнул свое Аладдин (вот уж воистину он был человеком, у чьего верблюда горб может быть только один), — и можем рассказывать истории!

Видя такую целеустремленность, остальные разбойники поняли, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Что до меня, то я жду этого с нетерпением, — добавил чей-то голос. — Рассказывай же!

Дровосек не сразу понял, что голос этот исходит от камушка, лежащего в сумке Аладдина.

Аладдин прочистил горло, готовясь начать рассказ. Даже Али-Баба понимал, что последнюю в жизни ночь он мог провести и похуже.

Глава двадцать вторая, в которой Али-Бабу начинает раздражать, что побочной истории уделяется в рассказе столько места

— Итак, юный Аладдин, — снова начал повзрослевший герой истории, — послал свою мать к султану, лелея великие надежды жениться на прекрасной царевне.

Но не так все просто, как кажется на первый взгляд, и жизнь Аладдина не была исключением из этого правила. Ибо, как вы, возможно, помните, злой колдун возвратился в Марокко, где у него была собрана огромная библиотека магических знаний и великое множество таинственных предметов, благодаря чему он был непревзойденным мастером в своем деле. И вот, посоветовавшись со своими магическими книгами и зельями, он узнал, что мальчишка Аладдин не погиб в пещере, как думал маг, но при помощи джиннов кольца и лампы устроил исполненную великого комфорта жизнь себе и своей матери, и далее, что парень этот ждет не дождется, как бы сделать эту самую жизнь еще лучше, женившись на царевне.

Что ж, ничто в целом мире, этом и иных, не приводит магов в большую ярость, чем совершенная ими ошибка; и так было и с этим подлым колдуном, и он обрушил проклятия на голову славного Аладдина, и его работающей матушки, и всей страны Китай, в которой они жили. Но проклятиями сыт не будешь, и тогда колдун решил возвратиться в тот город, где

по-прежнему обитал Аладдин, и отнять у юнца всемогущую лампу на веки вечные. «Самое время для еще одной прогулки», — подумал мерзкий и злой чародей.

Но Аладдин и его матушка ничего не ведали об этих ужасных намерениях и действовали по собственному простому плану. Поэтому Аладдин взял деньги, оставшиеся от продажи столовой посуды, и нарядил свою мать в самые лучшие одежды, какие нашлись в этом городе. И далее велел он матери взять красивое белое блюдо и на это блюдо положить все те сказочные плоды, что набрал в волшебной пещере. Конечно же, они были такие необычные и красивые, что правитель должен был обратить на них внимание и выслушать прошение матери.

И вот мать его направилась в огромный зал дворца, где султан давал аудиенцию.

Тут Аладдин умолк, ожидая одобрения Гаруна, но старший из разбойников был настолько подавлен недавними событиями, связанными с пленением шайки, что, казалось, вовсе не слушал. Поэтому другой разбойник беспрепятственно продолжал:

— И там мать Аладдина встала в общий ряд, где всякие просители дожидались своей очереди вручить султану дары. И когда женщина услышала, как султан и его главный визирь обсуждают подношения тех, кто стоял перед нею, разум ее исполнился сомнений.

— А, всего лишь золотой поднос, — сказал султан при виде первого из даров. — Бросьте его в кладовую к другим таким же. Прощение? Да-да, отдайте его моему визирю. Что там у нас дальше? Бриллиант, не имеющий себе равных? Очень мило. Я положу его вот сюда, в корзину с другими подобными камнями. Прощение — визирю. Давайте взглянем на этот восхитительный подарок. О, да это же чудесная механическая птичка, сделанная из редкостных металлов и прекрасных драгоценных камней, которая открывает рот, и поет, и хлопает крыльями на своем насесте. Вы удивлены, что я смог разглядеть столько с одного лишь взгляда? Вот потому я и султан. Поставьте ее на тот стол, к семи таким же. Отдайте петицию и ступайте отсюда, пожалуйста. А тут у нас что?

И тут до матушки Аладдина дошло, что она и есть тот следующий проситель, о котором, должно быть, говорит султан. И хоть ей хотелось в этот миг самой сделаться птичкой, чтобы не стоять перед правителем со столь жалким даром, как эти детские игрушки, ноги ее от страха приросли к месту, а взгляд приклеился к ее собственным башмакам, так что вид у нее был самый подходящий для женщины, знающей, как правильно обращаться с прошениями к монарху.

И султан, на которого большое впечатление произвели ее учтивые манеры, обратился к ней мягче, нежели к тем, кто уже прошел перед ним.

— Чего ты хочешь от меня, любезная матушка? — спросил он.

— Я лишь хотела бы, чтобы ты принял этот скромный дар, что я принесла тебе от моего сына, — тихо ответила она, — и потом уделил минуту внимания его прошению, ибо оно идет из самой глубины его сердца.

— Конечно же, любезная матушка, — заверил султан, ибо кто может отказать матери, когда она ставит вопрос таким образом? — Не покажешь ли ты мне то, что принесла?

И тут мать Аладдина сбросила покрывало, которым она накрыла свой дар, и протянула ему блюдо, полное чудесных плодов. И ее очень удивила последовавшая за этим реакция не только султана и визиря, но и окружавшей их ближайшей свиты, ибо все они как один разом раскрыли рты.

Потом султан и визирь стали дивиться ее дарам, и она получила первое слабое представление об истинной сущности того, что держала в руках. Ибо те плоды, что лежали на подносе, оказались отнюдь не безделушками, но предметами столь невиданными и драгоценными, что даже такая чистая сердцем женщина, как мать Аладдина, пожалела на миг, что не отложила несколько штук себе на старость.

— Никогда не видел я таких драгоценных камней, — сказал правитель, справившись со своим изумлением. — Воистину они сделают меня султаном из султанов. — Но где же твоя петиция?

И тут матушка Аладдина протянула ему маленький клочок пергамента, на котором

своей больной натруженной рукой записала она прошение своего сына.

— Вот она, о могущественнейший из султанов! — сказала она ему, потупив взор, и подала ему записку. — Прошу, прочти на досуге это смиреннейшее из прошений.

Но султан покачал головой, говоря:

— Мы не станем этого делать, любезная матушка. Раз уж нам преподнесли такой дар, наше любопытство требует, чтобы ты высказала свою просьбу вслух и немедленно.

И тогда мать Аладдина дрожащим голосом передала желание своего сына, чтобы ему отдали руку царевны Будур. Многие придворные снова открыли рты от подобной дерзости, но султан продолжал улыбаться ей, даже когда она закончила говорить.

— Но кто такой этот Аладдин, — высказал сомнение визирь, ибо правитель именно для этого и держал его, — и почему мы не слышали о нем прежде?

Но султан не обратил внимания на его предостережения и сказал:

— Я готов благосклонно отнестись к юноше, который не красуется на публике, а проводит время в поисках подобных сокровищ, чтобы отдать их своему повелителю. Я и помыслить не могу о лучшем муже для царевны. — И, понизив голос, доверительно шепнул визирю: — Когда тебе встречается человек, способный раздобыть *такое*, лучше иметь его среди членов твоей семьи.

И султан дал матери Аладдина дозволение уйти и поделиться чудной новостью с сыном. И далее султан сообщил ей, что свадьба состоится, как только будут сделаны все необходимые приготовления, а они займут ровно неделю.

Когда Аладдин услышал добрые вести из уст своей дорогой матушки, он едва не сошел с ума от радости. Он решил, что не может больше сидеть в своем скромном жилище, и захотел провести еще один, последний, вечер с друзьями детства, чтобы в последний раз попинать ногой феску, прежде чем навеки стать знаменитым и высокопоставленным вельможей.

И вот матушка Аладдина осталась дома одна, и, возможно, все обошлось бы, ибо муж ее умер много лет назад и она привыкла коротать время в одиночестве. Но этот вечер был особенный, потому что всего лишь час назад злой колдун из Марокко возвратился в их город и решил, что ни перед чем не остановится, лишь бы раздобыть волшебную лампу.

И он пошел по улицам в тот квартал, где жили Аладдин и его мать, прикинувшись торговцем лампами, и громко-громко кричал: «Новую лампу за старую! Новую лампу за старую!»

А матушка Аладдина в этот самый миг очень разволновалась. Была ли то реакция на случившееся или же подлые происки магии колдуна — неведомо. Она начала размышлять о прекрасном дворце, в котором побывала днем, и о множестве замечательных даров, поднесенных султану. Без сомнения, в тот день, когда сын ее женится на царевне, подношения будут еще более щедрыми. Но что сможет преподнести она, бедная доселе женщина из нищего квартала, какой сделать подарок, чтобы он был под стать дивным дарам из дальних краев и заморских земель?

И тут она услышала крики колдуна:

— Новую лампу за старую! Новую лампу за старую!

«Вот что, — подумалось ей, — могло бы стать тем самым подарком». Сын ее, похоже, очень любит свою старую лампу. По какой-то причине он очень к этой вещи привязан. Она точно не помнит почему. Помнит лишь, что это как-то связано с ее обмороком. Но ее дорогой сын, конечно же, не станет держать в доме то, от чего его мать падает в обморок? А насколько приличнее будет выглядеть новая лампа! Если ее сын так дорожит этим помятым медным хламом, валяющимся в углу, насколько же счастливее будет он с новеньким светильником современного изготовления.

— Новую лампу за старую! — снова раздался крик. — Новую лампу за старую!

Она открыла дверь, и там, прямо у порога, стоял торговец лампами, словно знал, что она собирается сделать. Когда он улыбнулся, то показался ей почему-то знакомым, но она не могла припомнить, где и когда видела это лицо, поскольку тут не обошлось без магии.

Столь внезапным было появление колдуна, что она в страхе отступила на шаг. В конце концов, возможно, новая лампа — не самый лучший подарок. Она хотела было закрыть дверь. Но торговец лампами оказался проворнее и просунул ногу в щель между дверью и стеной.

— Новую лампу за старую! — весело сказал он. — Новую лампу за старую!

Что ж, матушка Аладдина прожила немало лет и знала, как вести торговые дела. Был лишь один верный способ убрать эту ногу из дверей. Поэтому она сдалась и решила хоть немного послушать устроенную этим человеком презентацию, прежде чем выставить его за дверь.

— Ладно, — сказала она, — расскажи мне про эти новые лампы.

И тут колдун улыбнулся самой обворожительной улыбкой и обрушил на женщину такой поток слов, что у матушки Аладдина не было никакой возможности собраться с мыслями, а уж тем более высказать эти мысли вслух.

— Взгляни на эту чудесную лампу! — говорил маг, демонстрируя образчик своего товара. — Яркая, сверкающая, новая, она может делать все то, что и ваша старая лампа, и даже больше. Она дает эксклюзивное регулируемое пламя. А сзади у нее есть специальное отделение, где можно хранить запасные фитили, а также нашу специальную тряпочку для чистки, уже покрытую толстым слоем золы, позволяющей начистить лампу за считанные минуты!

Та лампа, которую держал в руках торговец, выглядела чудесно, матушка Аладдина должна была это признать. И все же женщину что-то беспокоило. Может, у лампы ее сына было еще какое-то свойство, о котором она позабыла?

— И, как бы ни была прекрасна эта лампа, — продолжал торговец, — тебе она не будет стоить практически ничего. Благодаря любезности производителя этих ламп я могу в данный момент взять взамен любую старую лампу из твоего хозяйства без каких бы то ни было денежных доплат с твоей стороны. Да, ты, возможно, удивись, но я с радостью приму от тебя любую лампу, даже ту, совсем тусклую, которую я вижу в дальнем углу.

Матушка Аладдина взглянула на лампу, на которую указывал торговец, и нахмурилась. Воистину этот человек должен обладать великолепным зрением, что бы разглядеть эту тусклую лампу, лежащую в тени! О да, теперь она вспомнила! Эта лампа имела какое-то отношение к ее сыну. Она пыталась почистить ее, верно? Почему же она так и не довела это дело до конца? Должно быть, слой копоти на лампе оказался слишком толстым. Видимо, с ним было слишком много хлопот. Но почему она не может вспомнить все поточнее? И что там она только что думала насчет своего сына? Неужто годы сказываются на ее разуме так же, как на ее костях?

Но дело было не в ее возрасте, а в заклинаниях мага. Так как в дом этот он вошел с единственной целью — завладеть лампой и ее джинном, то и заклинания свои подготовил таким образом, чтобы всякие мысли, связанные с этим самым предметом, ускользали от понимания женщины.

— Новая лампа? — пробормотала мать Аладдина, настолько сбита с толку, что едва могла сложить слова в предложение. — Даже не знаю, стоит ли решаться на такое.

— Не надо ни на что решаться. Просто возьми ту лампу, — предложил торговец, словно это была самая естественная вещь на свете.

Почему-то мать Аладдина ощутила холод меди в своих ладонях. Да, она уже держала эту лампу в руках прежде. Вроде бы из нее шло много дыма. «Может, — подумалось женщине, — еще раз попробовать почистить ее?»

— Просто отдай лампу мне, — предложил торговец, словно это было единственно разумным поступком.

Каким-то образом в руках у нее очутилась новая лампа. От потрясения пожилая женщина едва не лишилась чувств.

— Но, — спросила она у торговца лампами, — что я скажу моему сыну Аладдину?

— Поверь мне, — ответил торговец, прежде чем она успела дальше сформулировать

свою мысль, — между этими двумя лампами даже никакого сравнения быть не может!

И с этими словами торговец лампами исчез так быстро, что мать Аладдина даже не заметила его исчезновения.

Вот так Аладдин лишился лампы, а вместе с нею и всех надежд на счастье, ибо маг, будучи человеком мстительным, использовал ту самую лампу, чтобы похитить у Аладдина его возлюбленную. Но юноша решил, что вернет себе лампу, а с нею и прекрасную царевну Будур!

— И это все? — осведомился Али-Баба. — Не самый счастливый конец. — Хотя, если подумать, коли дело и дальше так пойдет, ни у кого из них не будет истории со счастливым концом.

— Насчет счастливых концов не знаю, — устало бросил Аладдин. — Я знаю только, как было на самом деле! А было так, что я искал эту лампу и угодил в плен к сорока разбойникам.

— Как ни странно, — пробасил камень, пребывающий среди пожиток Аладдина, — во всей этой истории есть некая живительная трагедийная нотка. Хотя я и был частицей пещеры тысячи лет, но все-таки знаю о трагедиях так мало!

— Не думаю, что, будучи камнем, ты можешь много знать о чем бы то ни было, — возразил Ахмед хмуро.

— Вообще-то, — ответил камень с обидой в голосе, — я большой специалист по образованию осадочных пород.

— Не сомневаюсь, что это именно та тема, которая может увлечь нас надолго, — заметил разбойник.

Он кивнул в ответ некоторым из своих товарищей, которые уже приветствовали его кивками во время долгого повествования Аладдина.

— Ахмед? — окликнул голос из гущи сбившихся в кучу пленников. — Я узнал бы этот голос повсюду. Это ты?

— Синдбад? — в свою очередь спросил Ахмед.

Голос заверил Ахмеда, что он и в самом деле Синдбад.

— Как я рад, что снова нашел тебя, Ахмед, — сказал далее Синдбад. — Так трудно узнавать людей, когда все носят бороды.

— Мы снова оказались в довольно щекотливом положении, — заметил Ахмед.

— Нас тридцать четыре, — сообщил Синдбад, — а их сто двенадцать.

— У Синдбада всегда были способности к счету, — пояснил Ахмед. — Порой, как в нашей теперешней ситуации, мне бы хотелось, чтобы у него их не было.

— Бывало и похуже, — возразил Синдбад. — По крайней мере мы скрылись от королевы обезьян! — Он вздрогнул, хотя вечер был достаточно теплым. — Но я заговорил с тобой не только для того, чтобы возобновить знакомство. Я хотел поговорить с тем, кого когда-то звали Аладдином и кого будут звать Аладдином снова, ибо у меня есть план, благодаря которому все мы снова обретем свои имена.

— Значит, способности к счету породили грандиозные замыслы в твоей голове? — весело спросил Ахмед.

Но Синдбад ответил со всей серьезностью:

— Лишь такие замыслы, в возможности осуществления которых я уверен. Видите ли, я, кажется, знаю, где находится лампа Аладдина.

Глава двадцать третья, в которой предметы начинают прыгать, и люди тоже

До этого момента дровосек и не сознавал, что понемножку засыпает. Но тут он услышал про лампу Аладдина. Такая новость сначала заставила Али-Бабу проснуться, а затем всецело завладела его вниманием. Волшебная лампа в комплекте с джинном — это же даже лучше золота под полом его кухни! Возможно, это спасение и для него самого, и для

его товарищей-разбойников, не говоря уже о жене Касима и тем более Марджане.

— Ты знаешь про лампу? — вскричал Аладдин. — Она в надежном месте?

— Надежнее и быть не может! — успокоил его Синдбад.

— И это место легкодоступно? — спросил далее Аладдин.

— Ну, если нам удастся сбежать из плена, до места мы доберемся без особых проблем. Вот завладеть лампой будет посложнее.

Из стоящего поодаль шатра до разбойников доносилось повторяемое нараспев «Грязнуля! Грязнуля! Грязнуля!».

Раздался хриплый протестующий вопль — и монотонное бормотание возобновилось.

Али-Баба оглянулся на двух стражников, разложивших небольшой костерок, чтобы защититься от надвигающейся ночной прохлады. Уже некоторое время те были поглощены игрой в «верблюжий горб», причем один стражник все время кидал кости, а второй во множестве проигрывал динары, и все это время от времени перемежалось возгласами: «У меня горб!» Пока эти двое полагают, что разбойники связаны, они не станут тревожиться.

— Ну и где же моя лампа? — поинтересовался Аладдин.

Синдбад хмуро взглянул на двух стражников и на шатер за их спинами.

— Я скажу тебе, когда мы выберемся отсюда. Не хочу, чтобы нас услышали те, кому этого знать не нужно.

— Все это замечательно, — перебил Ахмед, — но остается один маленький вопрос. Мы по-прежнему пленники, и нас охраняют вооруженные стражи. Нам понадобятся мечи, чтобы перерезать веревки, а потом отбиваться от людей Гохи, сколько бы их ни было.

— Значит, мы останемся здесь навсегда! — невесело сказал Аладдин.

— Но ведь есть одно кольцо, — напомнил Ахмед, — которое могло бы помочь нам, если бы владелец смог припомнить его происхождение.

Аладдин непонимающе смотрел на него, словно слово «кольцо» было ему совершенно неизвестно.

— Если ты не хочешь потерять его сам, — продолжал Ахмед с некоторой досадой, — протяни руку, и я с радостью сделаю это.

Но вместо этого Аладдин в ужасе отпрянул.

— Я не занимаюсь такими делами! Я без пяти минут женатый человек!

Али-Баба, не вполне уверенный, что разговор зашел в нужное русло, придумал другой способ справиться с проблемой.

— Я знаю одного человека, — сказал он, — руки которого свободны, возможно даже более свободны, чем ему хотелось бы. — И обратился к корзине, лежащей примерно в полудюжине шагов от него, там, где бросил ее человек в белом, не сумевший понять ее истинной значимости: — Касим!

— Мм? — отозвался из корзины его брат, тоже, судя по всему, перенесшийся в страну грез. — Не припомню, чтобы я с кем-нибудь вел беседы. Конечно, того, что я разрезан на части, мало! И того, что потом у меня отобрали все мои любимые вещи, тоже недостаточно! Теперь люди еще критикуют мой вкус! Это уж вовсе отвратительно и совершенно непереносимо!

— Но стражники не обращают на нас внимания, — торопливо сказал Али-Баба.

Одновременно он свирепо взглянул на Ахмеда, прежде чем парень успел брякнуть что-нибудь насчет владельцев некой посуды, которые уж точно лучше осведомлены насчет отвратительного. Ахмед лишь улыбнулся и пожал плечами.

— Это наш шанс бежать, — убеждал дровосек брата. — С твоей помощью мы сможем удрать отсюда.

— Не уверен, что меня это интересует, — резко ответил Касим. — Чтобы освободить вас, моим частям тела придется поползть по песку. Помимо неприятностей, которыми это грозит моим ранам, слишком велика вероятность, что меня разоблачат. Меньше всего мне хочется, чтобы мои части разрубили на части. Пожалуй, вам стоит попросить о помощи кого-нибудь, чьи вкусы вам более близки.

Дровосек бросил взгляд на стражников, но те отвернулись к шатру, прислушиваясь к хору голосов, скандирующих «Грязнуля! Грязнуля!».

— Но с твоей помощью, — продолжал настаивать Али-Баба, — мы сможем добыть лампу Аладдина!

— Вот тут, — признал голос из корзины, — наши вкусы могли бы наконец совпасть. Эта лампа в самом деле такая, как рассказывал про нее разбойник?

— Мне показалось, что силы ее безграничны, — признал Аладдин.

— Значит, лампа сможет вновь сделать меня целым? — спросил Касим с надеждой.

— Кто знает, что джинн может сделать, а что — нет, — ответил Аладдин. — Но, учитывая, что он способен пронести сквозь землю и мгновенно добывать во множестве еду и золото, я думаю, что и срастить тебя он сможет в один миг.

— На крайний случай, — добавил Ахмед, прежде чем Али-Баба смог снова сверкнуть на него глазами, — он, наверное, сможет раздобыть нам слепого портного.

— Что ж, следует признать, что в этом мире вкусы у всех разные, — изрек Касим. — Вы уверены, что уже достаточно стемнело, чтобы скрыть мои передвижения?

Али-Баба осмотрелся. Пока они разговаривали, наступила настоящая ночь, и теперь лишь у самого горизонта виднелась узкая красная полоска.

— Проблем быть не должно, — ответил дровосек. — Глаза стражников слепит пламя костра, и они не ждут подвоха от корзины.

— Грязнуля! — донесся вопль из шатра. — Грязнуля!

— Нет! — вскричал в ответ первый из разбойников. — Я больше не могу!

— Знаете, — сообщил камень, лежащий среди вещей Аладдина, — участвовать в приключениях, похоже, еще интереснее, чем слушать истории. Мне и впрямь стоило бы почаще отсылать от себя свои частицы.

Касим в своей корзине что-то тихонько бормотал.

— Прошу прощения, подождите минутку, — с явным усилием выдавил он. — Крышка надета очень плотно. Боюсь, я втянул ее внутрь, когда получил по голове этими монетами. Теперь я должен расплачиваться за свою злость. По-моему, чтобы выпутаться из этого затруднительного положения, мне придется опрокинуть себя. Если только я смогу высвободить руки, то мигом это сделаю.

— Не спеши, — ответил Ахмед. — Мы всегда можем побеседовать с камнем.

— Должен вам сказать, — высокомерно отозвался кусок скалы, — что у меня широкой круг интересов.

— Осадочные породы, — подтвердил Ахмед.

— Может, — бормотал Касим, — если бы еще раскатать ее ногами...

Корзина ходила ходуном. Стражники были заняты игрой и не обращали на нее внимания.

— Еще я много чего знаю про окаменелости, — небрежно заметил камень.

Али-Баба услышал очередной вопль. Сначала он решил, что этот шум тоже донесся из шатра, но, когда крик повторился, дровосек понял, что суматоха поднялась среди разбойников из другой группы.

— Я часами могу говорить о магме, — продолжал перечислять кусочек гальки.

— Я почти справился, — сообщил Касим. Его корзина отчаянно раскачивалась, но каким-то чудом продолжала удерживаться стоймя. Им повезло, что другие разбойники подняли шум, поскольку это отвлекло внимание стражников. — Падай, падай, падай, падай! — уговаривал свое вместилище старший брат лесоруба.

— Возможно, я мог бы поведать вам истории некоторых знакомых мне сталагмитов, — завершил камень. — Скажите, я в самом деле слышу какой-то шум?

— Ага! — торжествующе воскликнул Касим, корзина его опрокинулась, крышка слетела с нее. — Теперь я смогу приступить к делу! — И с этими словами различные части его тела поползли вперед.

Хотя Али-Баба и представлял, как выглядит теперь его брат, смотреть на это

копошение в песке ему все же не хотелось. Он перевел взгляд на другую группу разбойников, которые теперь почти непрерывно что-то кричали, а из середины их толпы разливалось жуткое зеленое свечение.

Странная иллюминация привлекла всеобщее внимание. «Это, — подумал дровосек, — добрый знак». Однако на странный свет и порожденный им переполох среди стражников и разбойников от дальнего шатра уже бежала подмога. «А это, — решил дровосек, — знак совсем не добрый».

Но тут вопли зазвучали с новой силой. Ибо зеленое свечение поднималось над всеми, пока не обрело очертаний человеческой фигуры.

— Колдун! — воскликнул Аладдин, высказывая вслух то, о чем подумали все.

И тут маг расхохотался и заложил в воздухе большую петлю над стражниками и пленниками, пролетев прямо над Али-Бабой и теми, кто стоял рядом с ним.

— Это *мой* колдун! — сообразил вдруг Аладдин.

Маг, которого он узнал, устремился к шатру и, спикировав, проскользнул под откидное полотнище, закрывающее вход. Изнутри донеслись вопли ужаса и тревожные крики. В следующее мгновение чародей вылетел обратно, но на этот раз он нес предводителя всех разбойников.

— Теперь посмотрим, кто из нас грязнее! — торжествующе прокричал первый среди разбойников оставшимся внизу, и маг со своим пассажиром быстро поднялся ввысь, где он был недосыгаем для стрел лучников Беспалого.

Мгновение все изумленно глазели на этот волшебный побег. А потом это мгновение миновало, и люди в белом накинулись на Али-Бабу и его спутников.

— Даже не мечтайте бежать! — кричали они. И еще: — Мы узнаем, где золото, даже если нам придется попытать каждого из вас по очереди!

Но случившееся было чем-то большим, нежели просто побегом, и многое вдруг изменилось. Теперь, когда колдун исчез, Али-Баба понял, что должен бежать от этих прислужников Беспалого, сбрить бороду и вернуться как-нибудь к нормальной жизни. Гарун аль-Рашид рассмеялся и сказал, что вспомнил забавную историю. Впрочем, он помнил их великое множество.

— Это был мой колдун, — ликующе повторял Аладдин, — и у меня есть кольцо!

— Говорить, только когда вас спросят! — кричали люди в белом, один из которых пнул Гаруна, а другой отвесил пощечину Аладдину. — Вопросы здесь задаем мы!

И тут же задали вопрос:

— Что это за пустая корзина? Что в ней было? — Стражник, поднявший корзину, поднес ее поближе к лицу, чтобы рассмотреть. — Тьфу! Какой мерзкий запах!

«Итак, маг исчез, — подумал Али-Баба, — а с ним вместе и все его заклятия. Теперь многое может случиться, если бы только удалось развязать веревки. Но где же мой брат?»

— Эй, ты! — крикнул один из людей в белом Али-Бабе. — Перестань ерзать, а то хуже будет!

Однако Али-Баба вообще не двигался.

Но что это за странное ощущение в области спины?

С некоторым изумлением дровосек понял, что под одеждой у него что-то — или кто-то — есть!

Глава двадцать четвертая, в которой наши герои мало что выигрывают от сотрудничества с джинном

В том, что случилось дальше, Али-Баба сумел разобраться лишь впоследствии.

— Я же, кажется, сказал тебе не шевелиться! — зло продолжал один из захвативших их в плен. — Хотя совершенно не представляю, как ты ухитряешься так извиваться.

Но тут дровосек на время был избавлен от его гнева, поскольку стражник заметил

преступника еще худшего.

— Стой! Что ты там делаешь на земле?

— Тебе нипочем меня не поймать! — дерзко ответил голос Касима. — Я укачусь!

— Это ты так думаешь, — самоуверенно бросил охранник. — Но сначала я сверну тебе шею! — Он быстро нагнулся к голове и воскликнул: — Да у тебя нет шеи!

— Я свободен! — объявил Ахмед справа от Али-Бабы. — И я буду драться за свою свободу!

— Я ухвачу тебя за бороду! — взвизгнул разъяренный стражник.

— Я свободен! — сообщил Гарун аль-Рашид. — И я буду биться за свое право рассказывать забавные анекдоты!

— Ой-ой! — Стражник отдернул руку от земли. Не он схватил Касима, а Касим его, и к тому же зубами.

Дровосек почувствовал, что веревки у него на запястьях ослабли.

— Брат мой! Ты один можешь стоять шестерых разбойников! — восхищенно сказал Али-Баба, в то время как рука поползла дальше, развязывать следующего.

— Отпусти мой палец! — потребовал стражник.

Но другие части Касима продолжали делать свое дело.

— Мои руки свободны! — вскричал Аладдин. — Теперь я потру кольцо!

Тут же повалил багровый дым, и из этого дыма громыхнул оглушительный голос:

Я раб кольца, служу его владельцу я исправно.

Что у тебя стряслось, хозяин достославный?

Чего изволишь, хозяин, чего изволишь?

Дым рассеялся, являя взорам существо столь темного цвета, что свет отказывался отражаться от его тела. Существо открыло глаза — два красных огня, сверкающих, будто солнце.

— Джинн, желание мое таково! — Прежде чем продолжить, Аладдин отбросил одного из стражников в белом ловким ударом ноги. — Я хотел бы, чтобы ты освободил нас из неволи и перенес на другую сторону этой пустыни!

Джинн кольца кивнул:

— Это довольно простое задание, вот только ты не уточнил, кого имеешь в виду под «нами».

— Ага. — Аладдин дал подножку второму противнику и ткнул третьего кулаком в живот. — Значит, качество исполнения желания зависит от точности формулировок?

— Джинн хорош ровно настолько, насколько хороши отдаваемые ему приказания, — ответило чернокожее существо. — Это важное замечание. Ты сильно повзрослел со времени нашей последней встречи.

— Подбрасывание фески осталось в прошлом, — подтвердил Аладдин. — Но ты хотел уточнить, что я имею в виду, говоря «нас»?

— Нельзя ли побыстрее? — попросил Ахмед, сталкивая лбами две головы в белых тюбанах.

— Так, значит, мы. — Поскольку Аладдин по природе своей был человеком щедрым, даже после того как столько лет был разбойником, он сказал: — Все люди, одетые в черное.

— Все тридцать четыре человека? — пророкотал джинн уже не столь уверенно, как раньше. — И один из них — по частям?

— Постойте! — воскликнул Али-Баба. — Нас же больше!

— Больше? — повторил джинн, совсем падая духом. — Вы хотите, чтобы я перенес заодно еще и этих людей в белом?

— Конечно нет! — возмутился дровосек. — Но как же женщины?

— Разумеется! — тут же согласился Аладдин. — Надо забрать женщин.

— Еще семь? — Джинн на миг умолк, исторгнув из глубины души рокошующий стон. —

Прекрасно. Твое пожелание для меня — закон. Я перенесу вас, насколько это будет в моих силах.

И тут Али-Бабу и его спутников окутал дым.

Но почти сразу же дым этот рассеялся.

— Они перескочили! — раздался вопль где-то рядом.

Ибо случившееся с ними и впрямь можно было назвать скачком, поскольку люди в белом оказались совсем неподалеку!

— Мы же едва сдвинулись с места! — воскликнул Ахмед.

— Я сказал бы, на восемь с половиной локтей, — тут же прикинул Синдбад.

Люди в белом издали воинственный клич и приготовились кинуться в новую атаку. В довершение ко всем бедам Али-Баба заметил, что джинн исчез.

Но не все вокруг дровосека поддались панике. Ахмед, похоже, был всецело увлечен молодой женщиной, появившейся рядом с ним.

— Это ты, Марджана?

— Ты — друг моего хозяина? — скромно отозвалась она, потупив взор и рассматривая носки своих туфель. Али-Баба ни разу не видел свою служанку столь кроткой.

— Так просто им не уйти! — прокричал Беспалый, размахивая искалеченной рукой над головой. — Хватайте их!

Аладдин поспешно потерял кольцо еще раз. Воздух наполнился багровым дымом.

Хозяину кольца готов я услужить,
Но объясните мне, зачем же так спешить?
Чего изволишь, хозяин, чего изволишь?

Но прежде чем высказать желание, Аладдин задал вопрос:

— Ты способен лишь на то, чтобы перенести нас на восемь с половиной локтей?

Джинн пожал плечами:

— Вас слишком много. А силы мои, к несчастью, весьма ограничены. Что до меня, я полагаю, это оттого, что я тысячами был заточен в кольцо. Подобные вещи не способствуют росту магического мастерства.

— Прошу прощения, что мы тебя слишком обременяем, — извинился Аладдин, — но не мог бы ты перенести нас снова?

— Твое желание, как говорится, для меня закон, — ответил джинн, разом дерзко и смиренно, — во всяком случае, такое желание, которое в моих силах.

Их снова заволокло багровым дымом. Но дым исчез, пожалуй, еще быстрее, чем прежде. И на расстоянии жалких восьми или около того локтей от них оказалась толпа окончательно рассвирепевших воинов Беспалого.

— На этот раз они от нас не удержат!

Но они удрали.

О нет, я быть рабом кольца не перестал,
Но от заданий ваших малость я устал.
Теперь что, все время так будет?

— Конечно!

Процедура эта повторялась снова и снова, пока Аладдин не вынужден был сделать перерыв, чтобы облизать палец с кольцом, разогревшимся от сильного трения. И по мере продолжения погони воинство Беспалого уставало, ибо они бежали под жарким солнцем пустыни, в то время как спутники Аладдина сохраняли свежесть, поскольку их несла сторонняя сила, так что Гоха и его люди все больше отставали, а их кроважидные угрозы и посулы всяческих кар все чаще сменялись тяжелым дыханием и мольбами о воде.

— Они не... — сумел выдавить Беспалый, поскольку большинство его подчиненных

говорить уже не могли. — Мы их... они пожалеют... реки крови... тьфу ты!

И он свалился тоже.

Али-Баба некоторое время вглядывался в цепочку из белых тел, усеявших пустыню.

— Там, вдали, роща! — сообщил остальным Гарун, ибо был наделен дальнорочностью, столь распространенной среди пожилых. — Мы добрались до плодородного края. Джинн спас нас.

— Тогда, пожалуй, — отозвался Аладдин, — дадим отдохнуть и джинну, и моему пальцу и немного прогуляемся пешком. Только поспешим, ибо мне кажется, есть вероятность, что кто-нибудь из наших преследователей может еще прийти в себя.

— О деверь мой! — бросилась к Али-Бабе жена Касима. — Наконец-то настал момент, когда я смогу отблагодарить тебя за ту роль, которую ты сыграл в спасении женщин из грязных лап Беспалого. — Она содрогнулась, наивыгоднейшим образом продемонстрировав все свои прелести. — Я жду не дождусь, когда у нас будет возможность продемонстрировать, насколько мы тебе признательны. И дозволено ли мне будет упомянуть, каким ты стал красивым с этой бородой?

— Нет, не дозволено! — завопила голова Касима. — Для вас всех, может, и здорово выбраться оттуда, а я? Мне что, так и ползти по этой пустыне? Твой долг как моей жены вынести меня отсюда!

— Не думаю, что смогу это сделать при моем хрупком телосложении, — ответила его жена, — не говоря уже про мой слабый желудок. Ты слишком много дней пробыл на солнце, о супруг мой, и слегка протух.

Али-Баба быстро оглядел всю компанию. Джинн, перенося их, корзину Касима, несомненно, не взял.

— Боюсь, — сказал дровосек, — что мы потеряли твое транспортное средство.

— Я что, теперь должен ползать до скончания времен? — в отчаянии спросил Касим. — Задумайтесь, о разбойники! Без моей помощи вы не сумели бы бежать! Самое меньшее, что вы можете сделать в знак благодарности, — снова собрать меня воедино.

Все согласились, что требование Касима вполне правомерно и что случай, действительно, самый подходящий.

В ответ на единодушное согласие товарищей Аладдин кивнул.

— Пожалуй, учитывая обстоятельства, — задумчиво сказал он, — я могу обратиться к джинну еще один, последний раз.

И он потерял кольцо снова, и из того вылетело некоторое количество багрового дыма, и Али-Баба мог бы поклясться, что дым был теперь отнюдь не такой густой, как раньше. А когда дым рассеялся, перед ними снова стоял огромный темный джинн, хотя теперь он, казалось, как-то съежился. И вот что джинн сказал им:

Я раб кольца и рад служить вам чем-нибудь,
Но только можно мне немного отдохнуть?
Я столько лет проспал внутри кольца,
А тут вдруг порученьям нет конца!
Скажу вам честно, я изрядно притомился.
Всевышний! Извините. Я забылся.
Чего изволишь, хозяин, чего изволишь?

— У нас к тебе всего одна последняя просьба, о могущественный джинн, — сказал Аладдин. — Этот человек, из-за жестокости нашего прежнего хозяина разрубленный на шесть частей, помог всем нам избежать ужасных пыток и смерти. Взамен он просит, чтобы его вновь сделали одним целым. Ты мог бы справиться с такой задачей?

— Мог бы, — подтвердил джинн, — если бы не таскал целый день сорок одну живую душу по раскаленной пустыне. — Джинн вздохнул, исторгнув звук, с которым дух расстается с одряхлевшим телом в миг смерти последнего. — Я слишком измучен этими

хлопотами, чтобы заниматься магией. Позволь мне немного отдохнуть, сидя у тебя на пальце. Я практически мигом восстановлю силы.

Касима такой ответ совсем не порадовал.

— Значит, у меня нет другого выбора, кроме как тащиться за ними следом по частям?

— О, перестань, — ответил джинн. — Возьми себя в руки. Не понимаю я порой вас, людей. Я вижу здесь множество пустых бурдюков для воды. Кругом столько мужчин с крепкими спинами, они, конечно же, смогут нести тебя.

«И это, — подумалось Али-Бабе, — говорит покорный джинн?» Он слышал прежде немало историй про этих духов и про то, как они восставали против своих хозяев, требовавших слишком многого, или попадали под влияние жестокосердных людей.

— Пожалуй, — сказал он поэтому, — пора дать нашему волшебному покровителю отдых, о котором он так настойчиво просит.

Темное создание одобрительно кивнуло.

— Это и в лучшие времена сложное заклинание, оно скорее по силам кому-нибудь из моих старших собратьев. Ну, вы знаете, вроде того типа из лампы. Хотя соединить живую плоть с живой плотью — всегда задача трудная, особенно после того, как он столько прополз по песку.

— Но разве ты не можешь просто щелкнуть пальцами и повелеть: «Стань единым целым!»?

— Все не так просто, — ответил джинн довольно раздраженно. — Пожалуй, вам лучше было бы прибегнуть к услугам слепого портного. А я для колдовства слишком устал. Пожалуйста, обращайтесь утром.

И с этими словами он исчез.

Аладдин взглянул на далекие деревья.

— Думаю, нам пора в путь.

Словно в ответ на его слова откуда-то из пустыни донесся слабый крик. Без сомнения, это был голос одного из их обессиленных, но продолжающих погоню врагов.

— И предлагаю поторапливаться, — добавил Аладдин.

Книга третья История всех

Глава двадцать пятая, в которой кое-что забирают, хотя денег за это не платят

— Но где мы? — спросил Али-Баба, ибо даже его, дровосека, хорошо ориентирующегося на местности, сбил с толку устроенный джинном перелет.

— Я уже бывал здесь, — заметил Гарун. — Когда поживешь с разбойниками с мое, везде побываешь. Я думаю, мы неподалеку от пещеры, где хранится все наше золото.

— И что нам теперь делать? — спросил Ахмед у остальных. — Мы могли бы оставить эту жизнь в прошлом, сбрить бороды и сменить черные халаты на приличную одежду. — Он взглянул на Марджану, которая по какой-то причине бо?льшую часть времени проводила в его обществе. — У нас нашлись бы причины начать жизнь заново.

— Но как же золото? — возразил один из разбойников. — Не то чтобы всем нам хотелось остаться членом этой шайки навеки, но раз уж это золото здесь, кто более достоин владеть им, чем те, которые столько трудились, чтобы добыть его?

— Есть среди нас и такие, — сказал разбойник, которого когда-то звали Синдбадом (и возможно, теперь снова станут называть этим именем), — кто не уверен, что хочет слишком долго засиживаться на одном месте.

— Но не можешь же ты, — начал Ахмед, — до сих пор бояться...

— Королева обезьян повсюду! — заявил Синдбад, и глаза его расширились от страха.

— О, перестань, — укорил его Ахмед. — Я был рядом с тобой в бегах все те долгие месяцы, пока нас не схватили разбойники. За все это время королеве обезьян удалось поймать тебя всего шесть раз. — Он задумался. — Или семь?

Но Синдбад не успокаивался:

— Тебе легко говорить! Тебе не доводилось чувствовать на себе эти лапищи! А эти жуткие поцелуи! — У Синдбада был такой вид, словно он слишком много времени провел на солнце. — И потом, когда она наваливается на тебя всем своим весом! — По выражению его лица было ясно, что он не в силах заставить себя добавить еще что-нибудь.

Тогда Ахмед спросил:

— Но если королева обезьян так настроена заполучить тебя, почему она ни разу не нашла тебя за все это время?

— Тут, — пояснил Синдбад, — меня спасли разбойники. Думаю, ее спугнуло то, что нас так много.

— Но мы просто обязаны продолжать путь, — настаивал Ахмед. — Не должны все наши странствия, все, чего мы достигли, окончиться вот так!

«Вот опять, — подумал Али-Баба, — этот разговор про странствия». Он уже спрашивал насчет этого раньше и получил какой-то уклончивый ответ. Но теперь, когда они избавились от своего ужасного главаря, он не мог больше таить вопросы в себе, ибо теперь доверял этим людям как собственному брату, на самом деле — даже больше, учитывая, что братом его был Касим.

— Так, значит, — спросил он у Синдбада, который был вообще-то довольно тощий и совсем не походил на процветающего торговца, какими представлял их себе Али-Баба, — ты и есть тот самый легендарный Синдбад?

Но поскольку Синдбад, похоже, все еще был всецело поглощен жуткими воспоминаниями о королеве обезьян, за него ответил Ахмед:

— О нет, нет, тот был куда старше и имел обыкновение считать себя моим хозяином. Мы отправились в то путешествие, ну, ты знаешь...

— Похоже, — сказал камень, лежащий среди вещей Аладдина, — тут многим есть что порассказать!

И вот, пока они все вместе выходили из пустыни, Ахмед начал рассказывать историю про поразительное восьмое путешествие Синдбада-морехода, и про то, как были наконец исправлены все бесчисленные ошибки, совершенные во время предыдущих семи путешествий, и про пленение одного чрезвычайно надоедливой джинна по имени Оззи.

И на этот раз Синдбад присоединился к рассказу, поведав о женщине в паланкине, той самой женщине, в которую он влюбился. Ее звали Фатима. И что ему было известно о ней? Ее смех, возможно, и звучание ее голоса, и изящный взмах ее руки. Что еще нужно мужчине, чтобы влюбиться? Но потом, во время великих потрясений, где были замешаны магия и сверхъестественные существа, он потерял ее при очень загадочных обстоятельствах, а на ее месте оказалась королева обезьян.

— С тех пор королева следит за каждым моим шагом, — завершил свой рассказ Синдбад. Он помолчал немного, прежде чем добавить: — То есть она делала это вплоть до последнего года или около того, который я провел среди разбойников.

— Это воистину удивительная история, — признал Али-Баба. — Но мы прошли уже немало, а куда именно мы идем?

— Я веду вас к той магической пещере, — откликнулся Гарун, шагавший во главе их отряда, — ибо, хоть мы никогда не оставались там дольше, чем на несколько часов кряду, все же это ближайшее из мест, которое мы можем назвать своим домом. — Он умолк и издал деликатное покашливание, как, Али-Баба был уверен, имел обыкновение делать, когда жил во дворцах. — К тому же я надеюсь получить свою справедливую долю добычи.

— Именно туда мы должны идти, — согласился Синдбад, — поскольку как раз там я и видел лампу Аладдина.

— Она там?! — изумленно и недоверчиво воскликнул Аладдин. — Значит, вот и

причина появления этого ужасного колдуна, поскольку главной задачей своей жизни он считал заполучить волшебную лампу. Странно, как все наши истории сплетаются воедино.

— Но это очень хорошо, — добавил камень, лежащий у него в сумке. — Все происходящее оказалось куда занятнее, чем я представлял.

Так, значит, они вернутся туда, где начались приключения Али-Бабы. Много раз за время бесконечной тряски на конской спине ему хотелось проклясть тот день, когда он впервые стал подглядывать за этими разбойниками, положив начало событиям, навеки изменившим его судьбу. Однако теперь, если задуматься, все оказалось не так уж и плохо, да к тому же еще у него под кухней припрятано довольно приличное количество золота.

— И еще там рукой подать до Дворца Красавиц, — тихо добавила Марджана, идущая рядом с Ахмедом, — который, судя по словам вашего бывшего атамана, находится в самой глубокой части пещеры.

— Значит, в пещере полно золота и красивых женщин? — недоверчиво спросил Али-Баба. — Но зачем?

Он услышал вздох из сумки с пожитками Аладдина.

— Увы. Эта пещера всегда была такой. Хотя и огромная, она, боюсь, всегда считала себя хуже других. И подобным образом она пытается приукрасить себя.

— Прости, если я что-то неправильно расслышал. — Али-Баба был просто поражен подобным откровением. — Ты сказал, что у этой пещеры есть чувства?

— Пещеры ничем не отличаются от людей, — ответил камень. — Ну, разве что они немного похитрее. И у них много недостатков. Однако, если говорить о чувствах, пещерам хочется того же, чего и всякому мыслящему существу: внимания, чувства собственной значимости, возможно даже любви.

— Но с чего бы той пещере чувствовать свою ущербность? Я был внутри нее, она воистину грандиозна.

— Все, что ты говоришь, верно, но она лишена лучших черт подземных гротов. У нее нет высоких сводчатых потолков, например, а ее сталагмиты в общем и целом довольно посредственного качества.

Камень снова вздохнул, приводя Али-Бабу в замешательство. То, что эта штука разговаривает, уже достаточно скверно, но как может вздыхать то, что вообще не дышит? Однако камень продолжал:

— Всем и каждому из нас хотелось бы в чем-то быть лучше, чем мы есть. Я лично предпочел бы быть кварцем.

Но у Али-Бабы оставались еще вопросы насчет той странной эмоциональной подземной полости.

— Я уже слышал, что пещера оживила части моего брата и что она так, бывало, уродовала людей, что головы у них на плечах оказывались затылками вперед, а руки росли из ушей. Но какую власть имеют эти пещера и дворец над разбойниками?

Теперь был черед Гаруна отвечать.

— Над большинством из нас — никакой. Истинную власть она имеет лишь над первым среди разбойников.

— Значит, она наложила на него заклятие? — предположил Али-Баба. — Я помню одну историю, там сердце человека было заперто в башне, так что никто не мог убить его.

— Вообще-то это моя история, — сообщил один из разбойников.

Сперва Аладдин, потом Гарун аль-Рашид и Синдбад, теперь это. Али-Баба был поражен.

— Неужели у каждого из разбойников есть своя история? — спросил он.

— Как ни странно, да, — ответил другой разбойник. — В моей речь идет о волшебной рыбе, которую я выловил, трижды закинув невод в Мертвое море.

— А моя в значительной степени связана с волшебным ковром, — заметил еще один, — и тремя девами в потайном саду.

— Моя тоже имеет отношение к саду, — добавил следующий разбойник, — и к одному

очень специфическому цветку. Не говоря уже о кольце, затейливой шкатулке и хитром змее.

Снова и снова звучали голоса разбойников, перечисляя истории, полные чудес и опасностей, пока Али-Баба не начал чувствовать себя слегка ущербным, ибо успешное похищение им золота из волшебной пещеры казалось таким пустяком в сравнении с драматизмом и многообразием судеб окружавших его людей.

— Да, — подвел итог Гарун, — у каждого своя история.

— По крайней мере, у каждого из сорока разбойников, — уточнил Ахмед.

— Как бы то ни было, — рассмеялся камень, — я прекрасно проведу время.

— Но ты говорил про предводителя разбойников, про то, как он оказался во власти этой заколдованной пещеры.

— Ах да, ты был почти прав в своих догадках насчет нашего главаря, ибо пещера хранит в себе часть его.

— Но ведь не сердце же.

— Гораздо хуже, — ответил Гарун. — Пещера завладела его печенью.

Али-Баба разинул рот в безмолвном изумлении.

— Древние греки, кажется, полагали, что печень — средоточие любви, — пояснил Гарун. — Или селезенка. А может, это были римляне. С другой стороны, кому дано понять истинные мотивы волшебной пещеры?

— Но как же он живет? — спросил Али-Баба.

— Он имеет брата, разрубленного на шесть кусков, — вставила голова Касима из меха для воды, — и еще спрашивает, как кто-то живет без такой мелочи, как печенка!

— Я вовсе не собираюсь прерывать вашу ученую беседу, о хозяин, — перебила Марджана, — но мне показалось, я должна упомянуть, что уже смеркается, и было бы разумным нам в ближайшее время поискать себе убежище.

Али-Баба подумал, что это куда больше похоже на ту Марджану, которую он знал многие годы: скромно, но в самую точку. Пожалуй, как бы дурно ни сказилось на ней пребывание в плену у главаря разбойников, со временем все это пройдет. И все же он до конца успокоится лишь после того, как найдет время поговорить с нею, а возможно даже, лишь после беседы с той, которая старше, мудрее ее, но от этого не менее привлекательна, — с женой Касима. Она, вероятно, сумеет взглянуть на все случившееся под верным углом зрения.

— Я понимаю твое беспокойство, юная госпожа, — заявил Ахмед, — поскольку уверен, что ты вела довольно замкнутый образ жизни и не слишком сведуща в вопросах вольного существования. Позволь заверить тебя, что здесь ты под моей защитой, моей и еще более чем тридцати мужчин, которые, будучи хорошими людьми, вынуждены были вести разбойничью жизнь на протяжении многих месяцев, а то и лет.

— Вынуждены, — согласился один из бывших разбойников. — Это точно.

— И теперь, избавившись от первого среди разбойников, мы никогда не станем грабить снова, — добавил другой.

— После того, конечно, — вставил третий, — как заберем золото из пещеры.

— Но это не грабеж, — возразил четвертый. — Вовсе нет. Я имею в виду: нельзя же украсть то, что ты уже украл, правда?

— Я понял твою мысль, — подхватил первый. — Ну, тогда вообще все замечательно.

— Я так рада слышать, что все вы готовы защитить меня, — сказала Марджана. Она глядела на Ахмеда, и глаза ее казались теперь просто огромными. — Зная это, я чувствую себя в полной безопасности.

«Нет, — решил Али-Баба, — с его юной служанкой что-то не так. Какие ужасные пытки могли вызвать в ней столь пугающие перемены?»

— И все же, — задумчиво проговорил Аладдин, — мысль насчет того, чтобы поискать местечко для ночного отдыха, не так уж плоха. — Он умолк и огляделся, поскольку они шли уже достаточно долго, чтобы оказаться теперь среди деревьев. — Мы ведь приближаемся к пещере, верно?

— Думаю, что она совсем рядом, — ответил Гарун.

— Тогда, пожалуй, как только найдем какую-нибудь подходящую рожицу, там и остановимся, — решил Аладдин, — чтобы войти в пещеру с новыми силами и в хорошем расположении духа.

— Ты прав, — согласился Гарун. — Нам придется вступить в борьбу не только с пещерой.

— Значит, ты ожидаешь встретить там нашего атамана? — спросил Али-Баба, внезапно пораженный этой мыслью. — И мага?

— Все мы так долго были разбойниками, — ответил Гарун, — что нам некуда больше идти.

— Не совсем так! — воскликнул другой голос, голос, который отождествлялся теперь у Али-Бабы со всяческим злом.

Небо озарилось жутким зеленым светом, еще более ярким на фоне наступающих сумерек.

— Пусть у вас нет золота, — прокричал первый среди разбойников, восседая на спине мага, — зато у вас есть женщины! — Он расхохотался. — Вернее, мне следовало сказать, что у вас были женщины, поскольку теперь они наши!

Глава двадцать шестая, в которой мы разговариваем с деревьями и они нас слушают

Али-Баба огляделся и понял, что их бывший главарь совершенно прав. Женщины исчезли. «Марджана! — подумал он. — И жена Касима!» Он даже не осознавал, насколько рад был обществу этих женщин, пока они не пропали.

— Еще семеро войдут во врата дворца! — хихикал Разбойник Номер Один. — Моя печень будет в безопасности еще день!

«Значит, — сообразил Али-Баба, — то, что говорили другие разбойники, — правда». И хотя он не мог сказать, что по-настоящему сочувствует этому отвратительному извергу, теперь, во всяком случае, дровосек начинал понимать его. Однако как это возможно, чтобы у человека не было печени, но при этом было столько желчи?

И тут разбойник и маг исчезли.

— Марджана! — вскричал Ахмед.

— Жена Ка... — Али-Баба заставил себя умолкнуть.

Пусть он считает супругу брата прекраснейшей из красавиц, пусть она всячески старается показать, что отвечает ему взаимностью, пусть даже муж ее разрезан на шесть частей, но все же всему свое время и место, а теперь — и ни то, и ни другое! Кроме того, дома у него есть собственная жена, которую он, возможно, конечно, никогда больше не увидит, учитывая всякие неприятные обстоятельства в виде мечей, и магов, и волшебных пещер, но об этом ему не хотелось думать. О, где те дни, когда в его жизни были лишь деревья да топор!

— Моей жене там понравится, — пренебрежительно бросил Касим. — Ее вкусы всегда были слишком дорогими.

— Как нам теперь быть? — спросил Ахмед, в его обычно спокойном юном голосе звучала паника.

— Мы могли бы обратиться к джинну кольца, — предложил Гарун. — Наверняка он должен знать, что делать.

Али-Бабе вновь вспомнились всякие слышанные им истории.

— Но когда мы вызывали джинна в последний раз, — попытался возразить дровосек, — он, кажется, был не очень доволен.

Его поддержал Синдбад:

— У меня, например, с джиннами связано немало самых неприятных воспоминаний.

С полдюжины разбойников поддержали их, утверждая, что, будь у них время, они тоже

могли бы порассказать всякие невеселые истории про джиннов.

— Но Марджана! — взмолился Ахмед.

Аладдин ласково взглянул на самого юного из разбойников.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, ибо сам испытывал, да и теперь в глубине души продолжаю испытывать те же чувства к царевне Будур. Поэтому я призову джинна. Несомненно, он не станет гневаться, когда узнает, что мы обратились к нему во имя любви.

«Люби?» — удивился Али-Баба, в то время как Аладдин принялся тереть свое кольцо. Неужели именно это чувство так удивительно подействовало кое на кого из его окружения? Видя, насколько странным стало их поведение, дровосек мог только порадоваться, что сам он женат и все эти дела его не касаются.

Аладдин стянул кольцо с пальца.

— Джинн сейчас будет.

«В первый раз, — подумал Али-Баба, — человек успел объявить о появлении духа». Но изменилась не только быстрота, но и сама манера появления, ибо вместо огромного облака из кольца вытекали редкие струйки багрового дыма, словно язычки пламени, угасающего из-за нехватки воздуха.

И все же джинн появился, хотя, судя по тому, как дух мотал головой и скрещивал руки на груди, он был не слишком рад оказаться здесь. А когда существо заговорило, голос его звучал и вовсе недовольно:

— Я вольный дух, хотя кольцу я раб,
Но я от ваших просьб совсем ослаб.
И все же — чего изволишь, хозяин, чего изволишь?

— Злой колдун похитил женщин! — пояснил Аладдин, указывая на север. — Мы должны спасти их!

Джинн поднял руку и потер подбородок. Теперь глаза его уже больше не горели, как прежде, и все время закрывались, пока он говорил.

— О, даже для столь сверхъестественного существа, как я, это довольно серьезно. Вот если бы у меня было побольше сил, чтобы помочь вам... Мы обсудим эту проблему утром, если я сумею как следует восстановиться.

И с этими словами джинн исчез.

«Все, — подумал Али-Баба, — имеет свой предел».

— Мы никогда больше не увидим Марджану! — запричитал Ахмед с глупой импульсивностью юности.

— Во Дворец Красавиц ведет не один путь, — произнес чей-то голос. Али-Баба не сразу понял, что это голос камня, говорящего от имени пещеры, которая была его домом. — Вы развлекали меня своими историями, — сказал далее камень, — теперь пришло время и мне рассказать вам кое-что. Достань меня из своего мешка и держи в руке, чтобы я мог лучше видеть дорогу.

— Из меха для воды тоже ничего не видно, — пожаловался Касим.

Аладдин сделал, как просил камень, — вынул его из сумки и поднял в руке. Никто даже не шелохнулся, чтобы предложить помощь какой бы то ни было части Касима.

— Темнеет быстро, — сказал Аладдин, держа камень на ладони. — Ты сможешь видеть?

— Камни видят не так, как люди, — последовал ответ. — Мы — часть земли, и каждый камушек, каждая песчинка — это наши глаза. Маг теперь летает в небесах над нами, но когда он опустится на землю, я буду знать, ибо другие частицы меня сообщат об этом.

Али-Баба подивился такому чуду, в то время как многие вокруг него забормотали о Провидении.

— Но идемте же, — позвал камень. — Нам надо двигаться в путь, пока они не добрались до цели, если мы хотим, чтобы с женщинами не случилось ничего дурного.

— Марджана! — уже не столько выговорил, сколько всхлипнул Ахмед.

— В каком направлении скрылся маг? — спросил камень.

Тут тридцать с лишним разбойников разом указали в небо. К несчастью, они к тому же показывали в пяти-шести совершенно разных направлениях.

— Людям свойственно ошибаться, камням — прощать, — заявило существо, лежащее на ладони Аладдина, — так говорят мудрые камни. Не стоит беспокоиться, поскольку у меня есть возможность узнать, куда они полетели.

— Братья деревья! — позвал камень. — Братья деревья! Сегодня вечером здесь творилась магия!

Деревья вокруг них зашелестели — точно так, как шелестят они под ветром, дующим из пустыни, вот только ветра этой ночью не было.

— Слушайте! — велел камень.

Али-Баба прислушался к шелесту листвы в эту тишайшую из ночей, и ему показалось, что он слышит среди шороха слова.

«Магия пылает в воздухе», — услышал он. — Магия пылает в воздухе».

— Братья деревья! — снова воскликнул камень. — Магия скрылась. Скажите нам, куда она направилась.

«На север», — отвечали деревья. — К матери всех пещер».

— Братья деревья! — воззвал камень в третий раз. — Проведите нас, чтобы мы не сбились с пути.

И деревья ответили:

«Мы скажем, когда вы будете на верном пути».

Никогда до этой минуты Али-Баба не слышал голоса деревьев.

— Идем на север, — объявил камень.

Держа его перед собой, Аладдин двинулся в путь, и остальные последовали за ним.

На ходу Али-Баба прислушивался к шороху листвы.

«А это не дровосек?»

«Он погубил наших братьев! Да испепелит его молния!»

«Но он срубал старых и больных, давая расти молодым».

«Он делает то, что он делает. Вот все, что можно сказать — хоть про человека, хоть про дерево».

«Но сегодня не трогай нас».

«Не руби нас пока».

«Оставь нас еще немного порадоваться солнцу и дождю».

«Прощай, дровосек, прощай».

Али-Баба слушал, как затихают шелестящие голоса, по мере того как отряд удалялся от роши.

— Никогда не слышал ничего подобного, — сказал он вслух.

— Ты просто не знал, как слушать, — ответил камень. — Этой ночью ты еще многому научишься.

Но теперь они шли по бесплодной земле, и здесь не было больше деревьев, чтобы направлять их.

— Мы не собьемся с пути? — спросил Аладдин.

— Скоро с нами будут звезды, — ответил камень. — Они с радостью укажут нам на север.

Многие люди забормотали, соглашаясь с подобной мудростью.

— Но пока, — продолжал камень, — у нас есть другие помощники. — И вновь громко позвал: — Зайцы! Мыши! Ночные существа! Обратите свои глаза к небу! — Он выждал минуту и снова окликнул: — Совы! Соловьи! Птицы небесные! Обратите свои взоры к земле! — И, убедившись, что все его слышали, камень заговорил снова: — Сегодня ночью в небе творилась магия. Куда она делась?

Тоненькие писклявые голоса донеслись из укромных мест на земле, и Али-Баба мог

понимать и их тоже.

«Она пришла с юга и ушла на север».

«Но не точно на север, нет, не совсем на север».

«Мы думаем, они направлялись к пещере».

«К матери всех пещер».

«Но не прямо на север, нет».

А с небес донеслись голоса одиноких сов и сладкие трели соловьев, и звуки эти слились воедино, и возникли слова:

«Они повернули прочь от входа».

«Они не садились на движущийся камень».

«Они идут дальше. Они идут дальше».

«Теперь уже не на север».

— Пойдемте, — велел камень. — Чуть левее и вперед.

Так камень вел их некоторое время в сгущающейся тьме. Но потом он снова велел Аладдину остановиться.

— Они опустились на землю, — сказал камень. — Мы уже близко. — И вновь воскликнул: — Мать-земля! Сегодня ночью творится магия. Коснулась ли она земли?

И Али-Баба услышал новый звук, слабый и тихий, словно шелест сандалий по камням:

«Коснулась. Они здесь. Идите. Я покажу вам».

— Теперь мы их найдем, — уверенно сказал камень. — Пускай у них есть магия, зато у меня есть земля.

И с этими словами он повел бывшую шайку вниз по склону горы в узкое ущелье.

— Вот где они прошли, — объявил камень.

— Это же другой вход в пещеру! — изумленно вскричал Аладдин.

— Значит, маг и первый среди разбойников провели женщин этой дорогой? — спросил Али-Баба. — Мы последуем за ними?

— Странные вещи происходят с теми, кто слишком много времени провел в этих пещерах, — предостерег Гарун.

— Пожалуйста, — заявил из своего меха для воды Касим, — давайте не будем повторять очевидное.

— Но многие из нас не раз входили в эту пещеру и покидали ее без всяких дурных последствий, — возразил Ахмед. — Кто возьмется утверждать, что на этот раз будет иначе?

— Пещеры бывают такими непредсказуемыми, — загадочно сказал камень. — Не знаю, смогу ли я в дальнейшем помочь вам. Вам предстоит сразиться не только с первым среди разбойников и могущественным магом, но и с матерью всех пещер.

Наступила недолгая тишина, и бывшие разбойники решились.

— Я хочу войти туда, — объявил Аладдин, — и отыскать лампу.

— Я должен войти, — добавил Ахмед, — ибо без Марджаны нет для меня жизни.

— Я всегда хотел попасть туда, — признался Гарун, — чтобы увидеть дворец.

— Я чувствую, что необходимо войти туда, — добавил Синдбад, — чтобы ускользнуть от лап королевы обезьян.

— Я бы тоже вошел туда, — заявил Касим. — Когда ты разрублен на шесть частей, что еще может сделать тебе волшебная пещера?

— Мы бы хотели сходить за золотом, — решили остальные члены их отряда, — но думаем, что для этой цели мы направимся к главному входу.

А что же Али-Баба?

— Мне кажется, что я должен вместе со всеми войти туда. В некотором смысле история моя началась, когда я впервые повстречался с разбойниками и проник в эту пещеру. Я чувствую, что мне суждено снова попасть туда и положить всему этому конец.

— Хорошо сказано, — от всего сердца согласился камень. — Если вам всем суждено погибнуть, то по крайней мере вы сделаете это красиво.

Аладдин зажег первый из факелов, сооруженных им из ткани и масла, принесенных с

собой.

— Что ж, пойдем.

Али-Баба взглянул на темный лаз перед ними. С другой стороны, возможно, его судьба состоит в том чтобы сидеть на кухне и вновь и вновь пересчитывать свое золото. Но такой конец был бы просто ужасен.

Ахмед протянул ему факел, и Али-Баба вслед за Аладдином шагнул в пещеру, проклиная свой чрезмерный интерес к историям.

Глава двадцать седьмая, в которой мы входим в пещеру и узнаем кое-какие глубинные секреты

Они вошли в пещеру один за другим, ибо проход, хоть и достаточно высокий, чтобы человек мог пройти, был местами настолько узок, что Али-Бабе и остальным приходилось протискиваться боком, дабы не ободрать плечи.

— Разумно ли, — спросил Гарун откуда-то из конца шеренги, — соваться в подобное место без заранее выработанного плана?

— Мы сделаем это сейчас, — ответил Аладдин, — пока мужество не покинуло нас.

Вот, значит, как это называется. Мужество. Что до Али-Бабы, это было похоже на некое неприятное ощущение под ложечкой.

— Не думаете ли вы, — продолжал Гарун, — что, возможно, стоило бы подождать до утра, пока джинн отдохнет?

— Марджана! — воззвал Ахмед к темноте впереди.

Он подталкивал Али-Бабу плечом, побуждая того поторапливаться.

— Сейчас на нашей стороне будет элемент внезапности, — задумчиво заметил Али-Баба.

— Не думаю, что мага можно застать врасплох, — без всякого энтузиазма возразил Гарун. — Это связано с самой сущностью их ремесла.

— Это не так, — твердо сказал Аладдин со своего места во главе процессии. — Вспомни мою историю и то, как мой враг ошибся, возвратившись в Марокко. Даже величайшие из магов не могут знать всего.

— Отлично, — вздохнул в ответ Гарун. — Если ты так считаешь, тем лучше. Боюсь, мне слишком многое известно про подобные пещеры и про то, как они могут обрушиться на вас за неосторожный шум или задушить вас ядовитыми газами прямо на ходу. Порой мне хотелось бы знать поменьше.

— Все не так просто, — укоризненно сказал камень. — Обвалы и выбросы газов не происходят сами по себе, без всякой причины. Это зависит лишь от одного: нравишься ты пещере или нет.

И будто в ответ на размышления камня Али-Баба услышал грохот где-то вдалеке.

— Ага, — сказал камень, словно поняв то, что сказала пещера. — Ясно. Полагаю, теперь я должен перейти в руки к дровосеку.

— Как скажете, — ответил Аладдин, передавая камень назад, удивленному и не слишком-то обрадованному Али-Бабе. — Это означает, однако, что ты должен возглавить отряд.

— Мой брат? — скептически переспросил Касим, чья голова болталась за плечом у Ахмеда.

— Не забывайте, — напомнил камень, — дровосек взял золото, и пещера позволила ему уйти — целым и невредимым.

— Можешь не продолжать. — Аладдин прижался спиной к стене, пропуская Али-Бабу. Но камень еще не закончил.

— У пещер, как и у всех, есть свои любимчики. Тебе повезло получить от одной из них лампу. Но эта пещера благосклонна к Али-Бабе.

Неужели? Но почему тогда, подняв факел над головой, Али-Баба увидел перед собой

стену?

— Похоже, этот вход закрыт, — сообщил он остальным.

— Для одних, без сомнения, да, — согласился с ним камень. — Но другие смогут пройти здесь.

И снова Али-Баба пожалел, что рядом с ним нет Марджаны, поскольку именно она в их доме была всегда сильна в разгадывании загадок. «Разве что, — подумал он, — это на самом деле не конец прохода, а потайная дверь, ведущая на ту сторону. А если это так, — сообразил дровосек, — я знаю, как открыть эту дверь».

— Сезам, откройся! — приказал он.

Кусок скалы отодвинулся вбок, являя их взорам проход, шире и выше прежнего. Почему-то Али-Бабе показалось, что он слышал еще один звук помимо скрежета, что-то вроде басистого смеха.

— Ступай же вперед, — повелел камень на ладони дровосека, — ибо то, что мы ищем, находится там.

Али-Баба сделал, как ему было велено, поскольку поймал себя на том, что уже давно всматривается в непроглядный мрак впереди.

— Мы будем упорны, — сказал Ахмед у него за спиной, — и отыщем то, к чему так страстно стремимся.

Али-Баба снова остановился.

— Но не сразу, — сказал он в ответ. — Похоже, сначала нам придется спуститься по ступенькам, вырубленным прямо в скале и ведущим все вниз и вниз.

— Когда же закончится этот туннель? — заныл Касим. — Нам что, вечно бродить здесь?

Али-Баба снова почувствовал, что сыт обществом своего братца по горло. И ведь Касиму даже не приходилось идти!

— Думается, — сказал Гарун уже повеселее, — нам стоит как-нибудь разрядить атмосферу. Чтобы повеселить вас, пожалуй, я расскажу вам историю «Царская задница и удивительное пуканье».

Стало быть, это одна из тех историй, которыми так славился Гарун аль-Рашид в далеком прошлом. Али-Бабе хотелось бы остановиться и послушать, но он должен был вести остальных вглубь этой пещеры. Судя по тем обрывкам фраз, что он мог уловить, в этой истории было полно людей, восклицающих: «Ах ты задница!», в то время как давшая название истории часть тела испускала газы в различных музыкальных тональностях.

Они преодолели сто ступеней. История Гаруна закончилась, вызвав несколько вежливых смешков, но ступени не кончались.

— Мы все еще идем? — заметил Гарун. — Пожалуй, пора перейти к другой истории, скажем, к «Магу царицы и пуканью судьбы».

Пока они спускались все ниже, рассказчик приступил к делу. В этой истории каким-то образом был замешан мажордом, страдавший недержанием газов. Али-Баба был рад, что ему приходилось вглядываться в ступени, лежащие перед ним, так что он мог слушать не слишком внимательно.

Некоторое время спустя Гарун завершил и этот рассказ. Смешки были несколько более натянутыми, чем в первый раз. Какое-то время они шли молча.

— Мы что, полезем до самого центра земли? — поинтересовался Касим.

— Пожалуй, мы могли бы взять твою голову, — ласково предложил Ахмед, — и сбросить ее с оставшихся ступеней. Когда доберешься до низа, скажешь.

— Я же просто стараюсь поддерживать беседу, — с принужденным смешком откликнулся Касим. — Ведь я всего лишь голова в бурдюке. Что еще мне остается делать?

— Нам ни в коем случае нельзя ссориться между собой, — предупредил Гарун. — Перед лицом опасности мы должны быть едины. Пожалуй, пришло время рассказать еще одну забавную историю, скажем, «Старый художник и пуканье искусство».

Тут Али-Баба вдруг разом и до глубины души осознал, какие хорошие были времена,

когда под воздействием заклятия колдуна Гарун аль-Рашид был унылым стариком. К счастью для всех, однако, ступени закончились.

— Мы уже недалеко, — возвестил камень.

— Недалеко от чего? — спросил Аладдин. — От лампы? От дворца? От сокровищницы?

— Мы недалеко от того места, — пояснил камень, — куда пещере было угодно привести нас.

Этот ответ не слишком ободрил Али-Бабу.

— Как же мы сумеем выполнить наше предназначение, — сказал он вслух, — если подчиняемся диктату волшебной пещеры?

— Разве что, — заметил Синдбад, — предназначение наше в том и состоит, чтобы подчиняться диктату волшебной пещеры.

— Это дело тонкое, — согласился Гарун. — Но я собирался вам рассказать...

Прежде чем он успел добавить еще хоть слово, пещера вокруг них наполнилась оглушительным гулом голосов, весьма напоминающим воинственные выкрики.

— Это все пещера? — спросил Али-Баба с некоторым благоговением. — Не нравится мне это.

— Не думаю, — отозвался камень. — Пещеры, как правило, ведут себя более вежливо.

Сзади снова зашумели. Это был звук множества ног, топчущих по камням.

— Они еще на некотором удалении от нас, — пояснил камень. — Пещера дает нам возможность слышать, как они приближаются.

— От Беспалого так легко не убежишь! — раздался голос, идущий отовсюду и ниоткуда. — Я поймал бы вас еще быстрее, если бы не пришлось раздобывать чистую одежду!

Это понравилось Али-Бабе еще меньше.

— Когда же мы отыщем то место, в которое предположительно должны попасть? — спросил он, не уверенный, что сам понимает собственный вопрос.

— С каждым шагом вы все ближе к нему, — еще менее понятно ответил камень.

— Тогда давайте шагать быстрее, — предложил Ахмед, — чтобы отыскать Марджану, пока с нею не случилось чего-нибудь ужасного!

Али-Баба ценил целеустремленность парня, хотя понятия не имел, сумеют ли они отыскать дворец. Он поднял факел повыше и увидел, что проход, хоть и был шире и выше всех прочих, уходил, казалось, в бесконечность.

Али-Баба подумал, что они идут уже целую вечность. Он дошел до места, где коридор сворачивал, и решил, что пришло время отдохнуть. Без помощи пещеры они не могли больше слышать Беспалого, и у Али-Бабы сложилось впечатление, что в ближайшее время опасность быть застигнутыми врасплох им не грозит.

— Давайте передохнем немножко! — сказал он остальным. — А потом отыщем дворец.

Но ему ответил голос, совсем не похожий на голоса его спутников:

— Нет, вы только подумайте! — Голос был женский. — Клянусь, он похож на дровосека. Пришел показать мне свой топор?

И Али-Баба понял, что это не просто какая-то там женщина.

Глава двадцать восьмая, в которой мы узнаем, что отсюда во дворец не попадешь

Али-Баба узнал бы этот голос где угодно.

Это была жена Касима.

Он поднял глаза и увидел, что она смотрит на него из окна, прорубленного высоко в стене пещеры. Она улыбалась. Откуда бы вы ни смотрели на нее, пусть даже под таким немислимым углом, она была красива.

— Это в самом деле та, о ком я думаю? — неуверенно спросила голова Касима.

— Я в самом деле слышу голос моего мужа? — без малейшего интереса отозвалась женщина. — Пусть знает, что теперь я живу во дворце.

— Да, — подтвердил старший брат Али-Бабы, — это точно она.

Жена Касима помахала стоящим внизу мужчинам, и ее длинная рука была унижена золотыми в камнях браслетами.

— И начинаю привыкать к этой роскоши. Когда мы покинем это место, я объясню тебе, на какое именно отношение к себе я рассчитываю.

— Вот теперь, — заметил Касим, — сомнений быть не может.

— Хоть ты и во дворце, — обратился к ней Али-Баба, — мы все еще в пещере. Эти два места как-то сообщаются? Как нам попасть к тебе?

Улыбка женщины сделалась еще шире при этих словах.

— Я думала, ты нипочем не спросишь. Но ты мог бы догадаться.

Догадаться? С того мига, как Али-Баба взял камень, он не стал лучше разбираться в загадках. И все же, если находишься в волшебной пещере и что-то преградило тебе путь, что тут можно сказать?

— Сезам, откройся? — рискнул дровосек.

Каменная стена перед ними обрушилась — всего в нескольких дюймах от носа Али-Бабы.

— Уж и не знаю, что было у тебя в планах, — заметил Гарун в ответ на внезапный обвал, — войти или же быстро покончить с жизнью. Но, похоже, путь во дворец открыт.

И в самом деле, там, где прежде стояла таящая смертельную опасность каменная плита, теперь зиял большой пролом. Из этого пролома струился свет, достаточно яркий, чтобы Али-Бабе не нужен был больше факел. Дровосек осторожно переступил через обрушившуюся плиту, опасаясь других ловушек. Но все было тихо, не считая щебетания птиц.

«Птиц?» — удивился Али-Баба, просовывая голову в пролом. Но все мысли и чувства, кроме изумления, покинули его, едва он увидел, что? находится по ту сторону.

Он стоял теперь в начале огромного пространства, уходящего на тысячу локтей вдаль и, наверное, на половину этого расстояния ввысь, где начинался огромный куполообразный свод. Пространство было столь безбрежным, словно это был целый отдельный мир, простирающийся перед ними, — подземный мир.

Сначала Али-Бабу озадачило, что, хотя это огромное пространство находится глубоко под землей, здесь светло как днем, так что он мог ясно видеть купы деревьев по обе стороны от себя, равно как и регулярный сад прямо перед собою. Дорожка, выложенная золотыми плитами, вела через сад к первому из множества строений, составлявших дворец, хотя назвать это странное сооружение просто дворцом — значило бы оказать ему плохую услугу, поскольку оно было в десять раз выше и десятикратно больше любого дворца, какой довелось когда-либо прежде видеть Али-Бабе. Множество затейливых окон и башен пересчитывать пришлось бы дольше, нежели золото под кухней у дровосека. И если уж говорить о золоте, то крыша у дворца была золотая, и двери и окна обрамлены драгоценными камнями, и все это сверкало в странном свете.

— Да, действительно, дворец, — сказал Гарун, обращаясь ко всем сразу. — Наверное, с ним связана какая-нибудь очередная история.

Али-Баба подумал, что здесь далеко не одна история, поскольку он обнаружил наконец некоторые из источников света. Ибо листья на деревьях и кустах, казалось, сияли сами по себе, разливая вокруг многоцветное свечение. И птицы, что летали над этими деревьями, испускали, порхая, лучи света. А когда они открывали клювы, чтобы запеть, оттуда вылетали радуги.

— Воистину здесь просто чудесно, — пробормотал Аладдин. — Может ли найтись более подходящее место для моей волшебной лампы?

— Пожалуй, нам следует войти и приблизиться к дворцу, — предложил камень в руке у Али-Бабы. — Когда пещеры ждут, лучше не искушать их терпение.

— Мы так и сделаем, — ответил Али-Баба, неуверенно шагая по золотой дорожке.

Он ждал, как отреагирует на них этот странный новый мир, но все, что услышал, — дивные трели радужных птиц и нежный перезвон, ибо когда ветер касался сияющих листьев, они начинали звенеть, словно десять тысяч крохотных колокольчиков.

— У меня только один вопрос, — сказал он камню. — Как может дворец быть так далеко, если я только что разговаривал с женщиной из этого самого дворца, и она находилась практически у меня над головой?

— Неразумно спрашивать об отдельных деталях того, что тебя окружает, когда находишься в волшебной пещере, — сурово ответил камень.

— Мы должны идти во дворец, — потребовал Ахмед, — спасти Марджану!

И они зашагали по сверкающей широкой золотой дорожке, Аладдин по одну руку от Али-Бабы, Ахмед по другую, а Синдбад, который тащил голову Касима, и Гарун, несший остальные части его тела, шли следом.

Однако не успели они пройти достаточно далеко, как столкнулись с первым препятствием.

— Берегитесь! — вскричали хором высокие голоса. — В священном саду незваные гости!

— Это кричат женщины? — спросил Али-Баба.

— Это не женщины, — с горечью ответил Аладдин. — Я знаю эти голоса по своей прежней жизни. Нам придется иметь дело с дворцовыми евнухами.

— Во Дворце Красавиц есть евнухи? — удивился Али-Баба.

Вместо ответа дорогу им заступили три здоровенных, жирных типа, поигрывающих ятаганами такой длины, что они скорее напоминали ножны.

— Ого, — сказал один из них, — такой компании во Дворце Красавцев Евнухов еще не видели.

— Хотя для вас это не имеет значения, — добавил второй, — потому что вы скоро умрете.

Третий открыл было рот, но прежде чем он успел заговорить, из другого конца его пищеварительного тракта раздался сильный переливчатый звук: наружу вырвались газы.

— Будь неладна моя слабость к маринованным яйцам птицы Рух! — воскликнул он сконфуженно.

— Да, — прокомментировал Гарун, — тут явно имеет место какая-то новая история.

Аладдин с изумлением уставился на эту троицу.

— Это не просто евнухи, — потрясённо сказал он. — Я уже видел их прежде и рассказывал вам о них. Это те стражники, которые охраняли царевну Будур!

— О да, — подтвердил первый из трех, — и на этот раз мы снова должны защитить царевну.

— Этот молодой человек кажется мне странно знакомым, — заявил второй. — Если убрать эту густую бороду, разве он не напоминает того, с кем мы уже встречались? Встречались, но не обезглавили?

Третий евнух смачно рыгнул.

— Ох, прошу прощения, ты хочешь сказать, это... — он умолк и взглянул на двух своих товарищей, — ...тот человек, который удрал от нас?

— Да, — ответил первый с явным удовольствием, — тот самый, что испортил наш безупречный послужной список обезглавливаний и потрошений!

— Какая удача, не правда ли, — сказал второй, — что теперь этот список может быть исправлен.

Третий в знак согласия опять пустил газы. Все трое подняли сабли и шагнули вперед.

— Да, — заметил Гарун, — здесь, безусловно, имеется своя история, проживи мы достаточно долго, чтобы ее рассказать.

— Это мой бой, — заявил Аладдин с величайшим благородством и изрядной примесью глупости. — Вы же должны идти дальше и спасти женщин.

— О, вот уж нет, — ответил первый из евнухов. — Наша задача, безусловно, убить вас

всех.

— Всегда все не так просто, как хочется, — согласился второй евнух.

— Давайте ближе к делу! — потребовал третий. — Уже почти время обеда!

Первый евнух взмахнул саблей, в движениях его тяжелого тела угадывалась скорее грация тигра, нежели слоновья сила.

— Вообще-то нам следовало бы поблагодарить вас, — весело сказал второй евнух. — Здесь бывает довольно скучно.

— Это верно, — согласился первый. — В конце концов, когда охраняешь дворец, на милую упрятанный под землю, кто может тебя там найти?

— Кормят, однако, очень хорошо, — отметил третий.

— Быть может, — предложил Ахмед Аладдину, — пора обратиться к джинну кольца?

— Берегитесь! — разом воскликнули евнухи, останавливаясь. — Мы помним этого джинна!

— Но я... — начал было возражать Аладдин.

— Ты не хочешь обращаться к этому грозному существу из соображений милосердия? — так быстро выпалил Ахмед, что Аладдин не сумел даже закончить свою мысль. — Твои чувства неуместны. Несомненно, эти трое собираются убить нас.

— Ах, — только и вздохнул Аладдин, не став признаваться, что джинн, без сомнения, все еще слишком утомлен, чтобы быть в состоянии исполнить какое бы то ни было желание, кроме разве что самого скромного. — Ты привел веский довод. Пожалуй, я смирю свои милосердные порывы и выпущу джинна на свободу, чтобы он свершил свою ужасную и безжалостную месть.

Евнухи застыли, совещаясь. Когда они вновь взглянули на Али-Бабу и прочих, улыбались они уже не так уверенно, как прежде.

— Вообще-то, — сказал первый из троих, — раз уж ты так вежливо просишь, мы, пожалуй, могли бы как-нибудь договориться, чтобы наша случайная встреча завершилась иначе.

— Какая, в самом деле, разница, — добавил второй, — одним обезглавленным больше, одним меньше? Конечно, это сугубо личный вопрос, подлежащий обсуждению лишь в нашем тесном кругу.

— Да, — с готовностью подхватил третий, — и к тому же я уверен, что почти пришло время обеда.

Воистину удивительно, подумал Али-Баба. Одно лишь упоминание про джинна — и трое евнухов уже не горят желанием убивать их и рубить на куски. Но то был лишь первый шаг на пути к дворцу, ибо хотя евнухи уже не размахивали саблями так бесцеремонно, как прежде, но все же и не сдвинулись со своего места, не давая дровосеку и его друзьям идти дальше.

Именно по поводу этого обстоятельства Ахмед вновь обратился к евнухам.

— Значит, вы больше не намерены убивать нас, — подытожил он, — но по-прежнему преграждаете нам путь?

Старший из евнухов ответил твердо, но с величайшей почтительностью:

— Появление джинна, возможно, и способно заставить нас пересмотреть свои взгляды на правила несения службы вне стен дворца. Однако в том, что касается охраны царевны Будур, мы непоколебимы. Мы любыми возможными способами будем убеждать вас отказаться от дальнейшего продвижения по этой тропе.

— Так, значит, она здесь, за этими стенами? — с жаром воскликнул Аладдин.

— Нахмуренные брови и горячность — не лучший аргумент в споре, — с некоторой нервозностью заметил третий евнух.

— Но задумывались ли вы вот о чем, — настаивал Аладдин. — Почему вы охраняете свою царевну?

— Мы всегда охраняли царевну, — возмутился в ответ первый из троицы. — Это часть кодекса евнуха!

— Но разве этот дворец — не тюрьма? — спросил Аладдин.

— По правде сказать, еще какая тюрьма, — ответил первый из стражников.

— И все же, — добавил второй, — мы так понимаем, что все потребности женщин за этими стенами удовлетворяются.

— И к нам отношение тоже довольно неплохое, — сказал третий в перерыве между отрыжками.

— Конечно, — задумчиво вставил первый, — неплохо было бы время от времени срубить какую-нибудь голову с плеч.

— Мы теряем форму, — подхватил второй, тоскливо глядя на свою саблю.

— При такой жизни и клинки-то, пожалуй, чистить не стоит, — печально заметил третий.

— Но здесь царевна Будур, — решительно заявил первый, словно дальнейших пояснений не требовалось.

— И мы тоже, — добавил второй.

— И кормят нас очень хорошо, — сообщил третий между двумя выбросами газов, — хотя пища имеет обыкновение быть немного жирноватой.

Али-Баба не видел способа опровергнуть логику этих трех евнухов. Быть может, подумал он, ему суждено отказаться от поисков и заняться чем-нибудь другим. Но на что обречет он тогда Марджану и жену Касима? Они, без сомнения, останутся узниками, пусть даже такими, о которых хорошо заботятся, но все же.

Ахмед, однако, не желал смириться с поражением.

— Но, судя по тому, что мне рассказывали, — сказал он, — я понял, что она любила частенько подолгу прогуливаться по улицам своего города.

Евнухи явно были согласны с этим.

— Это действительно так.

— Я тоже скучаю по этим прогулкам.

— Они давали мне прекрасную возможность упражняться в обезглавливании.

Тут Ахмед улыбнулся, ибо знал, что теперь, завладев их вниманием, вскоре сумеет добиться и их расположения. Поэтому он спросил:

— Но разве теперешнее заточение не лишило ее одного из занятий, которым она очень дорожила?

— С такой точки зрения я этот вопрос не рассматривал, — задумчиво сказал первый евнух.

— Мы здесь, — добавил второй не слишком уверенно, — следовательно, мы защищаем.

— Я бы и не думал о возобновлении этих прогулок, — сообщил третий с некоторым воодушевлением. — Особенно в плане ходьбы. Но возможность пробовать любую снедь в этих опустевших палатках... — Он закрыл глаза и испустил вздох величайшего удовлетворения.

— И вы говорите, что царевна — лишь одна из многих женщин в этом дворце? — продолжал насаждать Ахмед.

— В стенах этого дворца бесчисленное множество женщин, — признал первый евнух, — наверное, сто раз по сто.

— Что? значит одной женщиной больше или меньше, — спросил второй, — для столь огромного и густонаселенного дворца?

— Куда лучше, чтобы она была под нашей непосредственной защитой, — пришел в восторг третий, — чтобы мы могли присматривать за ее благополучием и почаще участвовать в обезглавливании.

— Берегитесь! — вскричал первый евнух, обращаясь к остальным. — Пора освободить царевну!

И трое евнухов развернулись и возглавили процессию.

Синдбад смотрел вслед трем стражникам.

— Сотни и сотни красавиц? — спросил он не столько у остальных, сколько у себя самого. — Так же, как все разбойники, похоже, являются рассказчиками историй, быть может, все эти женщины внутри — героини этих самых историй? — Он умолк ненадолго, словно следующая мысль, пришедшая ему в голову, была слишком удивительна, чтобы высказать вслух. — Может, и прекрасная Фатима тоже здесь? — Он потянул Али-Бабу за рукав, точно хотел, чтобы дровосек согласился с ним. — Может, ты помнишь, я говорил тебе, что она исчезла при загадочных обстоятельствах.

Али-Баба кивнул, соглашаясь с его догадкой. Мысль была просто замечательной. А в такой волшебной пещере возможно все.

— Мы освободим наших возлюбленных! — крикнул остальным Ахмед, бросаясь вслед за евнухами. — Теперь ничто не остановит нас!

— Оставайтесь на своих местах и готовьтесь к смерти! — раздался голос у них за спиной. — Никому не избежать страшной мести Беспалого!

Глава двадцать девятая, из которой мы узнаем, что если попал во дворец, надо соблюдать осторожность, учитывая, зачем тебя туда пригласили

«Итак, придется умереть теперь, — подумал Али-Баба, — когда желанная цель так близко».

— О, какая радость! — раздался высокий голос из авангарда их маленького отряда.

— Денек и в самом деле обещает быть интересным, — согласился тонкий голосок второго евнуха.

— Это уж точно, — добавил третий, рывнув от восторга. — Вот головы, которые мы можем рубить совершенно безнаказанно!

— Просим прощения, джентльмены, — сказал первый, и все трое быстро вклинились между отрядом Али-Бабы и по-прежнему численно превосходящими их людьми в белом. — Ступайте к дворцу. Мы присоединимся к вам, после того как напоим наши сабли кровью!

И эта часть пещеры мигом наполнилась кровью, воплями и непривычным пронзительным смехом евнухов. Али-Баба увидел, как одна голова в белом тюрбане полетела в одну сторону, другая — в другую. Трое стражников доказывали, что не растеряли своей потрясающей техники.

Теперь Али-Баба был вдвойне признателен Ахмеду за его бойкий язык и за то, что его хитроумные доводы помогли им заручиться поддержкой евнухов. К тому же от взора дровосека не укрылось, что Ахмеда и Марджану явно взаимно влекло друг к другу. «Любовь, — подумал он, — почти столь же непостижимая сила, как Судьба, но в данном случае, пожалуй, этот выбор действительно ниспослан Небесами!»

Но надо было торопиться, не то дровосек рисковал отстать от остальных на этой золотой тропе! И вот они все вместе торопливо шагают мимо потрясающих регулярных садов и кустов и деревьев в форме животных, не говоря уже о животных в форме кустов и деревьев, ибо часть растительности, похоже, способна была перемещаться с места на место и можно было наблюдать, как некоторые кустики помельче степенно расхаживают по ухоженным лужайкам. Что до Али-Бабы и его товарищей, то они ушли уже так далеко, что звуки боя позади были теперь не громче отдаленного слабого рокота.

— Мне кажется, — сказал Али-Баба идущему впереди Ахмеду, который, хотя они шли уже довольно долго, похоже, не собирался сбавлять шаг, — тут что-то нечисто. Мы идем и идем, а дворец, кажется, ближе не становится. Конечно, это большое сооружение, но не может же оно быть настолько большим!

— Этот человек разглядел истину, — произнес чей-то серебристый голосок совсем рядом.

— Для представителя своего вида он необыкновенно проницателен, — ответил такой же голос.

— Они всегда так спешат, — насмешливо заметил третий, — что думать им некогда.

Этой новой загадки Али-Баба уже не выдержал.

— Кто это говорит? — спросил он.

— Всего лишь волшебные говорящие кусты, из тех, что обитают в этих садах, — спокойно ответил один из голосов, словно уж об этом-то должен был знать любой дровосек.

Значит, эти кусты не только светящиеся, но еще и говорящие?

— Кусты разговаривают не с каждым, — заметил камень в руке Али-Бабы. — Ты по праву можешь гордиться, что тебе оказали эту честь.

— Должны признаться, — ответил куст, — увидев, что он несет в руке говорящий камень, мы решили, что это один из лучших представителей человеческого общества.

На этом кусты и камень, похоже, завершили обмен комплиментами.

— Чтобы достичь того дворца, — сказал один из представителей волшебной растительности, — вам надо обладать терпением куста.

— Подождите немного здесь, — добавил другой, — и дворец сам придет к вам.

Али-Баба взглянул на остальных членов отряда.

— В историях, которые я рассказывал, и не такое бывало, — согласился Гарун. — Думаю, нам надо последовать совету зеленых насаждений и посмотреть, как отреагирует дворец.

Такое решение явно расстроило остальных.

— Марджана! — воскликнул Ахмед.

— Царевна Будур, — прошептал Аладдин.

— Фатима, — всхлипнул Синдбад.

Али-Баба сам не мог решить, чье имя ему хотелось бы назвать. Наверное, поэтому пальцы его, державшие камень, разжались.

— Пожалуй, самое время рассказать еще какую-нибудь историю, — предложил Гарун, — скажем, ту остроумную короткую побасенку, которую я называю «Волшебный картофель и пукающая повозка».

— Боюсь, что подобными историями мы можем оскорбить евнухов, — перебил Синдбад. — Давайте лучше я подробно расскажу вам, как мы разлучились с Фатимой, поскольку, возможно, это даст нам какой-нибудь ключик к тому, как вернуть женщин.

Когда было решено, что этот способ скоротать положенное, по словам кустов, время ничуть не хуже других, Синдбад начал свой печальный рассказ:

— На нас напал ужаснейший из демонов, по имени Тот-Кого-Следует-Игнорировать. Я могу назвать его имя лишь один раз, ибо произнести его трижды означает вызвать его из той преисподней, где он обитает. Из всех нас лишь Фатима смогла выстоять против отвратительного юмора этого демона. Но когда она победила это мерзкое создание, последовал страшный взрыв, повлекший серьезные магические последствия, и нас с моими товарищами разбросало по полю боя. Когда я пришел в себя, то пополз до паланкина, откуда в последний раз слышали мы голос Фатимы. Но, к моему изумлению, Фатима исчезла, а на ее месте оказалась королева обезьян!

— О том, что случилось дальше, — подхватил Ахмед, видя, что Синдбад слишком расстроен, чтобы продолжать, — лучше не рассказывать.

— Дворец! — воскликнул Гарун. — Он действительно стал намного ближе!

Али-Баба обернулся и увидел, что они находятся всего в дюжине шагов от лестницы, ведущей к величественному главному входу.

— Кусты дали нам добрый совет, — заметил он и успел сделать шесть шагов, прежде чем увидел, что лестница все так же находится от него в двенадцати шагах.

— Мы еще не во дворце, — вздохнул он.

«Наверное, — уныло подумал дровосек, — нам придется вести беседы до тех пор, пока мы не окажемся прямо в дворцовом вестибюле».

— Вот вы где! — раздался голос первого евнуха, и три стражника подошли к ним по дорожке. — Мы думали, что вы за это время ушли гораздо дальше.

— Возможно, они не знают дороги, — вставил второй евнух. — Конечно же, кому-нибудь из нас надо было подумать о том, чтобы проводить вас.

— Эти люди в белом едва ли были достойными соперниками, — пренебрежительно заметил третий. — В конце концов они с воплями разбежались. Поскольку мы должны спасти царевну Будур, то не стали их преследовать.

— На данный момент, — согласился первый из трех, — от двенадцати до пятнадцати начисто обезглавленных человек вполне достаточно.

— Да еще несколько обезглавленных не начисто, — мрачно напомнил второй.

— Позор на наши лишенные практики руки, — добавил третий, уставившись на свои ноги громадного размера.

— Но чего же мы ждем? — поинтересовался первый. — Дворец рядом. Осталось лишь подняться по лестнице.

Али-Баба опустил глаза и обнаружил, что стоит на первой ступеньке. Он вслед за евнухами поднялся к гигантской двери, которая, как и все вокруг, похоже, была сделана из чеканного золота, с огромным бриллиантом вместо круглой ручки.

— Берегитесь! — завопил первый евнух. — Приближаются мужчины! — Он сконфуженно взглянул на Али-Бабу и его друзей. — Вы должны простить меня, но это моя обязанность.

— Мужчины? — откликнулись женские голоса. — Еще мужчины? Мы так давно не видели мужчин. — Слова эти сопровождались визгом и возгласами, не от страха, но от нетерпения и восторга.

— Судя по их голосам, — хмуро сказал Гарун, — сдастся мне, это нам следует поберечься.

Али-Баба поднял глаза и увидел сотню окон, и из каждого окна выглядывало лицо девушки, и все они с великим нетерпением смотрели, как приближаются мужчины.

Огромные двери распахнулись сами собой, едва девять мужчин приблизились к ним, словно тоже предвкушали то, что должно было произойти. Но Али-Баба с удивлением увидел, что на полу гигантского зала перед ними уже происходит какая-то изрядная возня.

Две дюжины женщин на миг прервали свое занятие, чтобы взглянуть на вновь прибывших. Они улыбнулись Али-Бабе и его друзьям и распахнули им навстречу объятия. Но в этом зале был еще кто-то, ибо из-за спин женщин до дровосека донеслась пара явно мужских стонов.

Женщины расступились, и Али-Баба увидел на полу две мужские фигуры в изодранных в клочья некогда черных одеждах.

— Благодарение Богу, вы пришли, — выговорил первый среди разбойников. Он, дрожа, поднялся, и, похоже, ему стоило больших трудов передвигать ноги. — Простите. Воды. Пить, чего угодно.

— Аладдин! — прохрипел другой, тоже поднимаясь, сперва на четвереньки, потом, очень неуверенно, на ноги. — Наконец-то мы видимся без масок! — Он попытался рассмеяться, но сумел выдать лишь хриплый, задушенный звук. — Знай же, что я завладею лампой и одолею тебя. — Он попытался сделать шаг, но лишь пошатнулся. — Во всяком случае, как только немножко отдохну.

И тут женщины снова сомкнули ряды, и эти двое скрылись от глаз дровосека. Но что же теперь будет? Он рассчитывал как минимум отыскать жену Касима, хотя и должен был признать, что многие из женщин вокруг него были во всех отношениях притягательные, соблазнительные, обольстительные, миловидные, хорошенькие, стройные, очаровательные. Как сможет он, затерянный среди всех этих красавиц, отыскать свою судьбу?

Али-Бабе пришла в голову мысль. То, как эти женщины смотрели на него, возможно, и было его судьбой.

Глава тридцатая, в которой мы выясняем, что находится в пещере, и, возможно, узнаем

кое-какие истины

Как бы ни было сильно вождение женщин, страсть троих мужчин была сильнее.

Ахмед первым пробился сквозь толпу, не обращая внимания на сорванные с его тела предметы одежды.

— Марджана! — звал он.

И откуда-то из самого конца громадного зала, заполняемого теперь полчищами женщин, долетел ответный крик:

— Ахмед!

Аладдин, воодушевленный успехом товарища, пробил себе дорогу мимо сотен жадных рук и целующих губ, чтобы выкрикнуть имя своей желанной:

— Царевна!

— Прошу прощения? — отозвалась сверху женщина, стоявшая на балконе. — Это вы мне?

— Царевна Будур! — снова позвал Аладдин, на этот раз уже конкретнее.

Прекрасная царевна нахмурила брови:

— Разве мы встречались?

— Это же я, Аладдин! — вскричал он отважно, взбегая по лестнице, чтобы снять ее с балкона.

— Когда-то я была обручена с юношей по имени Аладдин, — признала она, — пока этот мерзкий маг не украл меня.

— Фатима! — позвал Синдбад, чье мужество тоже окрепло при виде успехов других. — Я знаю, ты где-то здесь!

Наградой ему стал лишь смех, нежный и далекий.

И он засмеялся тоже.

— Я видел взмах руки там, на самом верху лестницы, — взволнованно вскричал Синдбад. — Я узнал бы этот смех из сотни других! Я заметил бы эту руку среди моря других рук! Фатима! Это я, твой Синдбад! Я иду к тебе!

Из-за колонн на площадке на самом верху лестницы снова донесся смех. Синдбад запрыгал через две ступеньки.

— Где ты, моя возлюбленная? — позвал он, достигнув площадки. — Прячешься за этим занавесом? — Он подошел на цыпочках. — Я слышу твое дыхание. Что за сладостный звук! Раздвинь же занавеси, чтобы я мог увидеть тебя!

— Уук уук! Скрии скрии! — раздалось в ответ из-за занавеса.

Синдбад вскрикнул, из-за портьер высунулись две волосатые лапы и уволокли его с глаз долой.

Ахмед оторвал взгляд от Марджаны, с которой они, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Вот, значит, что случилось с королевой обезьян!

Спеша отыскать своих подруг, мужчины побросали бурдюки с частями тела Касима на мраморный пол.

— Женщины! — взывала голова Касима. — Вокруг меня не нужно толкаться! И очереди ждать не нужно! Меня можно разделить сразу на шестерых!

— Поаккуратнее! — кричал Гарун наседающим на него женщинам. — Я старый, со мной надо обращаться осторожно!

У Али-Бабы таких проблем не было. Единственной его заботой были около двадцати женщин, окруживших его. И, в полном соответствии с названием этого места, все они были красавицами. Он вполне представлял себе, чего они хотят, и должен был признать, что, женат он или нет, при определенных обстоятельствах он не отказался бы заняться этим делом с любой из присутствующих. Возможно, это мог бы быть очень даже неплохой денек.

Но сразу двадцать, и у всех одно на уме?

«Даже у самых приятных вещей, — понял Али-Баба, — бывает своя изнанка».

Но едва женщины успели повалить его на холодный мраморный пол и сорвать половину его черных одежд, как дровосек ощутил спиной иную, могучую дрожь, словно содрогалась сама земля.

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?

Он уже слышал этот голос прежде, хотя и не настолько громкий и звучный. Похоже, громадная пещера решила наконец заговорить. А это, разумеется, означало, что земля в самом деле содрогалась.

— ДОВОЛЬНО! ЭТО СКУЧНО! ПОРА ПОСЛУШАТЬ КАКУЮ-НИБУДЬ ИСТОРИЮ!

Тут все, чем бы они ни занимались, застыли. Драматический эффект, несомненно, усиливало то, что все вокруг них отчаянно содрогалось в такт словам.

— Пожалуй, самое время познакомиться? — предложил камень, каким-то образом ухитрившийся остаться у Али-Бабы в руке. Что касается этого обломка скалы, он, похоже, ничуть не был напуган.

— Я — ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ ПЕЩЕР, — пророкотал могучий голос, сотрясая стены. — ПЕЩЕРА, ПОГЛОЩАЮЩАЯ ДРУГИЕ ПЕЩЕРЫ! ВЫ МОЖЕТЕ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ МОРДРАГ!

«Мордраг?» — подумал Али-Баба. Имя звучало не слишком-то дружелюбно. До этого момента дровосек даже не подозревал, что у пещер могут быть имена. Имя, безусловно, впечатляло.

— Неплохое имечко, — признал камень. — Оно происходит от побочной ветки нашего рода?

— ВООБЩЕ-ТО ОНО НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ. НО МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ЗВУЧИТ ВЫРАЗИТЕЛЬНО.

— Это верно, — согласился камень. — О, кстати, тебе привет от дядюшки Сида.

— ЕМУ ТОЖЕ.

— Почему бы тебе не сказать ей, — тихо обратился Али-Баба к камню, — что очень приятно было встретиться и все такое, но теперь нам в самом деле пора идти?

— НО ВЫ В МОЕЙ ПЕЩЕРЕ И В МОЕЙ ВЛАСТИ! — гроыхнула Мордраг, прежде чем камень успел вымолвить хоть слово. — ЗДЕСЬ ВСЕ МОЕ!

Однако Али-Бабе до смерти надоело, что его все запугивают, будь то предводитель разбойников (который теперь, когда дровосек думал о нем как о Грязнуле, представлял совершенно в ином свете) или самая большая волшебная пещера в мире. Он должен положить конец этой тирании и этой череде чрезвычайно скверных дней.

— Думаю, что нет, — только и ответил поэтому он.

— Неужели ты намерен воспротивиться воле пещеры? — в великом волнении спросил камень.

— Полагаю, придется, — ответил Али-Баба, уже почти сожалея о своем решении, — хотя и не знаю, к чему это приведет.

— У меня такое чувство, — великодушно ответил камень, — что свершатся великие дела, и все множество этих людей и коварных замыслов, сплетающихся вокруг тебя, столкнутся друг с другом так, что содрогнется земля. Но вообще-то я всего лишь камень. Что я могу знать?

— В САМОМ ДЕЛЕ, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ ЗНАТЬ?

На взгляд Али-Бабы, это был лишь очередной пример откровенного запугивания.

— Хватит! — заявил он, нагибаясь, чтобы подобрать части Касима. — Мы уходим!

— Так быстро? — захныкал его братец. — Прежде чем хоть одна женщина развязала этот мешок?

— ЭТО ТЫ ТАК ДУМАЕШЬ! — мрачно пророкотала пещера.

— Я вообще ни о чем таком не думаю! — заныл Касим. — Я знаю лишь, что ни одна из женщин не развязала ни одного из моих бурдюков! Знаешь ли ты, как это огорчает, когда части твоего тела находятся так далеко друг от друга, что ты не можешь дотронуться даже до самого себя? И при этом быть еще лишенным прикосновения других? Это уже чересчур.

— ТЫ СЛИШКОМ МНОГО ГОВОРИШЬ. Я НЕ ЗНАЛА, КАКУЮ СЛУЖБУ СОСЛУЖИЛ МНЕ ТВОЙ БРАТ, УНЕСЯ ТЕБЯ ИЗ МОЕЙ ВЕРХНЕЙ СОКРОВИЩНИЦЫ.

— И теперь я унесу его снова, — спокойно ответил Али-Баба. — Прошу меня извинить. Предлагаю остальным членам моего отряда следовать за мной.

И тут же к дровосеку присоединились Ахмед и Марджана, идущие рука об руку, затем Аладдин, прокладывающий путь царевне Будур, с тремя евнухами, прикрывающими ее с тыла. Потом появился Гарун аль-Рашид, оправляющий одежду, чтобы сохранить остатки достоинства, хотя он, похоже, тоже зря времени не терял. А потом по лестнице опрометью сбежал Синдбад, безнадежно пытаясь соорудить из жалких остатков халата набедренную повязку.

Еще одна женщина вышла из общей толпы.

— Похоже, обо мне вы забыли?

Али-Баба поднял глаза и увидел, что это жена Касима. И таки да, он был настолько огорчен поведением пещеры, что и в самом деле мог забыть про нее, по крайней мере пока не окажется в более тихом месте.

— Ни в коем случае, дорогая, — заверил ее Касим из мешка, висящего теперь на плече у Али-Бабы. — Ты — главная причина, по которой мы искали этот дворец.

— Прекрасно, — ответила она, неспешно направляясь к дровосеку. — Пожалуй, мы можем воспользоваться этой возможностью и наконец-то познакомиться друг с другом лучше.

— НИКТО НЕ БУДЕТ ЗНАКОМИТЬСЯ С ДРУГИМ ПОЛУЧШЕ, — взревела пещера, — БЕЗ МОЕГО РАЗРЕШЕНИЯ!

У Али-Бабы не было ни малейшего желания отвечать. Вместо этого он осмотрел свой увеличившийся отряд и сказал:

— В путь!

— Я ВАМ ПОКАЖУ! — громыхала пещера. — ПРЕГРАДЫ БУДУТ ЖДАТЬ ВАС НА КАЖДОМ ШАГУ!

Глянув вниз с лестницы, Али-Баба увидел, что пещера выполняет свою угрозу. Ибо там, среди сада, их уже поджидала дюжина людей в некогда белых одеждах с саблями наготове. На этот раз, однако, у их противника было одно существенное отличие: все эти люди были без голов.

Глава тридцать первая, в которой день не просто становится плохим, но и все окончательно запутывается

— Наконец-то! — подал голос Касим из своего мешка для воды. — Теперь и я смогу показать, чего стою!

— Прошу прощения? — переспросил Али-Баба, поскольку мысли его были заняты их безголовыми противниками.

— Вытащи меня из этого мешка и брось в самую гущу врагов! — с жаром пояснил Касим. — Я усядусь к ним на плечи, на место их собственных голов. Как минимум это собьет их с толку. А в лучшем случае, возможно, я смогу подчинить их себе и направлять их мечи к нашей выгоде!

Али-Баба решил сделать так, как предлагал брат, лишь бы избавиться от головы Касима, орущей ему в самое ухо.

— Берегитесь! — вскричали трое евнухов, направляясь к безголовым воинам. — Если раньше мы рубили только головы, то теперь отделим от ваших туловищ руки и ноги!

— Ну, братья, — сказал Аладдин своим товарищам в черном, — посмотрим, насколько хорошо мы научились драться, будучи разбойниками!

Али-Баба достал голову Касима из бурдюка.

— Приятно видеть тебя снова, брат, — заметил Касим. — В этом мешке становится

ужасно скучно.

— Не сомневаюсь, — ответил Али-Баба. Оказалось, что ему по-прежнему несколько затруднительно разговаривать с головой, пусть даже с головой собственного брата, если к этой голове не приделано туловище. — Я постараюсь бросить тебя как можно точнее.

Так он и сделал, и тут раздался женский крик.

— Подождите! — Али-Баба узнал голос своей служанки Марджаны.

Голова Касима приземлилась на плечи одному из безголовых. Ухватившись за белый халат зубами, голова издала несколько приглушенных звуков, возможно означавших: «Я почти у цели!»

— Почему вы так спешите драться? — настойчиво вопрошала Марджана. — Это чисто мужская черта и, боюсь, не самая лучшая. И к тому же, Мордраг, почему ты так набрасываешься на своих гостей при первом же намеке на конфликт?

— ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ? А ЧТО Я ДОЛЖНА БЫЛА СДЕЛАТЬ? — проворчала пещера у нее под ногами.

Касим старался поближе подобраться к перерубленной шее с помощью языка и зубов. Тело, однако, этого совершенно не хотело и принялось дергать плечами, пытаясь стряхнуть непрошенного гостя. Касим издал новую серию мычаний, приглушенных одеждой, на этот раз, возможно, говоря: «Это труднее, чем я думал!»

— Ты коллекционируешь золото и женщин, — продолжала Марджана, обращаясь к пещере, — и не желаешь слушать ничего, кроме развлекательных историй. Судя по тому, что мне известно о твоей жизни, твой главный враг — скука.

— ГИБКОСТЬ — НЕ САМАЯ ХАРАКТЕРНАЯ ДЛЯ ПЕЩЕР ЧЕРТА, — признала Мордраг. — ЧЕГО ВЫ ОТ МЕНЯ ХОТИТЕ, ПОКА Я НЕ УБИЛА ВАС ВСЕХ И НЕ НАЧАЛА ВСЕ СНАЧАЛА С НОВОЙ ГРУППОЙ?

Тело, которое оседлал Касим, теперь пыталось ткнуть голову саблей, делая это весьма неуклюже, поскольку у него не было глаз, чтобы направлять движения. Касим снова издал серию абсолютно нечленораздельных звуков, хотя, возможно, это означало: «Снимите меня отсюда!»

— Ты же вечно ищешь приключений, — пояснила Марджана. — Вместо того чтобы пытаться остановить нас, почему бы не позволить событиям идти своим чередом, чтобы насладиться всей их полнотой?

— ЖЕНЩИНА, НА ДАННЫЙ МОМЕНТ ТЫ УБЕДИЛА МЕНЯ, — признала Мордраг. — НО ПОМНИ, ПОСКОЛЬКУ ПЕЩЕРЫ ОБЫЧНО НЕ ОТЛИЧАЮТСЯ РАЗГОВОРЧИВОСТЬЮ, У НАС НЕ ВЫРАБОТАЛАСЬ ПРИВЫЧКА ДЕРЖАТЬ СЛОВО.

И тут же двенадцать тел попадали наземь. Касим с визгом покатился прочь. Отдышавшись, он провозгласил:

— По крайней мере все, что я делаю, я делаю достойно.

Али-Баба подхватил голову и снова засунул в мешок, пока Касим не успел продолжить тираду.

— И чего ты теперь от нас ждешь? — отважно спросила Марджана у пещеры.

Сейчас, когда тела больше не угрожали им, Ахмед снова занял свое место возле нее и смотрел на девушку с искренним восхищением.

— НЕ ОДНИ ВЫ БРОДИТЕ ПО ЭТИМ ПРОХОДАМ. ПОЧЕМУ БЫ НЕ ОТПРАВИТЬСЯ НАВСТРЕЧУ ВАШЕМУ ПРИКЛЮЧЕНИЮ? — Пещера хихикнула — тот самый звук, который слышат Али-Баба в самый первый раз, когда обнаружил бесценный клад. — АХ ДА. СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

И тут же очередная каменная плита обрушилась на еще слегка подергивающиеся тела безголовых воинов. Синдбад, стоявший ближе всех к упавшей плите, опасно выглянул наружу.

— Похоже, это тот самый коридор, по которому мы пришли. Хотя как можно достоверно отличить одну пещеру от другой — это выше моего понимания.

— СТУПАЙТЕ ПО СВОИМ СЛЕДАМ, — велела Мордраг, — И ВСТРЕТИТЕ СВОЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

Али-Баба решил, что снова пойдет во главе отряда. Он опустил взгляд на гладкий кусочек гранита у себя в руке.

— Готов ли ты к этому, о наш хранитель?

— Я подозреваю, что происходящее куда масштабнее, чем то, с чем я привык иметь дело, — несколько неуверенно ответил камень. — Опять-таки то, с чем я привык иметь дело, обычно сидит на одном и том же месте тысячелетиями, придавленное силой тяжести. Я сделаю, что смогу.

Остальные последовали за дровосеком в проход, вновь зажигая факелы, чтобы разогнать тьму. В конце короткого коридора снова обнаружились ступени, ведущие вверх.

— Полезем? — спросил Али-Баба у тех, кто шел за ним.

— ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВАС, — заполнил все вокруг рокочущий голос Мордраг.

Они начали карабкаться по ступеням. Но лестница оказалась короткой, за ней последовал другой коридор, который круто уходил влево, и там обнаружилась еще одна лестница. Короче говоря, дорога вверх была совсем не похожа на тот путь вниз, что запомнил Али-Баба.

— Может быть, пещера играет с нами? — спросил он вслух.

— МОЖЕТ БЫТЬ, — прогремел голос Мордраг со стен, пола и потолка.

— Тебе обязательно забавляться с нами именно так? — спросил Аладдин. — Ты когда-нибудь позволишь нам уйти?

— ЕСЛИ БЫ Я ОТКРЫЛА ВАМ ЭТО, СИТУАЦИЯ УТРАТИЛА БЫ ВСЮ ОСТРОТУ НЕИЗВЕСТНОСТИ. ВОТ ЧТО Я ВАМ СКАЖУ. Я ВПОЛНЕ СОГЛАСНА С ЮНОЙ МАРДЖАНОЙ. ИЗ ЭТОГО МОЖЕТ ВЫЙТИ НАСТОЯЩАЯ ДРАМА.

В этот миг Али-Баба даже не знал, помогло им заступничество его юной служанки или навредило.

Ступеньки внезапно закончились, сменившись очередным коридором, уходящим, похоже, гораздо дальше, чем можно было разглядеть в свете факелов.

— Где мы? — спросил Ахмед у тех, кто был рядом с ним.

Но никто не имел ни малейшего понятия.

— Мы потерялись навеки! — запричитал Касим.

— Ты всегда был слабохарактерным, — заметила его жена.

Однако Али-Баба уже начинал немного представлять, как все устроено в волшебной пещере.

— Похоже, для того, кто позитивно настроен, надежда есть, — сказал он остальным. — Коридоры и нижняя пещера появлялись перед нами тогда, когда я задавал вопросы или принимал решения. Значит, теперь я должен принять решение.

Он чувствовал себя немного глупо, пытаясь проделать это там, где не было и намека на какой бы то ни было проход. Но почему бы и нет? Ведь раньше-то получалось.

— Эй, — воскликнул он поэтому. — Сезам, откройся!

Трое евнухов взвизгнули, ибо под ногами у них открылся люк.

— Куда они подевались? — поинтересовался Гарун, светя факелом во вновь образовавшееся отверстие. — По-моему, я вижу... золото!

— Значит, это другой вход в сокровищницу? — спросил Ахмед.

— Должно быть, так! — подтвердил Синдбад. — И волшебная лампа тоже там.

— Мне кажется, — сказал Аладдин собравшимся вокруг него, — что нам пора последовать за нашими братьями. — И с этими словами он спрыгнул в открывшийся лаз.

Что оставалось Али-Бабе, как не отправиться следом?

Глава тридцать вторая, в которой в пещере оказывается полно не только золота

Падение было недолгим. Али-Баба и остальные с оглушительным звоном шлепнулись

на груды золотых монет.

— Берегитесь! — подали голос евнухи откуда-то рядом. — Мы не одни в этой сокровищнице.

— Значит, маг и наш главварь опередили нас! — догадался Синдбад. — Аладдин, живо! Пока они не нашли лампу! Ты должен воспользоваться кольцом и моли Небо, чтобы джинн уже достаточно отдохнул!

С этим, во всяком случае, Аладдин согласился и поспешно потерял кольцо. На этот раз появилось приемлемое количество багрового дыма, который достаточно быстро развеялся, являя взглядам обсидианового джинна. Глаза существа ярко горели в тусклом свете этого дальнего закутка сокровищницы. Джинн открыл свой страшный рот и произнес следующее:

О да, я раб кольца, и хоть устал безмерно,
Тебе в любой беде готов служить я верно.
Чего изволишь, хозяин, чего изволишь?

— Где-то в этой сокровищнице, — пояснил Аладдин, — находится лампа, в которой обитает твой сородич. Отыщи эту лампу и принеси ее сюда!

Но на этот раз джинн заколебался.

— Я не уверен, что могу сделать это, о хозяин. Мы, сверхъестественные существа, подчиняемся строжайшим правилам и исповедуем отказ от конкуренции и вмешательства. Джинны — существа крупные и обособленные, любящие уединение.

— Может, — разумно предложил Ахмед, — погасим сперва эти все еще горящие факелы? Кажется, там, в главном зале, света хватает, и я думаю, нам следует скрывать наше присутствие здесь как можно дольше.

«Правильно», — подумал Али-Баба. Хотя они провалились в помещение очень внушительных размеров, настолько набитое золотыми монетами, что ноги дровосека по колено ушли в груды золота и все равно не достали пола, похоже, это было всего лишь преддверие главного зала, где хранились сокровища. Через большую арку дверей, ведущих туда, Али-Баба мог разглядеть отблески дрожащего света факелов, без сомнения тех же самых, которые он видел, когда в первый раз нашел сокровище. Это было всего несколько дней назад, хотя ему казалось, что с тех пор прошла целая жизнь.

Али-Баба почувствовал, как две мягких, но сильных руки сжали его руку.

— В этом закутке так темно без огня факелов, — хрипло сказала ему на ухо жена Касима. — Какое счастье, что есть надежная рука, чтобы защитить меня!

— Мне очень жаль разочаровывать тебя, о жена, — встряла голова Касима, висящая в мешке на плече у дровосека. — Но мне сдается, что мои руки находятся в двух разных мешках.

Гарун с усилием передвигал увязшие в монетах ноги, и каждое его движение сопровождалось оглушительным звоном золота.

— Не представляю, — проворчал он, — как мы можем скрытно приблизиться к кому бы то ни было, идя по этой трясине?

— Хорошо, — сказал Аладдин. — О джинн кольца!

Громадный черный дух кивнул:

— Слушаю и повинуюсь. В разумных пределах, конечно.

И Аладдин спросил его:

— Можешь ты перенести нас в центр того главного зала сокровищницы?

Джинн быстро пересчитал присутствующих.

— Это мне вполне по силам. Считайте, что это уже сделано!

Али-Баба моргнул и оказался в освещенном светом факелов зале, перенесенный туда в мгновение ока вместе со всеми его товарищами, тремя женщинами и тремя евнухами. Все они стояли на огромном помосте из чистого золота. И все вокруг тоже было золотое: монеты, и браслеты, и статуи, и слитки, и крупные необработанные самородки — абсолютное

однообразие цвета, нарушаемое то здесь то там случайными островками драгоценных камней всех мыслимых оттенков. Вдалеке Али-Баба разглядел несколько вестибюлей, окружавших этот великолепный зал. Несомненно, именно из такого вестибюля джинн и перенес их сюда, но тогда Али-Баба и понятия не имел о количестве и ценности собранных здесь богатств, ибо если то помещение, где они находились прежде, было золотым озерцом, то теперь они видели перед собой океан.

— Я подобного даже представить не мог, — сказал Гарун в пространство. — Такое богатство сделало бы честь даже любому из моих дворцов.

— Неудивительно, что разбойники столкнулись с трудностями в добывании золота, — добавил Ахмед. — Похоже, в этом зале собраны все ценности с нашей части света.

— Двадцать три биллиона четыреста миллионов семьсот шестьдесят три тысячи семнадцать динаров, — объявил Синдбад. — И это только то, что лежит на поверхности.

— Пожалуй, здесь собраны ценности со всего мира вообще, — тихонько присвистнул Ахмед.

— Мне доводилось слышать про пещеры, одержимые сильными страстями, — заметил камень, по-прежнему покоящийся в кулаке у Али-Бабы. — В конце концов, пещеры — это всего лишь большие ямы, страстно желающие быть засыпанными.

Али-Баба почувствовал, как стройная нога прижалась к его бедру.

— Желание это мне понятно, — шепнула жена Касима.

— Но я должен признать, — продолжал камень, — что тетушка Мордраг, пожалуй, немножко перестаралась.

— Но где же среди всего этого, — пал духом Аладдин, — сумеем мы отыскать лампу, таящую в себе джинна и ключ от нашей удачи?

Зрелище действительно обескураживало, с этим дровосек был согласен. Пещера, собравшая в себе сокровища со всего мира? Если она и в остальном столь же преуспела, то Али-Баба жалел, что у него не было времени получше познакомиться с Дворцом Красавиц. Но с другой стороны, одна-то красавица была совсем рядом. Али-Баба вдруг пожалел о своем решении взять мешок с головой Касима. Трудно думать о жене брата, когда часть этого самого брата находится рядом.

— Почему бы не обратиться снова к джинну кольца? — предложил Синдбад. — Лампу он нам не принесет, но насчет того, чтобы помочь в ее поисках, он ничего не говорил.

— Отличная идея, — согласился Аладдин, вновь натирая кольцо.

Джинн появился вслед за обязательным дымом.

Я раб кольца, но должен вам сказать,
Все это начинает раздражать.
Чего изволишь, хозяин, чего ты еще изволишь?

«Похоже, — решил Али-Баба, — мы таки вывели джинна из себя».

— Тысяча извинений, о дух кольца, — настойчиво сказал Аладдин, — но у нас есть еще одна просьба. Хотя мы поняли, что ты не в силах принести нам другого джинна, но хотели бы знать, не мог бы ты указать нам, где этот самый другой джинн находится в столь огромном помещении?

— Мог бы, конечно, — подтвердил джинн. — Это и все, чего ты хотел?

— Нет, конечно, — огрызнулся Аладдин, что показывало, в каких растрепанных чувствах он находится. — Нам нужно, чтобы ты точно показал, где находится этот джинн.

Трудно разглядеть выражение лица, которое отражает всяческий свет, но все же Али-Бабе показалось, что джинн нахмурился.

— При такой богатой практике можно было ожидать, что ты научился правильно формулировать свои желания. — Он хмыкнул без малейшего энтузиазма. — Полагаю, в кодексе поведения джинна не содержится ничего такого, что могло бы помешать мне показывать на себе подобных, хотя такая просьба наносит некоторый урон моей

профессиональной гордости. Прекрасно. По крайней мере я получу хоть какую-то передышку. — Он указал вправо от себя. — Ближайший джинн — вон в той куче, и он воистину очень могущественный.

— Где? — переспросил Аладдин. — Я не вижу там никакой медной лампы!

— Этот джинн обитает не в медной лампе, — самодовольно пояснил дух, — а вон в той красочной бутылке.

Али-Баба заметил, что при одном лишь упоминании подобного вместилища и Синдбад, и Ахмед разом попятнулись.

— Узнаешь бутылку? — спросил Ахмед.

— Еще бы! — ответил Синдбад. — Это та самая, в которую мы поймали великого и ужасного Оззи, джинна силы отнюдь не малой.

— Так Оззи тоже угодил сюда? Похоже, в этой пещере действительно собраны все богатства мира, — изумленно произнес Ахмед.

Они услышали глубокий довольный смешок, исходящий от стен.

— Пещера без репутации — ничто, — заметил камень в кулаке Али-Бабы.

— Но это не тот джинн, который нам нужен! — воскликнул Аладдин. — Нет ли здесь других?

— Вообще-то штуки три или четыре, — ответил дух кольца. — Пара совсем слабых. Есть джинн пуговицы, почти у твоих ног. В пуговице для джинна места даже меньше, чем в кольце. А в дальнем конце зала есть джинн наперстка, а в вестибюле позади нас — джинн булавочной головки.

— Джинн пуговицы? — вскричал Касим из своего мешка. — Джинн наперстка? Может, кто-нибудь из них сведущ в шитье?

Но дух кольца оставил без внимания вопрос Касима, ибо тот не был обладателем кольца. Вместо этого он продолжал обследовать золото.

— Ты сказал, лампа? Да, есть еще один джинн, на полпути к выходу из зала. — Он повернулся и махнул рукой им за спину. — Далеко не такой сильный, как тот, в бутылке. Он вот за той грудой золота, — дух кольца указал снова, — рядом с двумя джентльменами. Полагаю, вам их отсюда не видно.

— Берегитесь! — торжествующе вскричал один из евнухов. — Что мы говорили насчет того, что тут кто-то есть?

За всеми этими богатствами и чудесами Али-Баба совсем позабыл про их соперников, и остальные, без сомнения, тоже.

Все стоящие на помосте повернулись лицом к другой половине золотого моря. Они были вознаграждены торжествующим воплем из-за той самой кучи золота.

— Лампа сейчас у одного из двух джентльменов, — пояснил джинн кольца. — Прошу прощения. Теперь она уже у обоих.

За торжествующим криком сразу же последовали другие, куда более сердитые.

— Э, нет, не смей!

— Сам не смей!

— Кажется, мы договорились поделить все пополам!

— Вот именно! Так что же ты не делишься своей половиной?

Крики продолжались, и Али-Баба увидел, как из-за горы золота взметнулась сначала одна рука, потом другая, потом сразу две разные руки, вцепившиеся в лампу.

— Я тебя заколдую!

— Мне придется пустить в ход свою беспощадную саблю!

Верхушка золотой горы рассыпалась, и из-за нее выкатились два человека — сплошной клубок рук и ног. Волшебная лампа была где-то между ними.

— Теперь она моя!

— Ну уж нет!

— Я первый схватил!

— Но после меня!

— Погоди! — воскликнул атаман, когда они скатились к подножию горы. — Мы не одни!

— Этот способ отвлекать внимание мне прекрасно известен, — с глубоким сарказмом ответил маг. — Ты забываешь, кто здесь владеет магическими приемами... О, да у нас гости, не так ли?

Разбойник и колдун увидели Али-Бабу и его компанию.

— Вы здесь! — вскричал атаман. — Мои верные соратники! Убейте этого подлого мага, ибо в нем источник всех наших бед!

Али-Баба не испытывал ни малейшего желания делать что-либо для их бывшего предводителя. Его друзья, судя по всему, были настроены так же, поскольку ни один из них даже не шелохнулся.

— Теперь, когда заклятия мага больше не довлеют над нами, — сказал главарю Гарун, — у тебя нет больше над нами власти.

— Ах, вот оно что, оказывается? — Главарь нахмурился. — Маг! Живо наложи снова свои заклятия, чтобы я мог заставить этих людей разорвать тебя... О Всевышний! Пожалуй, этот номер не пройдет, да?

— Скоро у тебя вообще никакой номер не пройдет, — объявил маг, оступаясь и скользя на рассыпанных монетах. — Тьфу, пропасть! Как тут можно достойно сражаться, когда нет даже твердой опоры под ногами?

— У вас у обоих ничего не выйдет, — сказал Аладдин, — потому что теперь мы знаем, кто такой на самом деле этот колдун.

— И к тому же, — добавил Ахмед, — нам теперь известно, что наш бывший предводитель — на самом деле Грязнуля!

Тут главарь разбойников взревел, великая и ужасная ярость придала ему сил, и он вырвал лампу у мага.

— Моя! — вскричал он. — Наконец-то моя печень вернется ко мне. Лампа моя!

— Думаю, что нет! — возразил колдун, на которого, судя по тону, это не произвело ровным счетом никакого впечатления. — Сначала, однако, я должен немножко прибраться здесь! — Он выкрикнул три непонятных слова и взмахнул руками над головой.

Атаман взвизгнул, ибо монеты исчезли у него из-под ног. Лампа с лязганьем выпала из его рук.

Али-Баба был потрясен силой мага. Одним лишь мановением руки тот переместил все находившееся здесь золото, сложив из монет огромную стену от пола до потолка почти по всему периметру зала, а перед этой стеной лежали аккуратно рассортированные по кучкам драгоценные камни и прочие ценные вещи, которым из-за их размеров или формы не нашлось подходящего места в стене. Единственным во всем помещении золотым предметом, оставшимся на прежнем месте, похоже, было центральное возвышение, на котором все еще стояли Али-Баба и его спутники. Вот так, разом и удивительно, заклинание очистило бо?льшую часть пола пещеры.

— Мне стоило бы нанять тебя на постоянную службу, — пророкотал голос Мордраг. — Подумать только, насколько больше золота теперь сюда влезет!

Но колдуна интересовало нечто поважнее золота. Воспользовавшись тем, что остальные ошеломлены его заклинанием, он кинулся к упавшей лампе.

— Лампа! — вскрикнул Аладдин. — Но поздно! Мне нипочем до нее не дотянуться!

— Зови своего джинна! — решительно приказал Ахмед.

— Ох, и верно! — ойкнул Аладдин, ибо джинн снова взял прежнюю манеру при первой же возможности возвращаться в кольцо.

— Поздно! — торжествующе объявил маг. — Лампа будет моей!

— Ну уж нет! — гулко возвестил чей-то голос из дальнего конца пещеры.

Все, кто был в зале, разом взглянули туда. Там, в окружении своих искусных лучников, стоял Беспалый.

— У меня здесь двадцать человек, — с привычным злорадством сообщил он, —

каждый из которых вполне успеет выпустить стрелу прежде, чем ты сможешь сделать хотя бы шаг или произнести заклинание. Очень мило с вашей стороны было показать нам дорогу ко всем этим несказанным сокровищам. Теперь, когда мы видим золото, оно, конечно же, наше, не говоря уже об этой очень занятой лампе!

— Ну уж нет! — отозвался женский голос из противоположного конца пещеры.

Али-Баба и остальные в полном изумлении развернулись, чтобы посмотреть на новую незваную гостью.

— О горе! — продолжала тем временем женщина. — Я боялась, что с тобой случилось самое худшее, о муж мой!

Али-Баба не мог поверить своим ушам и глазам. Женщина в другом конце пещеры была его женой, да еще в компании человека в высоком шлеме и яркой форме начальника городской стражи.

Тут дровосека обуяло любопытство.

— Как ты сюда попала, о жена? — воскликнул Али-Баба.

— Это было проще простого, — ответил вместо нее начальник стражи. — Ты дал ей кое-какие основные указания, которые и навели нас на правильный путь. Когда мы добрались сюда, все, что нам оставалось делать, — последовать за обессиленными и страдающими от обезвоживания мужчинами в белых одеждах.

— О горе! — добавила жена дровосека. — Я ни о чем другом и думать не могла, ибо во что превратилась бы моя жизнь, лишенная бесед с тобой?

— Может быть, — сказала на ухо Али-Бабе жена Касима, — я могла бы быть твоей второй женой и позаботиться о той части твоих потребностей, которые твоя первая жена, возможно, не удовлетворяет.

— Я все слышал! — завопил Касим из своего мешка. — Как ты можешь выйти за него замуж, когда ты уже моя жена?

Супруга Касима подбоченилась, уперев красивые руки в еще более красивые бедра.

— Разве не ты сам говорил: «Теперь, разрубленный на шесть частей, я долго не протяну»?

— Муж имеет право быть мелодраматичным! — оправдываясь, захныкал он.

— А жена имеет право строить планы на будущее! — вызывающе бросила она.

— Всею виной моя тогдашняя депрессия, — пояснил Касим, — вполне понятная, если учесть, что произошло. Я просто сильно расстроился.

На это жена его печально кивнула:

— Холить и лелеять мех для воды — очень слабое утешение.

— О горе! — Очередное стенание жены заставило дровосека снова переключить внимание на нее. — Теперь наше приключение окончено, и я снова должна буду стать самой обычной домохозяйкой!

— А мы, разумеется, должны будем забрать все золото, — заметил начальник стражи. — Я уверен, что на этот случай есть какой-нибудь закон султана. А если и нет, он с радостью сочинит новый. — Он шагнул к ближайшей золотой стене. — С таким количеством золота даже султану удастся наконец сбалансировать свой бюджет! И мы должны изъять в качестве улик все остальное, включая... что там у нас, лампа? Да, совершенно верно, эта лампа наша.

— Ну уж нет! — воскликнул колдун и выкрикнул с полдюжины слов.

Начальник стражи застыл на месте и в следующий миг превратился в статую из чистого золота.

— То же будет с каждым, кто приблизится ко мне хоть на шаг, или выпустит стрелу, или метнет копьё! — Маг спокойно и неторопливо направился к упавшему светильнику. — Я боролся за эту лампу двадцать лет, из них два года служил отвратительнейшему из всех разбойничьих главарей. — Предводитель разбойников завопил от ярости, но не шелохнулся.

— Я составил заклинание таким образом, — продолжал колдун, — чтобы в нашу шайку наверняка попадали самые никчемные разбойники.

Разбойники вокруг Али-Бабы завопили от ярости. Мгновение спустя к ним присоединился и Али-Баба. Никчемный? Да он был одним из лучших дровосеков!

— Нет, вы представляете? — хихикал маг. — Принять в члены шайки человека, разрубленного на шесть частей!

— Не будь я взаперти в этом мешке... — сердито пробормотал Касим.

— И все это время я наблюдал и ждал, когда же мне представится возможность увидеть лампу и завладеть ею. Когда на нас напал этот спесивый Беспалый со своими людьми в дурацких белых одеждах, я понял, что это мой шанс!

Гоха и его люди завопили от ярости.

— Схватить его и разорвать на части! — взвизгнул Беспалый.

Ни один из его людей не внял призыву, вместо этого они предпочли разглядывать новехонькую статую начальника стражи.

— И вот, — продолжал разглагольствовать колдун, как это принято у всех злодеев, — я сумел достаточно долго выносить ужасное общество главаря разбойников, чтобы он показал мне, где находится лампа. Каких жертв это стоило мне! Я как никто заслужил эту награду. Теперь она моя!

— Ну уж нет! — Али-Баба взглянул в сторону третьего из множества входов в пещеру. Там толпились сотни и сотни обитательниц Дворца Красавиц. — Мы дни, месяцы, даже годы томились в заточении в этом заколдованном месте. Когда вы появились, некоторые из нас позволили низменным инстинктам взять над собой верх, но и только. Если кто и заслуживает того, чтобы завладеть всеми сокровищами этой пещеры, так это мы, с которыми так скверно поступили! Среди нас также немало умных женщин, которые будут рады отразить любые твои заклинания!

— Довольно болтовни! — завопил маг, падая на пол. — Лампа моя!

Глава тридцать третья, в которой встречаются джинны, а расплачивается пещера

Ахмед толкнул Аладдина.

— Ты почему не трешь свое кольцо?

— Ах да! — Аладдин принялся за работу. — Я немного отвлекся из-за такого скопления народа.

Но маг тоже трудился — и столь усердно, что столбы багрового дыма вылетели из двух разных предметов почти одновременно и два рокочущих голоса заполнили зал.

— Я джинн волшебной лампы...

— Раб кольца снова перед тобой...

— Я так долго просидел взаперти, что...

— Ты слишком часто вызывал меня, чтобы...

Два джинна уставились друг на друга и разом разразились воплем:

— Я не слышу собственного голоса!

Оба они умолкли на миг, прежде чем добавить:

— Когда джинн говорит, все остальные молчат!

— Уничтожь их! — велел маг духу лампы.

— Подожди, о хозяин, — ответил джинн лампы. — Я ведь даже не приступал еще к своей речи «Чего изволишь?». Существует определенный этикет, и его надо соблюдать.

— Чего еще ждать от этих людей! — прокомментировал джинн кольца.

— А ты кто такой? — поинтересовался дух лампы, высоко задрав свой сверкающий золотой нос. — Простой джинн кольца?

Глаза другого духа полыхнули темно-красным пламенем.

— Джинны кольца вовсе не простые! Мы — самые трудящиеся из всех духов!

— И самые заурядные, — пренебрежительно бросил золотой дух. — Давай покончим с этим, о хозяин, чтобы я мог удалиться от этих существ и вернуться на покой в свою лампу.

— Вот как? — отозвался джинн кольца. — Явившись из кольца, я уже был достаточно сердит, но, возможно, зря мой гнев был обращен на людей! Думаешь, легко всю жизнь прожить втиснутым в малюсенькое колечко, вечно стараясь как можно аккуратнее разместить в нем свою силу, чтобы не тратить ее сверх необходимого?

— Хватит ныть! — отрезал джинн лампы. — Пожалуй, я уничтожу не только этих жалких людишек, которые прячутся за твоей спиной. Кажется, ты тоже слишком зажился на свете!

— Как ты смеешь? — изумился дух кольца. — А как же конвенция о джиннах?

— Ах, ну да. — Напоминание, похоже, слегка отрезвило духа лампы. — Ладно, убью только тех, кто вокруг тебя.

Али-Баба смотрел на громадного золотого духа. Неужели им конец, хотя у них тоже есть свой джинн?

Но тут вперед вышла Марджана.

— Эй, подождите!

— Можешь продолжать, о хозяин, — заметил джинн лампы. — Или мне следует сказать в соответствии с буквой закона: «Чего изволишь, хозяин, чего изволишь?»

— Неужели ты, могущественный джинн кольца, намерен позволить кому бы то ни было разговаривать с тобой подобным образом? — быстро спросила Марджана.

— Что ты имеешь в виду? — несколько сконфуженно отозвался джинн кольца.

— Так я могу просить, чтобы они были уничтожены немедленно? — осведомился маг у джинна лампы.

— Ты просто собираешься позволить этому снобу убить нас и таким образом доказать, что он намного сильнее, чем обычный дух вроде тебя?

— Ну почему, конечно нет. Я и не думал делать ничего подобного. Совершеннейшая неправда!

— Ну конечно можешь, — заверил джинн лампы. — Ты этого хочешь? За это время ты, наверное, решил, что тебе нужно на самом деле.

— Ну, тогда, — продолжала девушка, — сделай что-нибудь, чтобы доказать свои намерения!

Обсидиановый дух нахмурился.

— Может, у тебя есть какие-нибудь предложения?

— Аладдин! — приказала Марджана. — Вели духу кольца уничтожить мага!

И вышло так, что Аладдин пожелал, чтобы колдун был уничтожен, в тот же миг, когда тот потребовал уничтожить Аладдина и его друзей.

— Прекрасно, — хором сказали оба джинна. — Твое желание для меня — закон.

— Жена моя! — воскликнул Касим. — Мы наверняка погибнем. Неужто мы не помиримся напоследок?

— С одной частью, — презрительно поинтересовалась его жена, — или со всеми сразу?

— Прошу прощения, — сказал дух кольца джинну лампы. — Я должен пройти мимо тебя, чтобы убить твоего хозяина.

— Я тоже извиняюсь, — в свою очередь ответил дух лампы, — но не могу допустить этого, пока не убью сначала твоего хозяина.

Два джинна долго смотрели друг на друга.

— Вот как? — произнес наконец дух лампы.

— Кто тут намерен помешать мне? — отозвался дух кольца.

— Я не намерен выслушивать поучения от какого-то обитателя кольца!

— Тебе, наверное, никогда не приходило в голову почистить свою лампу!

И вот оба джинна становились все крупнее и крупнее, крича друг на друга и не делая больше ничего. Своими взаимоисключающими пожеланиями Аладдин и маг нейтрализовали обоих!

И тут загрохотала пещера вокруг них:

— ХВАТИТ, ДОВОЛЬНО. КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ЭТО БЫЛО ЗАБАВНО. ВЫ БЫЛИ ПРАВЫ, ЧТО НАДО ПОЗВОЛИТЬ ДРАМЕ ИДТИ СВОИМ ЧЕРЕДОМ. НО ТЕПЕРЬ ПОРА ПРОЯВИТЬ ТВЕРДОСТЬ!

— Но что нам теперь делать? — вслух спросил Али-Баба.

— ПОЛАГАЮ, ЖЕНЩИНАМ СЛЕДУЕТ ВЕРНУТЬСЯ ВО ДВОРЕЦ, — ответила пещера. — Я УСТРОЮ ПОДОБНОЕ СООРУЖЕНИЕ И ДЛЯ МУЖЧИН. ТОГДА И ЖЕНЩИНЫ, И МУЖЧИНЫ ДО КОНЦА СВОИХ ДНЕЙ СМОГУТ РАССКАЗЫВАТЬ МНЕ СВОИ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ.

— Таким образом, — признал камень в ладони Али-Бабы, — по крайней мере один из нас получит то, чего ему очень хочется.

— О жена моя! — вскричал Касим. — Быть может, ты обнимешь меня в последний раз? Мы вот-вот разлучимся навеки!

— Давно пора, — ответила его супруга, следя за разворачивающейся над нею драмой.

— Прости, о хозяин, — вставила Марджана, — но, может, я попробую еще раз поговорить с этими, наверху?

— Разве она не самая чудесная из женщин? — восхитился Ахмед.

— ПРЕДУПРЕЖДАЮ! — воскликнула Мордраг раскатом отдаленного грома. — ЛЮБОЙ ТРЮК — И ЭТО ПЛОХО ДЛЯ ВАС КОНЧИТСЯ!

— Джинны! — позвала Марджана. — Почему вы сражаетесь друг с другом?

— Я не хотел, — сказал раб кольца, — но этого твердолобого типа из лампы иначе не сдвинешь.

— Я тоже не хотел, — заявил раб лампы, — но разве можно договориться с существом низшего уровня?

— Быть может, — спросила Марджана, — настало время вам стать выше мелких желаний этих людей и сделать что-нибудь действительно впечатляющее? Что-нибудь, что выделит вас среди прочих джиннов.

Ахмед, улавливая ход ее мысли, с великим энтузиазмом подхватил:

— Что-нибудь, о чем из поколения в поколение будут рассказывать истории и слагать песни — и в царстве духов, и среди людей!

— Звучит довольно разумно, — пробормотал джинн лампы.

— Думаю, это вариант, — согласился джинн кольца.

— Конечно, — продолжала Марджана, — вам нужны будем мы, чтобы поведать об этом и таким образом гарантировать, что о вас узнают повсюду.

— ПОГОДИТЕ НЕМНОЖКО, — проворчала пещера. — СЛИШКОМ БЫСТРО ДЛЯ КАМЕННЫХ МОЗГОВ. Я ДОЛЖНА НЕМНОГО УСПОКОИТЬСЯ, ЧТОБЫ ВЫ МОГЛИ ПРОДОЛЖИТЬ СВОИ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ.

Но Марджана зашла уже слишком далеко, чтобы останавливаться.

— Скорее! — убеждала она джиннов. — Вскройте потолок этой пещеры и поднимите нас всех наверх!

— Вы прославитесь в веках! — воскликнул Ахмед. — Мы станем называть этот день Общенациональным Днем Джинна!

— Не уверен, что хочу прославиться на пару с джинном кольца! — объявил раб лампы.

— Вот как? — парировал дух кольца. — Готов поспорить, что ты не в состоянии по утрам отыскать выход из этой жалкой лампы!

— ХВАТИТ! — снова повторила Мордраг. — ОНИ БУДУТ ПЕРЕРУГИВАТЬСЯ ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ!

И Али-Баба понял, что, несмотря на все усилия самых умных на свете слуг, джинны, скорее всего, так и поступят.

— Итак, кто расскажет мне какую-нибудь историю, пока я не потеряла терпение? Ты, в шести частях. Наверняка и историй у тебя должно быть шесть!

— Оставь меня в покое! — заскулил Касим. — У меня был такой плохой день!

— ДОВОЛЬНО С МЕНЯ НЕПОСЛУШАНИЯ, — оглушительно прогремела

Мордраг. — Я ПОКАЖУ ВАМ, ЧТО БЫВАЕТ С ТЕМИ, КТО НЕ ПОВИНУЕТСЯ ВОЛШЕБНОЙ ПЕЩЕРЕ!

И тут Касим вскрикнул.

На мгновение наступила тишина.

— Что ты сделала с моим братом? — спросил Али-Баба.

— Берегитесь! — возвестил ближайший из евнухов. — Мы заглянем в этот мешок, что у тебя на плече, ибо мы привыкли к крови.

С этими словами трое евнухов склонились над мехом для воды, который отдал им Али-Баба. Они развязали его и с одинаково серьезным видом заглянули внутрь.

Из недр мешка раздался писклявый голос, еще более пронзительный, чем у евнухов:

— Касим запомнит это! Ты еще пожалеешь!

Старший евнух поспешно завязал мешок.

— Это говорят его зубы.

— Они теперь отдельно от его лица, — добавил второй.

— А голова распалась на шесть частей, — сообщил третий.

— И ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ТОЖЕ, — с мрачным смешком заверила пещера. — И ИХ ТЕПЕРЬ ШЕСТЬ РАЗ ПО ШЕСТЬ. НО ПРОДОЛЖАЙТЕ! НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ СНОВА ДЕМОНИСТРИРОВАТЬ СИЛУ. КТО РАССКАЖЕТ МНЕ ЗАНИМАТЕЛЬНУЮ ИСТОРИЮ?

Все заговорили разом.

— Я могу рассказать про огромный островной вулкан и еще более внушительное пуканье, — предложил Гарун.

— ПОЖАЛУЙ, ЭТА ИСТОРИЯ ЧЕРЕСЧУР ЗАБАВНАЯ, — пробормотала Мордраг.

— О горе! — запричитала жена Али-Бабы. — Она хочет, чтобы я, бедная подруга дровосека, рассказывала ей сказки?

— Беспалый не достиг бы своего высокого положения, если бы не учитывал интересы других. Возможно, мы сумеем договориться.

— Мы не вернемся смиренно назад во Дворец Красавиц! Мы хотим, чтобы вы поняли, что кое-что придется менять!

— Никаких историй! — завопил помощник начальника стражи. — Никаких историй, пока мы не соберем налог со всего этого богатства!

— Я больше тебя! — кричал джинн лампы.

— А твоя мать была суккубом! — парировал дух кольца.

— ДОВОЛЬНО! — взревела Мордраг. — Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ! В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЗАЧЕМ МНЕ ПОНАДОБИЛОСЬ ЗАНИМАТЬСЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕМ ЛЮДЕЙ? ПОЧЕМУ Я НЕ УДОВЛЕТВОРИЛАСЬ ПРОСТО НЕСМЕТНЫМИ СОКРОВИЩАМИ?

— Дядюшка Сид всегда говорит, что у тебя слишком загребушие руки, — объявил камень в руке Али-Бабы. — Я никогда этого не понимал, учитывая, что у пещер нет рук.

— О горе! — вскричала жена дровосека. — Такая большая пещера, и не может выслушать несколько самых простеньких жалоб?

— Я НЕ ПОЗВОЛЮ СЕБЯ КРИТИКОВАТЬ! — завопила Мордраг, и сама земля содрогнулась вокруг них. — ОСОБЕННО ЭТОЙ ЖЕНЩИНЕ! ОСТАНЬСЯ ОНА ЗДЕСЬ ХОТЬ НЕНАДОЛГО, Я ТОЧНО СОШЛА БЫ С УМА. НАВЕРНОЕ, МНЕ СЛЕДОВАЛО БЫ ОТПУСТИТЬ ЕЕ. ВОЗМОЖНО, СЛЕДОВАЛО БЫ ОТПУСТИТЬ ВАС ВСЕХ. НО ЭТО, СДАЕТСЯ МНЕ, СЛИШКОМ ХЛОПОТНО. ДУМАЮ, ВМЕСТО ЭТОГО, Я РАЗДАВЛЮ ВАС ПОД ТЫСЯЧАМИ ТОНН КАМНЯ И НАЧНУ ВСЕ СНАЧАЛА!

И с этими словами пещера в самом деле начала содрогаться.

Глава последняя, в которой жизнь спасена, свобода утрачена, а история продолжается

— Дядя Сид всегда говорил, что у Мордраг вспыльчивый нрав, — прокомментировал

камень из кулака Али-Бабы.

— Что нам делать? — простонал дровосек. — Мы все погибнем!

— Боюсь, что так, если не сумеем найти кого-нибудь, кто сильнее этой волшебной пещеры, — согласился камень.

— Да к тому же оба джинна поглощены своим спором из-за противоположных пожеланий! — сокрушался дровосек.

— Но разве дух кольца не упоминал о том, что здесь присутствует джинн великой силы? — спросил камень.

Со стен пещеры начали сыпаться камни.

— Дух в бутылке? — Али-Баба смотрел на начало конца. — Думаю, это в любом случае лучше, чем смерть. Но где та бутылка?

— Немного правее тебя, наверху груды похожих бутылок, — пояснил камень.

— Ах, вот она, — увидел Али-Баба. — Но как ты...

— Мне некогда объяснять, как можно видеть без глаз, — перебил камень. — Оставим эти объяснения для следующей части истории. Куда важнее открыть пробку и выпустить запертого джинна.

Али-Баба пошире расставил ноги, чтобы не упасть, поскольку земля под ним ходила ходуном.

— Как ты предлагаешь это сделать?

— Брось меня, — ответил камень. — У тебя крепкие мускулы и верный глаз дровосека, а я, возможно, смогу немножко повернуться на лету, чтобы гарантировать прямое попадание.

Дровосек мигом согласился и замахнулся.

— Ты готов? — спросил он.

— Камень не может не быть готовым.

И тут Али-Баба запустил им в цель. Несмотря на ужасную суматоху вокруг, камень полетел прямо и точно и ударился о пробку, которой была заткнута бутылка.

Ничего не произошло.

— В чем дело? — воскликнул Али-Баба. — Мы попали не в ту бутылку?

— Бутылка та самая, — прокричал в ответ камень, — но я лишь расколол надвое пробку! Я потерпел неудачу, и теперь мне остается лишь валяться здесь! Какая это проблема — быть камнем! Вы все обречены, ибо другого способа открыть эту бутылку нет!

Али-Баба уставился на камень. Почему он не подумал об этом раньше?

— Сезам, откройся! — воскликнул он.

И пробка вылетела из бутылки.

— БЕРЕГИСЬ, МИР ЛЮДЕЙ! — раздался голос, громче даже, чем голос пещеры. — ОЗЗИ ВЕРНУЛСЯ, И ОН ГОТОВ НА ВСЕ! — И тут из бутылки повалил багровый дым, в десять раз гуще, чем Али-Бабе доводилось видеть, и превратился в очень большое и противное зеленое лицо.

— ЧТО? — промямлила Мордраг.

— Ты хочешь утихомирить эту пещеру? — спросил Оззи. — Считаю, услуга за услугу. Это самое меньшее, что я могу сделать для того, кто освободил меня. Мордраг будет спать сто лет.

Пещера разом перестала трястись. Али-Баба спас их всех.

— Оззи! — воскликнул кто-то рядом с Али-Бабой.

— Синдбад, — отозвался джинн.

— Это мое имя, — ответил Синдбад, похоже, автоматически.

— Как мне это нравится. — Джинн хихикнул. — Так, что же мне с вами делать? Конечно же, человечество заслуживает наказания за то, что так надолго упрятало меня в бутылку!

«Наказания?» — подумал Али-Баба. Быть может, он же и погубил их всех.

— Но мы ведь освободили тебя... — начал он.

— А я вас спас, — ответил Оззи. — Так что мы квиты. А теперь помолчи, пока я

превращаю вас во что-нибудь, что сможет существовать в подобном месте.

Джинн умолк, что-то обдумывая.

— Мне нравится эта затея с рассказыванием историй, — сказал Оззи наконец. — Если я услышу достаточно занятную историю, я, возможно, пощажу вас. Если же нет, то, конечно, я, по-видимому, всех вас убью — самым неприятным и мучительным образом. Уверю вас, это будет много хуже, чем участь Касима!

— Прошу прощения, о джинн бутылки, — сказал дух лампы, поскольку два других джинна наконец-то на время прекратили ссориться и смогли заметить новое действующее лицо. — Но мы пришли сюда до тебя, поэтому должны в соответствии с правилами, которым подчиняются все наши соплеменники, потребовать, чтобы ты признал наше первенство...

Оззи материализовал руку и щелкнул пальцами, прежде чем другой джинн успел добавить хоть слово. Два других духа завопили, и их обоих стало затягивать в бутылку.

— Все, что я могу, — дать им шанс познакомиться поближе, — сказал Оззи. — Кроме того, я чувствую себя куда лучше, когда в этой бутылке кто-нибудь сидит. Итак, насчет историй. О, это очень забавно! Посмотрим. Синдбад?

— Это мое имя! — отозвался он.

— Очень мило, что ты вызвался добровольцем, — ответил Оззи. — А что до нашего второго рассказчика, думаю, этой чести я удостою человека, который освободил меня.

— Но я всего лишь скромный дровосек! — запротестовал Али-Баба.

— Тем лучше, — согласился Оззи. — О, я смогу придумать невероятно неприятные смерти для вас. Знаете, я работал над этим, еще когда сидел в бутылке. А как насчет последнего рассказчика? Нет-нет, не ты, Гарун. Я уверен, что никому не захочется перед самой смертью выслушать дюжину историй про недержание газов. Быть может, женщина?

— Я хочу! — воскликнула Марджана.

— О господи! — вздохнул Оззи. — Нет, я уже наслушался тебя, сидя в бутылке. У тебя это слишком ловко получается. Боюсь, что ты сумела бы выиграть. — Он повернулся и взглянул на большую группу женщин у дальнего входа. — Может, кто-нибудь из дворца?

Из середины толпы откликнулась маленькая, исключительно красивая женщина:

— Прошу меня простить, о великий и благородный джинн, но в свое время мне доводилось рассказать историю-другую.

— Ах, какая прелестная малютка, — торжествующе фыркнул Оззи. — Да, я с удовольствием послушаю тебя напоследок, прежде чем убить всех вас. Если только ни один из вас — носильщик, дровосек или маленькая застенчивая дамочка — не сумеет поразить меня своей отвагой! О, эта игра мне нравится. А как тебя зовут, дитя мое?

— Шахразада, — ответила женщина.

— И имя тоже прелестное. Не слишком пугайся, Шахразада, когда станешь пытаться рассказывать мне сказку, чтобы отсрочить свою смерть. — С этими словами огромный зеленый джинн разразился хохотом.

Но Шахразада лишь сложила руки на груди и улыбнулась.

НО ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ВТОРОГО ДНЯ.

ЕСЛИ ХОТИТЕ ЕЩЕ, ВНИМАЙТЕ

«ПОСЛЕДНЕЙ СКАЗКЕ „ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ“»,

КОТОРАЯ УЖЕ НА ПОДХОДЕ.